

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вестник
КАЛМЫЦКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2(58)/2023

ВЕСТНИК КАЛМЫЦКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

ISSN 1995-0713

Основан в 2006 году
Периодичность выхода 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»

№2(58) 2023

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»
ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации
(по состоянию на 08.02.2023).

Группы научных специальностей:

5.6.1 – Отечественная история (исторические науки), 5.6.3 – Археология (исторические науки), 5.7.7 – Социальная и политическая философия (философские науки), 5.7.8 – Философская антропология, философия культуры (философские науки), 5.7.9 – Философия религии и религиоведение (философские науки), 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Редакционный совет:

д-р биол. наук *Б.К. Салаев* (председатель); д-р экон. наук, проф. *Э.И. Мантаева* (зам. председателя); канд. пед. наук, доц. *З.Б. Доржинова* (ред. англ.); канд. пед. наук *Э.В. Эрдниева* (отв. секретарь).

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *В.Б. Убушаев* (гл. редактор); д-р филос. наук, проф. *В.Н. Бадмаев* (зам. гл. редактора); д-р филол. наук, проф. *Т.С. Есенова* (зам. гл. редактора); д-р ист. наук, проф., академик РАН *Х.А. Амирханов*; д-р ист. наук, проф., академик НАН РК *Б.А. Байтанаев*; д-р филол. наук, проф. *П.Ц. Биткеев*; д-р филос. наук, проф. *З.Т. Голенкова*; д-р филос. наук, проф. *Г.В. Драч*; д-р филол. наук, проф., член-корр. РАН *А.В. Дыбо*; д-р филос. наук, проф. *З.Н. Исмагамбетова*; д-р ист. наук, проф. *М.Е. Колесникова*; д-р ист. наук *П.М. Кольцов*; д-р ист. наук, проф. *А.Н. Команджаев*; д-р филол. наук, проф. *Г.Ц. Пюрбеев*; д-р филол. наук, доц. *Г.В. Файзиева*; д-р филос. наук *М.С. Уланов*; д-р филол. наук, проф. *Е.Э. Хабунова*; д-р ист. наук, проф. *А.В. Цюрюмов*.

BULLETIN OF KALMYK UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

ISSN 1995-0713

The journal was founded in 2006
The journal is issued four times a year

Founder:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov”

№2(58) 2023

This peer-reviewed journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (as of February 8, 2023).

Branches of science:

5.6.1 – History of Russia (historical sciences), 5.6.3 – Archeology (historical sciences), 5.7.7 – Social and political philosophy (philosophical sciences), 5.7.8 – Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences), 5.7.9 – Philosophy of religion and religious studies (philosophical sciences), 5.9.5 – Russian language. Languages of the peoples of Russia (philological sciences), 5.9.8 – Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences).

Editorial board:

Doctor of Biological Science *B.K. Salaev* (Chairman); Doctor of Economics, Professor *E.I. Mantaeva* (Deputy Chairman); Candidate of Pedagogics, Assistant Professor *Z.B. Dorzhinova* (English version); Candidate of Pedagogics *E.V. Erdnieva* (executive secretary).

Editorial council members:

Doctor of History, Professor *V.B. Ubushaev* (Editor-in-Chief); Doctor of Philosophy, Professor *V.N. Badmaev* (Deputy Editor-in Chief); Doctor of Philology, Professor *T.S. Esenova* (Deputy Editor-in Chief); Doctor of History, Professor, Member of the Russian Academy of Science *H.A. Amirchanov*; Doctor of History, Professor, Member of the Academy of the National Academy of Science of the Republic of Kazakhstan *B.A. Baitanaev*; Doctor of Philology, Professor *P.Ts. Bitkeev*; Doctor of Philosophy, Professor *Z.T. Golenkova*; Doctor of Philosophy, Professor *G.V. Drach*; Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Science *A.V. Dybo*; Doctor of Philosophy, Professor *Z.N. Ismagambetova*; Doctor of History, Professor *M.E. Kolesnikova*; Doctor of History, Professor *P.M. Koltsov*; Doctor of History, Professor *A.N. Komandjaev*; Doctor of Philology, Professor *G.Ts. Pyurbeev*; Doctor of Philology, Assistant Professor *G.V. Fayzieva*; Doctor of Philosophy, Professor *M.S. Ulanov*; Doctor of Philology, Professor *E.E. Habunova*; Doctor of History, Professor *A.V. Tsyuryumov*.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Кипиев М.К.

Итоги археологических исследований Западного Казахстана
с середины 20-х – конец 40-х гг. XX в. 6

Резвая А.Н.

Государственные служащие России и Китая:
«братья навек» или истории о специфике?..... 14

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Акимова О.В.

К определению понятия «стример видеоигр» в сетевой коммуникации..... 22

Александрова Д.В.

Глокальность как одна из тенденций развития сетевого фольклора
(на материале сетевого фольклорного жанра частушка)..... 29

Бакина Н.М.

Коммуникативное поведение американских политиков 38

Бахаева Л.М.

Гендерно-ориентированные лексические единицы как представление
о мужской и женской идентичности (на материале чеченской паремиологии) 44

Глушко В.В., Убушаева И.В.

Средства реализации стратегии диффамации в политическом дискурсе..... 50

Дадуева Е.А.

Эмотивные интенсификаторы в каузативных конструкциях бурятского языка 58

Котяева Е.С.

«На языке земли родной...»: к проблеме интерпретации разговорности
стихотворного слога Д.Н. Кугультинова..... 65

Манджиева Э.Б., Эрдниева Э.В.

Национально-культурная специфика речевых жанров
повседневной коммуникации (на примере речевого поведения калмыков) 73

Понарядов В.В., Мушаев В.Н.

Синтетическое и аналитическое подчинение
в мамлюкско-кыпчакском военном трактате «Мунйат ал-гузат»..... 81

Сердалиева Р.Р.

К определению понятия «лидер мнения» в сетевой коммуникации.....92

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Джураев А.Х.

Национальная культура в контексте мировой, массовой,
глобальной и глобалистской культуры..... 102

Манджиев Н.Ц.

Рассказ В.А. Закруткина «Подсолнух» в дискурсе мировой литературы:
своеобразие философии культуры..... 113

Уланов М.С., Тюмидова М.Е.

Феномен буддийского образования 124

Урбанаева И.С., Лоценков А.В.

Стадиальность как философия и Путь в индо-тибетской махаяне 132

ОБ АВТОРАХ 140

CONTENTS..... 146

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

М.К. Кипиев

Атырауский областной историко-краеведческий музей, Атырау, Казахстан

ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА С СЕРЕДИНЫ 20-х – КОНЕЦ 40-х гг. XX в.

В статье содержится история археологического изучения Западного Казахстана в довоенный период, связанная с именами таких ученых, как П.С. Рыков, П.Д. Рау, М.П. Грязнов, М.Н. Комарова, Б.Н. Граков, Н.К. Арзютов, П.Д. Степанова, Т.М. Минаева и др. Подчеркивается большой вклад профессора П. С. Рыкова и Н. К. Арзютова в исследование археологических памятников Западного Казахстана. Основные направления их научных интересов были сосредоточены, прежде всего, на изучении культур бронзового века и скифо-сарматского периода. Отмечаются также негативные политические процессы в стране с конца 30-х годов XX века, в результате которых профессор П.С. Рыкова, а затем и Н.К. Арзютов были репрессированы. В итоговой части статьи сделан вывод о том, что исследования упомянутых выше археологов в Западном Казахстане в 20–30-е годы XX века положили начало комплексному изучению археологических памятников края в послевоенный период.

Ключевые слова: Западный Казахстан, археологические исследования, р. Урал, довоенный период, культуры бронзового века, скифо-сарматский период, курганы, Западно-Казахстанская экспедиция Академии наук СССР, Институт истории материальной культуры РАН.

М.К. Kipiev

Atyrau Regional Museum of Local History, Atyrau, Kazakhstan

THE RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN WESTERN KAZAKHSTAN FROM THE MID-20s – LATE 40s OF THE XXth CENTURY

The article is devoted to the history of the archaeological study of Western Kazakhstan in the pre-war period, associated with the names of famous scientists as P.S. Rykov, P.D. Rau, M.P. Gryaznov, M.N. Komarova, B.N. Grakov, N.K. Arzyutov, P.D. Stepanova, T.M. Minaeva, etc. The author appreciates a great contribution of Professor P. S. Rykov and N. K. Arzyutov to the study of archaeological sites of Western Kazakhstan. These scientists concentrated, first of all, on the study of the cultures of the Bronze Age and the Scythian-Sarmatian period. But the country suffered from negative political processes since the late 30s of the XX century. These processes led to the repression of Professor P.S. Rykova and then N.K. Arzyutov. The author came to the conclusion that the research of the work done by these famous archaeologists in Western Kazakhstan in the 20-30s of the XXth century was a milestone in the comprehensive study of the archaeological sites of the region in the post-war period.

Key words: Western Kazakhstan, archaeological research, Ural River, pre-war period, Bronze Age cultures, Scythian-Sarmatian period, burial mounds, West Kazakhstan expedition of the USSR Academy of Sciences, Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences.

Полевые археологические исследования, проводимые на территории Западного Казахстана с середины 20-х годов XX века, тесно связаны с именем известного ученого-археолога, профессора Павла Сергеевича Рыкова (1884–1942 гг.). Под руководством ученого археологические разведки и раскопки на территории Уральской губернии (современная Западно-Казахстанская область) проводились с 1925 по 1927 гг.

Летом (июль) 1925 года сотрудники Саратовского областного государственного музея и Южно-Волжского научно-исследовательского института краеведения под

руководством профессора П.С. Рыкова провели археологические исследования в Уральской губернии. В состав экспедиции входили научные сотрудники Саратовского областного государственного музея Н.К. Арзютов, П.Д. Степанов, Т.М. Минаева, научный сотрудник педагогического факультета Саратовского государственного университета Е.Н. Кушаев, научный сотрудник Южно-Волжского исследовательского института А.Н. Кушаева, преподаватель Саратовской школы П.М. Козин и студенты педагогического факультета И.В. Сеницын, В.И. Трофимов, В.А. Андрофагин. Основная задача исследовательских работ заключалась в установлении присутствия культур бронзового века в районе, ограниченном Нижней Волгой и р. Уралом, определить характер этих культур, а также проследить распространение скифо-сарматской культуры в Заволжье, вплоть до р. Урал. В связи с этим археологические разведки и раскопки в проводились в районе р. Деркул и Чеган [19, с. 89–90].

В результате полевой разведки на расстоянии 100 км по реке Деркул и до его впадения в реку Чеган выявлены 23 курганные группы, а по Чегану на расстоянии около 80 км. – 17 групп курганов. Курганные группы состояли из 8–10 земляных насыпей небольшого размера. По мнению П.С. Рыкова, племена, которые их оставили, подолгу не сидели на одних и тех местах, часто меняли стоянки. Так же он отмечает, что «курганы, составляющие одну группу, почти никогда полностью не подлежат одной эпохе» [19, с. 90–91].

Во всех намеченных заранее или вновь открытых группах раскопки проводились выборочно. Курганные группы у станции Шипово были раскопаны полностью. Во время полевых работ в этом районе П.С. Рыков обратил внимание на погребения мужчины и женщины, найденных в двух курганах, соединенных полами. Профессор пишет, что в мужском погребении было найдено седло, покрытое золотыми орнаментированными листами, и сбруя, сплошь украшенная серебряными, золочеными квадратной формы бляхами. У покойника был кафтан малинового цвета с длинными рукавами, у которого борт, воротник и обшлага были обшиты ромбовидными золотыми бляшками. На шее покойника найдено ожерелье из бронзовых подвесок со вставками из стекла, а также кинжал, покрытый золотым тонким листом с чешуйчатым же орнаментом. В женском погребении была найдена диадема из бронзы, крытая серебряной золоченой пластиной со вставками из цветного стекла и золоченая гривна, золотая массивная серьга [20, с. 375–376].

В результате полевой экспедиции 1925 года были открыты памятники эпохи бронзы, скифо-сарматской культуры и позднего средневековья. В предварительном отчете, подготовленном по итогам исследования, П.С. Рыков провел подробный анализ с разбивкой по группам, особенностям погребальных могил и найденным материалам, составив описание по географии распространения памятников, относящихся к трем вышеназванным культурам [19, с. 92–96].

Материалы поздних кочевников, обнаруженные в результате раскопок курганов в 1925 годах в Нижнем Поволжье и Уральской губерниях, проанализировал Н.К. Арзютов. Археолог отмечает, что из 14 курганов, относящихся к данному периоду, 3 расположены на территории Уральской губернии. На основе погребального обряда Н.К. Арзютов делит раскопанные курганы на 4 типа:

- 1) погребения, принадлежащие в общем ко времени ранее XIV века;
- 2) погребения, относящиеся к XIV веку;
- 3) погребения, более поздние (приблизительно XV в.);
- 4) погребения, неопределенные.

Следует отметить, что 3 кургана, исследованных в Уральской губернии (курган №3 у станции Шипово и курганы №2 и №3 у поселка Зеленый), он относит к первому типу [2, с. 1].

Следующий полевой сезон профессор П.С. Рыков провел на территории Уральской губернии с 26 по 30 июля 1926 года. Финансирование экспедиции осуществлялось Уральским отделением Общества изучения Казахстана. В составе экспедиции были хранитель фондов Саратовского государственного музея Д.Д. Степанов, ассистент кафедры археологии Саратовского государственного университета Т.М. Минаева и члены Уральского отделения общества П.В. Калачев и Е.М. Тимофеев [6].

П.С. Рыков разделил археологические памятники на 2 группы в соответствии с территориями, на которых проводились раскопки. Первая группа памятников располагалась вдоль реки Чаган за полотном железной дороги, около мусульманского кладбища, что напротив ст. Уральск. Вторая группа курганов находилась в 4-х км от Уральска, между железнодорожным полотном и рекой Деркуль, против сельскохозяйственной опытной станции. Размеры исследованных курганов: диаметр варьировал от 15 до 27 метров; высота – от 0,10 до 1,0 метров. Раскопки показали, что ряд курганов был разграблен. П.С. Рыков в своем дневнике не указывает, к какому периоду относятся раскопанные курганы [21, л. 1-9]. Тем не менее позже в записке, направленной в Уральское отделение общества о результатах раскопок, П.С. Рыков утверждает, что все 11 курганов, где проводились раскопки, относятся к сарматской эпохе, то есть I–III век нашей эры [6, л. 8].

Следует отметить, что находки, найденные при раскопках в 1925 году были переданы в Саратовский областной государственный музей, а артефакты сарматской культуры, обнаруженные в 11 курганах (раскопки 1926 года), составили первую археологическую коллекцию Уральской губернии [11, с. 347].

Третий полевой сезон профессора П.С. Рыкова на территории Уральской губернии проходил по приглашению Уральского отделения Общества изучения Казахстана с 24 июня по 7 июля 1927 года. Экспедиция обследовала район вдоль среднего течения реки Урала – 70 км вверх, от Уральска по направлению к Илеку, по правому берегу р. Урала и на левом берегу реки [22, с. 279]. Исследования охватывали районы населенных пунктов Трекино (Гниловский), Дарьинский, Новенький, Рубежинский, Коммуна Спартак, Требушинский, Январцевский, Долинный, Федоровка, Подстепный и район Уральска [12, с. 121].

Полевой сезон П.С. Рыкова начался с обследования территории близ поселка Гниловский (Трекино). В результате разведочных работ была выявлена курганная группа, одиночный курган эпохи бронзы, а также в дюнах по реке Урал обнаружены фрагменты глиняной посуды, бронзовые наконечники стрел и др. предметы разного времени от эпохи бронзовой до золотоордынского времени включительно [23, л. 2].

Пробные раскопки проводились в 3-й группе курганов, выявленных в 4 км к северо-западу от поселка Гниловский. Здесь проведены раскопки 3 курганов диаметром 10–11 метров, высотой не более 0,5 метров [23, л. 2–3].

Далее маршрут экспедиции пролетал по территориям населенных пунктов Дарьинский и Новенький, где были выявлены 4 курганные группы (1 курган был раскопан), а также исследованы дюны, в которых обнаружены предметы эпохи бронзы, скифо-сарматского времени и средневековья.

К северу от села Рубежный выявлены еще 2 группы курганов, раскопки проведены на 2 курганах последней группы. В результате разведок дюн у поселка Рубежный было обнаружено погребение сарматской женщины. Погребальный инвентарь состоял

из мелких голубых бисерных бус, зеркала, железного ножа и куска серы. В ходе дальнейших разведок был выявлен ряд курганных групп на территориях поселков Коммуна Спартак, Требушинск и Январцевский. Раскопки проводились на 2-х курганах между Коммуна Спартак и Требушинск, в последнем из которых было обнаружено 3 погребения [24, л. 5–12].

На левом берегу реки Урал, в местечке под названием «Бухарская сторона», экспедиция выявила новые курганные группы. Памятники располагались у реки Урал, в 2 км от аула №10, а также в районе поселков Долинный и Федоровский. Раскопкам подверглись курганы, расположенные на территории поселка Федоровский и между поселком Подстепное (Меновое) и аул №4 [25, л. 13–14].

Профессор П.С. Рыков отмечает, что во время раскопок близ села Меновое (Подстепное) были обнаружены находки XV–XVI веков. Подводя итоги своим исследованиям, он пишет: «произведенные пробные раскопки и разведки на правом берегу показали присутствие культуры бронзовой эпохи, что подтвердилось погребениями скорченных костяков, покрытых красной краской, и находкой, в прежнее время, вислообушного бронзового топора в том же районе, где вскрыты указанные погребения. Затем найдены на дюнах и в курганах материалы, свидетельствующие о существовании скифо-сарматских культур разных эпох» [22, с. 279].

Следует отметить, что результаты исследований П.С. Рыкова, проведенных на территории Западного Казахстана в 1926–1927 гг., представлены только краткими сообщениями и не опубликованы в виде отдельной статьи. Краткие сведения проведенных работ были отмечены в брошюре ученого об исследованиях, проведенных в 1926–1927 годах в Нижнем Поволжье [26].

Ряд исследователей [28, с. 24–25; 13, с. 29–30], опираясь на отчет руководителя Западно-Казахстанской археологической экспедиции Т.Н.Сениговой, пишет, что в 15 км от п. Ново-Казанка, в урочище Курпебай, наряду с П.С. Рыковым, в период с 1926 по 1930 годы проводились археологические раскопки Саратовского университета под руководством профессора П.Д. Рау. Однако, судя по исследованиям [16, с. 264–277; 8, с. 210–226], касающимся биографии П. Рау, нам не удалось найти данные о том, что он проводил полевые работы в урочище Корпебай. В связи с этим, мы считаем, что сведения Т. Сениговой о том, что П.Д. Рау проводил археологические раскопки на территории Западного Казахстана, даны ошибочно.

Некоторые сведения о случайных находках предметов старины на территории Западного Казахстана мы находим в отчетах и сообщениях различных экспедиций. В 1926 году почвенно-ботанический отряд казахстанской экспедиции Академии наук СССР провел исследования в районе реки Уил и Эмба (Жем) и плато Устюрт. В ходе изучения Тайсуйганских песков Уильской партией отряда под руководством Е.Н. Ивановой было обнаружено большое количество фрагментов керамики и кремниевых наконечников от «бывшей здесь когда-то стоянки древнего человека» [10, с. 310].

В 1926 году в устье реки Эмба геологами предприятия «Эмбанефть» были обнаружены сосуд бронзового века и бронзовые наконечники стрел сарматского периода [3, с. 189].

В 1931 году почвенно-ботаническим отрядом мелиоративной экспедиции была обследована долина реки Уил между песками Тайсуйган и Буйрек. В ходе изучения Тайсуйганского песка почвоведом Е. Останином были обнаружены каменные орудия, обломки глиняной посуды, бронзовые наконечники стрел. Находки были исследованы археологом ГАИМК В.В. Гольмстен, которая отнесла их к неолитической, бронзовой и скифо-сарматской эпохам [5, с. 5, 213–214].

Следующая случайная археологическая находка, каменный шлифованный топор, была обнаружена в 1932 году при рытье котлована вблизи поселка Базартобе и обследована Абировым [9, л. 26].

В 1932 году сотрудник общества пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ) А.И. Тереножкин в рамках деятельности ОПТЭ организует разведки вдоль р. Урал. В это время начинается его сотрудничество с Б.Н. Граковым, тогда уже известным московским археологом. Изначально планировалось приобрести в г. Уральске лодки и с небольшой группой участников добраться до г. Гурьева (около 500 км), спуститься по течению, а затем пешком обследовать урочище. Но, так как они вышли только вдвоем с Б.Н. Граковым, лодка не понадобилась. Через несколько дней Б.Н.Граков по некоторым причинам приостановил свое участие, поэтому две недели А.И. Тереножкин путешествовал один, охватив разведками большую полосу в 250 км вдоль берега, это чуть меньше половины запланированного маршрута для нескольких человек и с использованием лодки [27, с. 65–66].

Согласно документу, хранящемуся в архиве Института истории материальной культуры РАН, разведочные работы проводились между станицами Гниловская и Морченово [4, с. 78]. Стоит отметить, что вдоль реки Урал есть станица под названием Мергеново, поэтому, на наш взгляд, в отчете ошибочно указали Морченово. В результате археологического обследования указанного района исследователь выявил более 300 разновременных курганов и 6 поселений, 2 кладбища с мавзолеями золотоордынского времени и другие памятники [7, с. 132].

Надо отметить, что результаты разведочной работы археолога А.И. Тереножкина, проведенной в 1932 году на реке Урал, не были опубликованы. С осени 1932 года и до конца 1933 года ученый был внештатным сотрудником московского отделения ГАИМК, работая секретарем Восточной группы феодального сектора. В указанное время он вместе с другими сообщениями сделал доклад на тему: «Результаты археологических разведок по р. Уралу от г. Уральска до г. Лбищенска» [27, с. 64].

По мнению исследователя В.М. Саенко, в конце 1934 года Западно-Казахстанское общество изучения края переписывалось с ученым на предмет подготовки отчета о разведке 1932 года, оплата производилась согласно договора с музеем [27, с. 66]. Однако нам неизвестно, предоставил ли археолог свой отчет по условиям договора или нет. Поиск отчета А.И. Тереножкина в фондах Западно-Казахстанского областного государственного архива и Центрального государственного архива Республики Казахстан результатов не дал.

Последние археологические раскопки на территории Западного Казахстана в довоенный период были проведены в 1937 году учеником П.С. Рыкова, археологом Николаем Константиновичем Арзютовым (1899–1942 гг.). В сентябре 1937 года по приглашению Уральского отделения общества изучения Казахстана он провел археологические исследования в Гурьевской области на городище Сарайчик. Свою работу на территории городища Н.К. Арзютов начинает с изучения топографии Сарайчика. Сравнивает свое исследование с материалами работы заведующего Уральской войсковой чертежной корпуса топографов штабс-капитаном А. Е. Алексеевым, который в 1861 году произвел небольшие раскопки и мензурную съемку развалин. В отчете он пишет, что за 70 лет из-за изменения русла реки Урал была потеряна территория протяженностью 1100 метров, шириной 300 метров, что составило 320 гектаров [1, с. 127].

В ходе раскопок Н.К. Арзютов прежде всего попытался найти жилую часть городища и остатки жилых домов. Для выполнения этой задачи он заложил 13 траншей в разных местах городища. В процессе раскопок было выявлено, что общий культурный

слой городища в среднем достигает 1 метра. При этом он отмечает, что это не единый культурный слой, а ряд слоев, которые за все время существования города сильно перемешаны. Этот факт он объясняет следующим образом: «...не раз происходила перепланировка города и части его в разное время меняли свое назначение: то это были жилые кварталы, то кладбищенские районы» [1, с. 128–129].

Наиболее сохранившаяся часть жилых кварталов была расположена между речкой Сорочинкой и поселком. Из заложенных траншей наиболее интересный материал дала траншея № 13, вскрывшая здание из сырцового кирпича, состоявшее из 5 комнат. В процессе раскопок выяснилось, что оно погребено от пожара. В связи с этим Н.К. Арзютов считает, что это здание было сожжено казаками в 1580 году во время завоевания Сарайчика. Тем не менее археологам удалось обнаружить комнату с почти полностью сохранившейся печью и остатками кана [1, с. 129].

Кроме того, в ходе раскопок были обнаружены следующие предметы: обломок горловины стеклянного сосуда с золоченой арабской надписью «благородство», костяной полоз от саней, обломки двух бронзовых зеркал с рельефом, фрагмент керамической посуды с ручкой, глиняные копилки в виде репы, сфероконический сосуд, а также 11 монет времен Узбек хана и Хизр хана. Найденные материалы впоследствии были переданы в фонд Саратовского областного музея [17, с. 127].

Стоит отметить, что Н.К. Арзютов первый из специалистов-археологов провел раскопки городища Сарайчик, самого крупного средневекового памятника на территории Западного Казахстана городище. Он считал, что «исследование Сарайчика необходимо продолжить по следующим направлениям:

- 1) детальная съемка сохранившихся развалин;
- 2) возможно полное вскрытие береговой полосы, где заведомо имеются остатки жилищ; эта полоса находится под угрозой гибели в ближайшие годы;
- 3) сбор антропологического материала;
- 4) последний пункт работ – это отыскание усыпальниц золотоордынских ханов в окрестностях, примыкающих к Сарайчику, так как по существующим теперь преданиям и по указаниям источников район Сарайчика был местом погребения золотоордынских ханов» [1, с. 129–130].

Однако политические репрессии конца 30-х годов не позволили Н.К. Арзютову продолжить исследовательские работы в Сарайчике. В августе 1938 года он был арестован органами НКВД по обвинению «в участии в антисоветской правотроцкистской группе существовавшей в музее». В октябре 1938 году Н.К. Арзютов был приговорен к тюремному заключению сроком на 10 лет, умер в 1942 году в Красноярском крае [15, 195–196].

За год до обвинения Н.К. Арзютова, в 1937 году, был арестован его учитель, директор Саратовского музея и профессор Саратовского университета П.С. Рыков по обвинению в причастности к «правотроцкистской контрреволюционной группе» [18, с. 8]. 24 апреля в 1938 году он был приговорен к 10 годам заключения. Умер в марте 1942 году в лагере под Владивостоком [29, с. 211].

Надо отметить, что археологические работы под руководством П.С. Рыкова, проведенные на территории Западного Казахстана в 1925–1927 годы, были высоко оценены казахстанскими археологами. По мнению известного археолога Г.А. Кушаева, «П.С. Рыкова с полным основанием можно считать основоположником казахстанской археологии. ...Значение произведенных им разведок и раскопок курганов у с. Шипова (совхоз Каменка), у с. Зеленого, у г. Уральска (кордон Деркульский), у Менового двора (пос. Подстепный) исключительно велико, по значимости не уступают проведенным в Западном Казахстане работам М.П. Грязнова, М.Н. Комаровой, Б.Н. Гракова» [14, с. 123].

Тем не менее трехлетняя экспедиция П.С. Рыкова велась только на определенных территориях и не охватывала большую часть Уральской губернии. Однако стоит отметить, что из археологических экспедиций, проведенных на территории Западного Казахстана в довоенный период, ни одна организация не проводила исследования 3 года подряд, как это сделал профессор П.С. Рыков. Что касается полевых работ А.И. Тереножкина, то ее материалы и по сей день не опубликованы. В заключение хочу отметить, что археологические работы, проведенные в Западном Казахстане в 20–30-е годы XX века, положили начало комплексному изучению археологических памятников края в послевоенный период.

Список литературы

1. Арзютов Н.К. Отчет о раскопках, произведенных в 1937 г. на месте развалин золотоордынского города Сарайчика // Известия Академий наук Казахской ССР: Серия археологическая. 1949. Вып.2. – С.126–134.
2. Арзютов Н.К. Материалы по археологии поздних кочевников Нижнего Поволжья (из раскопок 1925 года) // Нижне-Волжск. област. науч. о-во краеведения. Саратов: Тип. Сарполиграфпрома в Петровске, 1929.–10 с.
3. Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата. 1960. – С.189.
4. Археологические экспедиции Государственной академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР. 1919–1956 гг.: Указатель. М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 264 с.
5. Гаель А.Г., Коликов М.С., Малюгин А.Е., Останин Е.С. Пески Урало-Эмбенского района и пути их освоения. Труды Института пустынь АН КазССР, 1949. т. 1. – С.5, 213–214.
6. Государственный архив Западно-Казахстанской области.Ф.432. Оп.1. Д.8. Л.8.
7. Длужневская Г.В. Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб.: ЭлекСис, 2011. – 295 с.
8. Дремов И.И., Лескова Л.Г., Семенова И.В., Усманова Э.Р. Фамилия Рау: жизнь и судьба ее представителей // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры Российских немцев. 2017. №3. – С.210–226.
9. Дублицкий Б.Г. Хроника археологических разведок и находок на территории КазССР (1928–1941 гг.). 1945 г. // Архив ИА МОН РК. Ф.11. Оп.2. Д.65. Л.26.
10. Иванова Е.Н. Очерк почв южной части Подуральского плато и прилегающих районов Прикаспийской низменности // Отчет о работах Почвенно-ботанического отряда Казакстанской экспедиции Академии наук СССР: Исследование 1926 года. Вып.1. Л.,1928. – С.310.
11. Известия Центрального бюро краеведения. Ленинград: Тип. Печатный труд, 1926. № 10. – 32 с.
12. Калачев П. Итоги краеведческой работы в Уральской губернии // Урало- Прикаспийская степь. 1928. №1. – С. 113–124.
13. Китов Е.П., Мамедов А.М. Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке. Астана: Издательская группа ФИА им. А.Х. МАргулана в г. Астана, 2014. – 352 с.
14. Кушаев Г.А. Вклад П.С. Рыкова в археологию Казахстана // Археология Восточно-Европейской степи. Вып.1. Саратов: Изд-во СГУ, 1989. – С. 123.
15. Максимов Е.К. Николай Константинович Арзютов // Российская археология. 1998. №2. – С.194–195.

-
16. Малышев А.А., Семенова И.В. Павел Давидович Рау // Российская археология. 1992. №1. – С. 264–277.
  17. Маргулан А.Х., Агеева Е.И. Археологические работы и находки на территории Казахской ССР (с 1926 по 1946 гг.) // Известия Академий наук Казахской ССР: Серия археологическая. 1948. Вып.1. – С.124–135.
  18. Павел Сергеевич Рыков (1884–1942) : биобиблиограф. указ. / сост.: Л.В. Гусева, Л.С. Павлова, Н.С. Растокина. Саратов: СГУ, ЗНБ, 2009. – 32 с.
  19. Рыков П.С. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. (предварительный отчет) // Известия краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском государственном университете. 1926. Т.1. – С. 89–96.
  20. Рыков П.С. Научная экспедиция в Казахскую республику // Новый Восток. 1925. №10/11. – С. 375–376.
  21. Рыков П.С. Дневник археологических раскопок близ г. Уральска в июле 1926 г. // Архив ИА МОН РК. Ф.11. Оп.2. Д.5. Л.1–9.
  22. Рыков П.С. Археологические и этнографические работы в Нижнем Поволжье в 1927 г. // Человек. 1928. №2-4. – С. 278–279.
  23. Рыков П.С. Археологические раскопки и разведки в Уральской губернии (Казакстан) летом 1927 г. // Архив ИА МОН РК. Ф.11. Оп.2. Д.5. Л.2–3.
  24. Рыков П.С. Археологические раскопки и разведки в Уральской губернии (Казакстан) летом 1927 г. // Архив ИА МОН РК. Ф.11. Оп.2. Д.5. Л.5–12.
  25. Рыков П.С. Археологические раскопки и разведки в Уральской губернии (Казакстан) летом 1927 г. // Архив ИА МОН РК. Ф.11. Оп.2. Д.5. Л.13–14.
  26. Рыков П.С. Нижнее Поволжье по археологическим данным 1926–27 гг. М. – Саратов, 1929. – 17 с.
  27. Саенко В.М. Олексій Тереножкін як дослідник давньої історії України: Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук за спеціальністю 07.00.06 «історіографія, джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни». Дрогобич. 2019. – С.64-66.
  28. Сдыков М.Н., Лукпанова Я.А. Ранние кочевники Западного Казахстана (на примере курганного комплекса Таксай I). Уральск: Полиграфсервис, 2013. – 292 с.
  29. Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М.: Знак, 2006. – 344 с.
-

А.Н. Резвая

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СЛУЖАЩИЕ РОССИИ И КИТАЯ: «БРАТЬЯ НАВЕК» ИЛИ ИСТОРИИ О СПЕЦИФИКЕ?

Статья посвящена ознакомлению с современным состоянием государственной службы в России и Китае: рассмотрены наиболее характерные особенности системы современной государственной службы Китая и России. Автором проанализированы положения китайского и российского законодательства, касающиеся поступления на государственную гражданскую службу, в ходе исследования выявлены основные различия и сходства в развитии современной системы государственной службы двух стран.

Ключевые слова: государственная служба, Россия, Китай, управление, государственный служащий, сравнительная характеристика.

A.D. Rezvaia

Leningrad State University named after A.S. Pushkin

CIVIL EMPLOYEES OF RUSSIA AND CHINA: “BROTHERS FOREVER” OR STORIES ABOUT SPECIFICITY?

The article is devoted to familiarization with the current state of civil service in Russia and China. The article describes the most characteristic features of the system of modern civil service in China and Russia. The authors analyze the provisions of Chinese and Russian legislation regarding the entry into the civil service, identified the main differences and similarities in the development of the modern civil service system of the two countries.

Key words: public service, China, Russia, control, public servant, comparative analysis.

В последние годы наблюдается постепенное расширение перспективных направлений сотрудничества и взаимодействия между Россией и Китаем. Несмотря на некоторые сложности, вызванные геополитической ситуацией, между странами укрепились отношения.

За последние десятилетия Китай достиг значительных результатов в экономике. Квалифицированный аппарат государственных гражданских служащих, на чьи плечи и было возложено претворение в жизнь экономических и социальных реформ, сыграл в этом немалую роль. Китай является соседом России и важным стратегическим партнером. Политическое и экономическое сближение этих двух стран обусловило необходимость более детального изучения права Китая и поиска перспективных направлений реформирования отечественного законодательства [9].

Более 70 лет двусторонних дипломатических отношений Китая и России имеют хорошие результаты. Обе страны уверенно идут по пути развития и модернизации.

Гражданская служба, как известно, является важным организационным субъектом государственного строительства управления, она играет ключевую роль в осуществлении и достижении задач модернизации.

Процесс реформирования системы государственного управления начался в Китайской Народной Республике и Российской Федерации в 90-х гг. XX в. и продолжается в настоящее время. Он характеризуется как некоторыми общими принципами функционирования, так и существенными различиями. Сегодня между Китаем и Россией

ведется активное сотрудничество, которое развивает стратегические партнерские отношения в самых разных сферах. Несмотря на то, что государственное развитие этих стран происходит в разных направлениях (после 1991 г. новая российская государственность строилась на отрицании советского социализма, а реформы в Китае нацелены на развитие социализма с китайской спецификой), методы реализации и тактические способы совершенствования системы государственной политики и управления во многих отношениях совпадают, что обусловлено воздействием глобализации, развитием новых технологий управления и информационной революцией. На наш взгляд, все это объясняет интерес к сравнительному анализу современных систем государственной службы двух стран как важнейшему инструменту осуществления государственной политики. Китайские меры реформирования государственной службы представляют практический и научный интерес для различных направлений сотрудничества стран [12].

Безусловно, для России и Китая характерными являются относительно высокая численность государственного аппарата, акцент на построение сильной и эффективной команды государственных служащих и связанный с этим постоянный рост требований к ним, определение противодействия коррупции в качестве одной из приоритетных государственных задач. России и Китаю свойственны традиции патримониальной бюрократии, а переход к инновационным формам и методам государственного управления актуализирует проблему профессионализма кадрового состава. В целом в странах уже сформировано законодательство, которое регулирует институт государственной службы.

Конституция страны, принятая в 1982 году, обеспечивает нормативную основу государственной службы в Китае, а также закон о государственной гражданской службе, система иных нормативно-правовых актов, которые регулируют отдельные вопросы государственной службы.

Необходимо отметить, что базовые законы Китая о государственной службе совершенно иначе определяют систему государственной службы, чем принято в России и в европейских государствах, где деление по категориям служащих проходит по роду деятельности людей, занимающих должности в административном аппарате, а не по видам государственной службы. В Китае же государственная служба – это любая деятельность гражданина, заключившего служебный контракт и прошедшего соответствующие экзаменационные испытания, причем это не обязательно должна быть деятельность по обеспечению полномочий государства и органов государственной власти. В том числе к службе приравнивается трудовая деятельность граждан, которые осуществляют ее на государственных предприятиях. Понятия «государственный служащий» в России и Китае представлены в Таблица 1.

Государственная гражданская служба в Китае включает в себя государственную службу трёх уровней: национальная, провинциальная и местная. Это обусловлено тем, что, согласно 3 статье Конституции Китая, государственные органы взаимодействуют на основе принципа демократического централизма и в стране отсутствует муниципальная служба. В 10 статье Закона Китая «О государственной гражданской службе» закреплено, что Государственная администрация гражданской службы Китая является органом, осуществляющим управление государственной гражданской службой в рамках всей страны. Ответственность за организацию государственной службы соответствующего уровня несут департаменты государственной гражданской службы провинций и уездов [14].

Таблица 1

Понятия «государственный служащий» в Китае и России

Статья 2 Закона КНР «О государственной гражданской службе»	Статья 10 Федеральный закон от 27.05.2003 N 58-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О системе государственной службы Российской Федерации»
Государственный служащий – это персонал, осуществляющий публичные обязанности в соответствии с законом, включенный в кадры государственной администрации и получающий заработную плату и пособия за счет государственных финансов.	Федеральный государственный служащий – гражданин, осуществляющий профессиональную служебную деятельность на должности федеральной государственной службы и получающий денежное содержание за счет средств федерального бюджета. Государственный гражданский служащий субъекта Российской Федерации – гражданин, осуществляющий профессиональную служебную деятельность на должности государственной гражданской службы субъекта Российской Федерации и получающий денежное содержание за счет средств бюджета соответствующего субъекта Российской Федерации. В случаях, предусмотренных федеральным законом, государственный гражданский служащий субъекта Российской Федерации может получать денежное содержание также за счет средств федерального бюджета.

Статьей 13 Закона Китая «О государственной службе» предусмотрены базовые требования, которым должны соответствовать кандидаты на должности государственной службы: гражданство Китая, возраст не менее 18 лет, признание Конституции Китая, безупречная репутация, дееспособность, необходимый уровень образования, навыки работы и др. Согласно 25 статье Закона Китая «О государственной службе», помимо соблюдения вышеизложенных условий кандидату на вакантную должность государственной службы также необходимо соответствовать требованиям органов управления государственными служащими уровня провинции либо выше. Статьей 26 Закона КНР «О государственной службе» также предусмотрены запреты на прием на государственную службу для определенных категорий лиц: понесших уголовное наказание за совершение преступления, исключенных из рядов КПК, исключенных из штата государственных служащих, тех, кто утратил общественное доверие и понес наказание в связи с этим и др.

Рассмотрим особенности государственной службы в Российской Федерации. Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы в Российской Федерации» является основным законом России о государственной службе. Государственная служба Российской Федерации является единой системой, которая объединяет три основных вида государственной службы (гражданскую, военную и

правоохранительную, под каждой из которых понимается профессиональная служебная деятельность граждан России по обеспечению полномочий России органов государственной власти). При этом, единство системы позволяет взаимодействовать между собой всем трем службам, допуская переход из одного вида службы в другие [2].

На гражданскую службу вправе поступать граждане Российской Федерации, достигшие возраста 18 лет, которые владеют государственным языком России и соответствуют квалификационным требованиям, установленным Федеральным законом №79-ФЗ [4].

Если сравнивать анализируемые Закон Китая «О государственной службе» и Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [4], то приходим к выводу, что в России порядок поступления на государственную гражданскую службу имеет более четкий регламент. Кроме того, в России есть такое понятие, как кадровый резерв, являющийся основой кадровой политики, в китайском законодательстве же обнаружить данное понятие не удалось. В Китае набор кадров осуществляется преимущественно из демобилизованных военнослужащих; выпускников вузов, средних учебных заведений и профессиональных училищ; выдвиженцев с предприятий и из учреждений, с заводов; а также приглашенных лиц, которые прошли определенную подготовку. Запретом является приглашение служащих на должности, связанные с государственной тайной.

В Китае установлен социалистический строй, особенностью которого является ведущая роль коммунистической партии. Безусловно, отличительной чертой государственной службы является основополагающий принцип системы государственной службы – «партия управляет кадрами».

Особенностями государственной службы в Китае являются: государственное регулирование государственной службы ориентировано на формирование корпуса руководящих государственных служащих и иных государственных служащих, имеющих высокую профессиональную квалификацию, которые преданы Коммунистической партии Китая, свободных от местнических, клановых и других влияний. В соответствии с открытым экзаменом, проводящимся на конкурсной основе, осуществляется поступление в систему государственной службы на не руководящие должности. На определенные органы власти – Государственной администрации гражданской службы Китая и ее департаментов – возлагается обязанность проведения экзамена.

Назначение кадров по принципу справедливости в Китае является основным требованием к управлению кадрами и государственными служащими. Система отбора государственных служащих, действительно, представляет интерес, в первую очередь, в связи с тем, что представители органов государственной власти, имеющие вакансии в своей структуре, не привлекаются к проведению экзамена – это обеспечивает его объективность. Прохождение экзамена дает начало проверки документации, которая предоставляется претендентом на должность. Данная проверка направлена на определение соответствия претендента требованиям, предусмотренным законодательством. Китайское законодательство предоставляет возможность стажировки государственных служащих. Прохождение стажировки призвано обеспечить формирование необходимых компетенций и расширить кругозор.

Необходимо отметить следующую особенность, которая заслуживает внимания: в Китае конкурс не проводится в два этапа, как в России. Претендент на должность узнает о проведении конкурса из объявления. Далее его документы на предмет соответствия требованиям будут рассматриваться только после положительной сдачи экзамена.

Интересным представляется тот факт, что характерная особенность законодательства России о государственной службе – это использование обширной системы запретов, ограничений и обязанностей, распространяющихся не только на государственных служащих, но и на иные категории лиц. Базовые ограничения, запреты и обязанности установлены ст. 15–18, 20, 21 Федерального закона № 79–ФЗ [4].

Одним из приоритетов внутренней политики Китая является борьба с коррупцией. Основываясь на анализе Закона «О государственной гражданской службе» и рассмотренных нормативно-правовых актов, которые касаются борьбы с коррупцией, сложно перечислить более важные и совершенные меры профилактического характера, аналогичные предусмотренным в национальном законодательстве Китая.

Отличительные черты кадровой политики стран: в России в настоящее время большое внимание уделяется знаниям чиновников в области юриспруденции, навыку ориентироваться в законодательной базе, ответственности перед законом и страной, организаторским способностям. Вопрос о политических пристрастиях не затрагивается.

В Китае при желании поступить на государственную службу кандидат должен обладать достаточно высокими моральными качествами и быть политически устойчивым, а также предоставить положительные характеристики и рекомендации из парткома. Необходимо отметить, что руководством Китая исключается возможность копирования западного опыта в сфере кадровой политики и декларируется «подготовка госслужащего с китайской спецификой».

Проведенное исследование государственной службы в Китае и России позволило прийти к выводу, что в обеих странах многолетняя целенаправленная деятельность государственных органов, научного сообщества и политических сил способствует повышению качества государственной службы. Отметим, что институт государственной службы стабильно функционирует, работая на благо наших стран. Россия рассматривает совпадение принципиальных подходов двух государств к решению ключевых вопросов мировой политики в качестве одной из базовых элементов региональной и глобальной стабильности. Становление института государственной службы в странах происходило в связи с необходимостью развития новых экономических отношений, ускорения развития информатизации общества, усложнения управленческих процессов, потребовавших тщательного учета всех обстоятельств, которые влияют на повышение эффективности института государственной службы. Действительно, на наш взгляд, залогом общего устойчивого развития в евразийском регионе являются сбалансированное совершенствование данного вида деятельности во всем его видовом многообразии, нацеленность на следование принципам плановости, постепенности, программирования реально достигаемых целей в программах развития государственной службы.

Безусловно, на определенные положения Закона Китая «О государственной гражданской службе» необходимо обратить внимание и изучать в дальнейшем – это может способствовать усовершенствованию отечественного законодательства.

Сравнительный анализ современной кадровой политики в России и Китае свидетельствует о том, что основные кадровые задачи связаны с ротацией кадров и подготовкой специалистов высокой квалификации в соответствии с новыми требованиями времени, а также борьбой с коррупцией. В качестве общих направлений и приоритетов дальнейшего совершенствования государственной службы как в Китае, так и в России можно отметить внедрение в систему государственной службы эффективных информационных технологий. Несомненным является тот факт, что создание целостной и

эффективной системы государственной службы должно проходить с учетом различных факторов: исторических, культурных, национальных и других особенностей как Китая, так и России.

Список источников

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации [Официальный сайт]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/>.
2. Федеральный закон от 27.05.2003 N 58-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О системе государственной службы Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 02.06.2003, N 22, ст. 2063.
3. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 06.10.2003, N 40, ст. 3822.
4. Федеральный закон от 27.07.2004 N 79-ФЗ (ред. от 16.12.2019) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 02.08.2004, N 31, ст. 3215.
5. Федеральный закон от 2 марта 2007 г. N 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 05.03.2007, N 10, ст. 1152.
6. Государственная и муниципальная служба: учебник для среднего профессионального образования / Ю. Н. Туганов [и др.] ; под редакцией Ю. Н. Туганова, С. И. Журавлева, В. И. Петрова. – 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 286 с.
7. Опыт лучших практик государственной службы России и Китая: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева, Чжао Шимин; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Пудунская академия подготовки руководящих кадров Китая. – М.: ИД «Юриспруденция», 2020. – 396 с.
8. Чиркин, В. Е. Система государственного и муниципального управления: учебник для бакалавриата // В. Е. Чиркин. – 6-е изд., перераб. – Москва: Норма: ИНФРАМ, 2020. – 400 с.
9. Алексеенко А.П., Сонин В.В. — Особенности законодательства КНР о государственной гражданской службе // Административное и муниципальное право. – 2017. – № 8. – С. 40–52.
10. Севальнев В. В. Правовое регулирование противодействия коррупции в Китае // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 2.
11. Севальнев В. В., Цирин А. М. Опыт лучших практик государственной службы Китая и России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. №6 (73).
12. Хао Лун (КНР) Лун Сравнительный анализ системы государственной службы Китая и России // Власть. 2014. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-sistemy-gosudarstvennoy-sluzhby-kitaya-i-rossii>.
13. 中华人民共和国宪法 URL: http://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm
14. 中华人民共和国公务员法 URL:http://www.gov.cn/guowuyuan/2018-12/30/content_5353490.htm
15. 中华人民共和国宪法 URL: <https://chinalaw.center>

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

О.В. Акимова

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «СТРИМЕР ВИДЕОИГР» В СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В данной статье рассматривается коммуникативный статус стрима и его подвиды – стрима видеоигр, выявляются его характеристики как коммуникативного действия, реализуемого в сетевой коммуникации на основе существующих определений. Выявляется связь характеристик стрима и стримера, на основе которых выводится определение понятий «стрим», «игровой стрим», «стример» и «игровой стример».

Ключевые слова: *стример видеоигр, игровой стрим, сетевая коммуникация, характеристики стрима, коммуникативный статус стрима.*

O.V. Akimova

Astrakhan State Tatischev University named after V.N. Tatishchev

TO THE DEFINITION OF THE CONCEPT “VIDEOGAME STREAMER” IN NETWORK COMMUNICATION

This article discusses the communicative status of the stream and its subspecies the videogame stream, identifies its characteristics as an act of network communication based on existing definitions. The relationship between the stream characteristics and the streamer is revealed, based on which the definition of the “stream”, “game stream”, “streamer” and “game streamer” is derived.

Key words: *videogame streamer, game stream, network communication, stream characteristics, stream communicative status.*

Возрастающая популярность такого явления, как «стрим» все больше привлекает внимание исследователей. В науке «стрим» изучается с позиции медиасреды, журналистики, литературоведения, маркетинга, киберкоммерции как средство массовой коммуникации и медиакommunikации, социологии, социальных медиа. Стрим представляет собой новую гибридную форму работы для стримеров и развлечения для зрителей, которая стала возможной благодаря развитию цифровых технологий, а также новым тенденциям в культуре, экономике и обществе. Создание видеоконтента разными пользователями стало выходить на новый, качественный, даже профессиональный уровень, а развитие сервисов для видеохостинга подготовило почву для роста большого количества блогеров, влогеров и инфлюенсеров, при этом стриминг для большинства из них является основным источником дохода. Однако заметим, что «стрим» является не только достижением цифровых технологий, но и лингвокультурным феноменом, при этом его культурологический, лингвистический и коммуникативный статус до сих пор остается без внимания.

О популярности стримов свидетельствуют следующая статистика сайта Twitch Tracker: среднее количество зрителей платформы Twitch в день составляет примерно 2 300 000 человек, в то время как среднее количество стримеров – 1 100 000 человек. По данным 50-го статистического отчета о развитии Интернета в Китае от августа 2022 года, количество зрителей лайв стримов достигло 716 270 000 человек, число игроков в онлайн игры составило 552 390 000 человек.

Помимо понятия «стрим», при анализе зарубежных статей нам встретились такие смежные понятия, как «лайв стрим», и его вариации написания «лайв-стрим», «лайв-стрим», «бродкастинг» (от англ. “broadcasting” – вещание), «влогинг» (от англ. “vlogging” – ведение видеоблога). Людей, занимающихся стримами, соответственно называют «стримерами», «лайв стримерами», «бродкастерами», реже «влогерами», «ютюберами» (от англ. “youtuber”), «контент криэйтерами» (от англ. “contentcreator” – создатель контента) и инфлюенсерами (от англ. “influencer”). Самым употребительным понятием среди всех перечисленных является «стриминг» и «стример». В отечественных работах чаще используется понятие «стрим», а в зарубежных – «стриминг». Для избегания путаницы разграничим эти два явления и под «стримингом» в данной работе будем понимать процесс потокового вещания, а под «стримом» – явление как таковое.

Для определения статуса стримера в сетевой коммуникации необходимо изучить явление «стрим» и выявить его характерные признаки. Поскольку стрим ранее не изучался через призму лингвистики, рассмотрим существующие определения понятия «стрим» и его подтипа «игровой стрим»:

1. Стрим – это процесс потоковой передачи данных, аудио- и видеовещание через интернет, в современности, как правило, развлекательного формата [6, с. 183];

2. Стрим – это прямая аудио- или видеотрансляция разнообразного контента, преимущественно игрового, посредством разнообразных сервисов [7, с. 117];

3. Лайв стриминг – это акт онлайн-трансляции программного контента в режиме реального времени в социальных медиапосредством Интернета. Лайв стриминг может быть разделен на различные тематики, например, игры, разговоры, употребление и / или приготовление пищи, жизнь, развлечения и т. д. [10].

Таким образом, главными факторами ведения стрима являются: 1) доступ к сети Интернет; 2) транслируемый аудио- и/или видео контент на определенную тематику; 3) сервисы для потокового вещания; 3) синхронность во времени.

Считаем важным отметить, что при выявлении характеристик «стрима» будем исследовать данное явление под углом компьютерной сетевой коммуникации, так как, помимо игровых стримов, существуют также стримы-прямые эфиры, целью которых является продвижение продукта в киберкоммерции. Рассмотрим несколько определений.

1. Стрим – это формат подачи информации посредством прямого эфира в интернете, предполагающий потоковое вещание со стороны влогера в режиме реального времени, с целью передачи разнообразного контента (информации) и самопрезентации неограниченной аудитории (подписчикам канала, случайным зрителям и другим персонализированным или анонимным пользователям) [1, с. 219];

2. Игровой стрим – это направление в потоковом вещании, их содержание – комментирование игроком прохождения компьютерной игры с возможностями для зрителей быть на связи через общий чат [5, с.460];

3. Лайв стриминг – это деятельность в режиме реального времени включает в себя стримера / вещателя, который транслирует свой видео- и аудиоконтент, включая видеоигры, демонстрацию умений, повседневную жизнь или все, чем он / она желает поделиться. Зрители/ аудитория на канале стримера могут комментировать и общаться друг с другом через функцию текстового чата. При этом стример также общается и взаимодействует со своей аудиторией во время трансляции [16];

4. Лайв стриминг – это революционный метод записи и потоковой передачи в реальном времени, обеспечивающий более эффективное взаимодействие в реальном времени стримера и зрителя, по сравнению с предварительно записанными и

загруженными. Например, взаимодействие в реальном времени позволяет стримерам мгновенно отвечать на вопросы и объяснять зрителям, благодаря чему зрители могут оценить качество взаимодействия в прямом эфире в отношении персонализации, оперативности и развлечения [11, с. 715];

5. Стриминг – это особая форма онлайн-взаимодействия, которая сплачивает участников сообщества в процессе совершения совместных действий. Вы как бы играете в игру сообща и вместе же создаете медиа-продукт, предлагая стримеру темы для обсуждения, дискутируя с ним посредством комментариев в чате [4, с. 255];

6. Игровой стриминг – это одновременная передача процесса игры геймеров публике через платформы для потоковой передачи в реальном времени, что позволяет публике узнать о стратегиях и навыках талантливых игроков в игре [12].

На основе данных определений, опираясь на конститутивные признаки компьютерной сетевой коммуникации и компьютерного дискурса, предложенными Е.Н. Галичкиной [2; 3], можем вывести следующие характеристики стрима как акта коммуникации:

- *Наличие стримера (хоста) и зрителей;*
- *Синхронность (синхронная сетевая коммуникация);*
- *Спонтанность;*
- *Опосредованность;*
- *Ограниченность по времени (от нескольких минут до нескольких часов подряд);*
- *Письменная и устная формы общения (стример общается с помощью голосового модема, зрители с помощью стримингового чата, текстов сообщений добровольных денежных пожертвований (донатов), реже с помощью голосовых сообщений донатов);*
  - *Масштабность (стример <=> от двух и более зрителей);*
  - *Бимодальность (стример ведет коммуникацию в актуальном режиме, зрители ведут в сетевом режиме);*
    - *Актуальность и виртуальность общения (стример является реальной, известной личностью, зрители же в большинстве случаев неизвестны и не знакомы друг с другом).*

Стоит отдельно прокомментировать понятие «синхронность», так как не всегда стрим синхронен во времени. Это связано с программной установкой задержки вещания. Задержка вещания может быть установлена от нескольких секунд до нескольких минут, то есть стример начал эфир, однако зрители видят все его действия с отставанием на определенное количество времени, установленного стримером. Задержку иногда ставят стримеры киберспортивных дисциплин, чтобы избежать преследования со стороны других игроков, которые смотрят стрим в режиме реального времени и могут увидеть положение игрока на игровой карте для получения преимущества. Такое явление среди стримеров получило название «стримснейпинг» (от англ. “streamsniping”). В таком случае между стримером и зрителями происходит асинхронная сетевая коммуникация.

Помимо вышеперечисленных характеристик стрима, считаем возможным добавить еще несколько, присущих только стриму как коммуникативному феномену. Объектом нашего исследования является стример видеоигр, поэтому мы будем рассматривать стрим и общение на стриме как симбиоз компьютерного, игрового (или же компьютерно-игрового) дискурса и медиадискурса. В этой связи считаем возможным отметить *полидискурсивный характер* стрима. В рамках гибридизации с медиадискурсом стрим обладает таким параметром, как *развлекательность*, так как привлечение зрителей является одной из эссенциальных целей проведения стрима.

Рассматривая особенности игрового дискурса, Эсселин А. выделяет аспект металюдичной коммуникации (от англ. “metaludiccommunication”). Металюдичная коммуникация – это языковое взаимодействие по теме игр и игрового процесса, осуществляемое игроками, а также другими участниками игровой культуры [13, с.409]. Поскольку стример сопровождает свои действия в ходе стрима комментариями, к примеру, о выборе стратегии, приобретаемых внутриигровых предметах и их характеристиках, особенностях игрового персонажа и т.д., и о том, как это влияет на внутриигровой процесс, можно утверждать, что стрим обладает такой характеристикой, как *металюдичность*.

Рассмотрим понятийные характеристики стримера на материале лексикографических источников. Ввиду того, что понятие «стример» еще не вошло в отечественные словари, рассмотрим понятийные признаки, основываясь на зарубежных словарях Cambridge Dictionary, The Dictionary и Collins Dictionary.

1. Стример – это человек или компания, которая передает информацию, музыку, видео и т. д. (= отправляет их через Интернет), чтобы люди могли получать их по мере их отправления;

2. Стример – это лицо, которое публикует или транслирует аудио- и видеоконтент в прямом эфире с комментариями или другим дополнительным контентом в Интернете;

3. Стример – это физическое лицо или организация, в режиме реального времени осуществляющая вещание посредством Интернета.

Отсюда следует, что главными характеристиками стримера являются: 1) трансляция аудио- и видеоконтента; 2) синхронность во времени; 3) общение со зрителями; 4) доступ к сети Интернет.

Для выявления более подробных характеристик стримера обратимся к существующим определениям понятия «стример».

1. Стример – это тот, кто организует онлайн-трансляцию, демонстрирует потоковое видео различных категорий [8, с.309];

2. Стример или же ведущий трансляций – это человек, транслирующий на своем экране игровой процесс различных видеоигр, просматривающий вместе со своей аудиторией видео и фильмы, либо же просто общающийся с ними вживую. Данные люди являются основой контента, который и привлекает новую аудиторию как стримерам, так и площадкам, на которых они введут трансляции» [9, с. 243];

3. Стример – это хост и ведущий живого видео, который выполняет определенные действия для привлечения зрителей. <...> При этом действие стримера имеет определенную продолжительность, которая представляет собой временной контекст [15];

4. Стример – это тот, кто транслирует стрим, делится живым видеоконтентом своего игрового процесса в совокупности с трансляцией себя в реальной жизни. Зрители трансляции общаются со стримером и другими зрителями через чат. Между тем, стримеры одновременно участвуют в игре и общаются с помощью аудио и видео. Участие в стримах свободное [14, с.1315].

Итак, проанализировав определения понятия «стример», можем сделать вывод: выявленные нами характеристики стрима соотносятся с характеристиками стримера. Стример является главным связующим звеном игрового стрима и зрителей. Он синхронно и спонтанно совершает коммуникацию со зрителями. Время проведения и продолжительность стрима зависит от желания стримера. Коммуникация происходит опосредованно, при этом зрители общаются со стримером посредством стримингового чата или донатов (добровольных денежных пожертвований). Зрителям, как правило, известна личность стримера, его интересы, жизненные установки и ценности, в то же время личности зрителей для стримера являются виртуальными и анонимными.

Стример как хост также развлекает аудиторию с целью привлечения зрителей, при этом частью развлекательного контента игрового стрима является металюдичная коммуникация.

Отметим, что перечисленные определения «стримера», в отличие от определений «стрима», не содержат характеристик, связанных с играми. Несмотря на то, что стримы бывают разных направленностей (музыкальные стримы, стримы с приготовлением или употреблением еды, стримы с трансляцией повседневной рутины и быта, обучающие стримы, коммерческие стримы с представлением нового продукта, стримы-болталки, треш-стримы и т.д.), большинство людей все-таки ассоциирует стрим с трансляцией игр, по причине того, что трансляция игрового контента более популярна у пользователей Сети.

На основании выявленных характеристик мы предлагаем следующие собственные определения понятий «стрим», «игровой стрим», «стример», «стример видеоигр» применительно к интернет-дискурсу:

Стрим – это видеотрансляция разного рода контента в режиме реального времени с целью развлечения или заработка денег.

Игровой стрим – это видеотрансляция игрового процесса посредством специальных сервисов в режиме реального времени, сопровождающаяся комментариями стримера и общением со зрителями.

Стример – это человек, который проводит стрим, комментируя свои действия и совершая опосредованную коммуникацию со зрителями в режиме реального времени с целью развлечения или заработка денег.

Стример видеоигр – это человек, который проводит игровой стрим посредством специальных сервисов, комментируя свои действия и совершая опосредованную коммуникацию со зрителями в режиме реального времени.

На наш взгляд, важно разграничить понятия «стрим» и «игровой стрим», «стример» и «стример видеоигр», так как в этом случае мы говорим о специфичности данных понятий и считаем, что поведение стримера на игровом стриме будет отличаться от поведения стримера другого вида стрима. Кроме того, его коммуникативное поведение также будет отличаться. Так, в коммерческом стриме важно показать характеристики товара, вызвать у зрителя желание купить демонстрируемый товар, следовательно, для реализации этих целей стример будет выбирать определенные стратегии и тактики речевого поведения. На игровом стриме же коммуникация в большинстве случаев будет проходить вокруг транслируемой игры. Если стример играет в многопользовательскую онлайн игру, то он может рассказывать о своей игровой тактике, обосновывать правильность своих действий или неправильность действий игрока своей команды. Во многих многопользовательских онлайн играх, например МОБА (от англ. “multiplayer online battle arena”), стример играет в составе команды игроков, состоящей из нескольких человек, где ему, помимо аудитории, которая его смотрит, приходится взаимодействовать с членами команды посредством встроенного голосового чата игры. В таких ситуациях на стриме происходит параллельная синхронная коммуникация со зрителями и с членами команды.

В данной статье в результате анализа коммуникативного статуса стрима были выявлены следующие характеристики: синхронность, спонтанность, опосредованность, ограниченность по времени, интеграция письменной и устной формы общения по разным каналам связи, масштабность, бимодальность, актуальность и виртуальность общения, полидискурсивность, развлекательность и металюдичность. В данной работе мы предложили понятие «стример видеоигр» как участника сетевой коммуникации.

Определив коммуникативный статус стрима, мы считаем, что проблема культурного и лингвистического статуса стрима также требует дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Бочарова Т.И. Особенности коммуникации в формате видеоблога // Текст в социальном, политическом, культурном пространстве: Сборник научных статей / Отв. редактор В.В. Никульцева. – Москва: Московский финансово-юридический университет МФЮА, 2020. – С. 215–220.
2. Галичкина Е.Н. Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство: дис. ... докт. филол. н., 10.02.19, Астрахань, 2012. 374 с.
3. Галичкина Е.Н. Типология речевых жанров сетевой компьютерной коммуникации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2(135). – С. 97–100.
4. Есаулова Д. Регулировать нерегулируемое: как русскоязычные стримеры приняли новую политику Twitch.TV // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2021. – № 5(139). – С. 254–265.
5. Зиновьева Н.А. Игровые стримы и летсплеи: перспективы социологического анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2020. – Т. 13, № 4. – С. 460–475.
6. Косовова М.С. Прямые эфиры и лайв-стриминг как новый тренд коммуникации и продвижения в медиа индустрии // Журналистика и медиакоммуникации в цифровой среде: международный научно-практический медиафорум : материалы Международной студенческой научно-практической конференции, Москва, 23 марта 2022 года. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, –2022. – С. 182–187.
7. Мирошник М.А. Стрим как современный формат прямого репортажа: аудиторный фактор и особенности развития // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2020. – № 1. – С. 117–119.
8. Тараскина А.Е. Аудитория геймеров – среда для продвижения и развития бизнеса // Актуальные проблемы и перспективы развития инновационной экономики и управления : Сборник научных статей по итогам II Всероссийской научно-практической студенческой конференции, Калининград, 23 апреля 2020 года. – Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2021. – С. 309–313.
9. Шемет Д.Ю. Реклама и продвижение на стриминговых платформах (на примере Twitch) // Russian Economic Bulletin. – 2021. – Т. 4, № 2. – С. 243–247.
10. Chen Wen-Kuo, Chen Long-Sheng, Pan Yi-Ting. 2021. A text mining-based framework to discover the important factors in text reviews for predicting the views of live streaming // Applied Soft Computing, No.111.
11. Chou Shih-Wei, Nguyen Trieu. 2002. Understanding donation intention in live-streaming from dedication and constraint perspectives. Proceedings of The International Conference on Electronic Business. No. 22, pp. 714-719.
12. Deng Zhaoxia, Lee Jyh-An. 2022. Legalization of live game streaming through statutory licence in China. Computer Law & Security Review. No. 46.
13. Ensslin A. Discourse of Games. 2015. The International Encyclopedia of Language and Social Interaction. Ch. Discourse of Games, ed. by K. Tracy, C. Ilie, T. Sandel. Publisher: John Wiley & Sons. No. 05, pp. 406-411.
14. Hamilton W.A., Garretson O., Kerne A. 2014. Streaming on twitch: fostering participatory communities of play within live mixed media. CHI '14: Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems. PP 1315-1324.

15. Li Chenhao, Zhang Jing, Yao Jiacheng. 2021. Streamer action recognition in livevideo with spatial-temporal attention and deep dictionary learning//Neurocomputing.No. 453.

16. Mu Hu, Zhang Mingli, Wang Yu. 2017. Why do audiences choose to keep watching on live video streaming platforms? An explanation of dual identification framework // Computers in Human Behavior. №. 75.

Д.В. Александрова

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

**ГЛОКАЛЬНОСТЬ КАК ОДНА ИЗ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ
СЕТЕВОГО ФОЛЬКЛОРА
(НА МАТЕРИАЛЕ СЕТЕВОГО ФОЛЬКЛОРНОГО ЖАНРА ЧАСТУШКА)**

В статье рассмотрена глокальность как один из векторов развития сетевого фольклора. Были представлены различные подходы к определению «сетевого фольклора», выделена тематическая классификация сетевых частушек. Значительное внимание уделяется композиционным особенностям сетевых частушек, в которых реализуется их глокальная черта, а также лексическим особенностям, часть из которых наследована от традиционной частушки, а часть является новоприобретённой, формируемой в сетевой среде.

Ключевые слова: *сетевой фольклор, глокальность, глобализация, частушка, интернет-культура, интернет-лингвистика, интернет-фольклор, компьютерно-опосредованная коммуникация, постфольклор, сетевая частушка, геймерская частушка.*

D.V. Alexandrova

Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

**GLOCALITY AS ONE OF THE TRENDS
IN THE DEVELOPMENT OF NETWORK FOLKLORE
(BASED ON THE MATERIAL
OF THE NETWORK FOLKLORE GENRE CHASTUSHKA)**

The article considers glocality as one of the vectors for the development of network folklore. Various approaches to the definition of “network folklore” were presented, a thematic classification of network chastushka (humorous rhyme) was highlighted. Considerable attention is paid to the compositional features of network chastushka (humorous rhyme), in which their glocal feature is realized. The author thinks that lexical features are inherited from the traditional chastushka (humorous rhyme), and some are newly acquired, formed in the network environment.

Key words: *network folklore, glocality, globalization, chastushka, Internet culture, Internet linguistics, Internet folklore, computer-mediated communication, post-folklore, network chastushka, gaming chastushka.*

В современной лингвистике наметилась тенденция к изучению лингвистических особенностей текстов сети Интернет. Это обусловило появление такой отрасли, как интернет-лингвистика. Разработкой данной проблемы занимались Е.Н. Галичкина [6; 7; 8; 9], Н.А. Ахренова [2; 3], Е.И. Горошко [11; 12] и др. Интернет-лингвистика – это направление в языкознании, занимающееся изучением особенностей функционирования и развития естественного человеческого языка в глобальном интернет-пространстве, изучением лингвистического поведения виртуальной языковой личности в ходе коммуникации на естественном языке в электронной среде [3].

Сетевой фольклор, являясь неотъемлемой частью интернет-культуры, с одной стороны, наследует черты традиционного устного народного творчества, с другой стороны, видоизменяется, в том числе и с лингвистической точки зрения под влиянием компьютерно-опосредованной коммуникации. Необходимость проведения исследования обусловлена потребностью выявить лингвистические особенности и тенденции развития малого фольклорного жанра частушка в сетевом дискурсе.

Интернет-лингвистика является междисциплинарной областью, поэтому для нее характерно использование как общенаучных методов исследования, так и специальных. Методами исследования в данной работе послужил описательный метод, который подразумевает сбор, текстологический анализ и изложение характеристик полученной информации.

Материалом исследования послужили тексты сетевого фольклорного жанра частушка, объемом 200 единиц, которые были собраны в социальной сети Вконтакте и в информационно-развлекательном сообществе Пикабу.

Канадский культуролог и философ М. Маклюен во второй половине XXв., рассмотрев тенденции масштабных трансформаций социума, выдвинул теорию, согласно которой электронные масс-медиа в будущем приведут к резкому увеличению скорости коммуникации и приведут к значительному изменению традиционных социальных институтов. М. Маклюен полагал, что «глобальной деревне» как форме социальной организации устойчивость придает именно коммуникационная система, где решающую роль играют электронные масс-медиа, выступающие объединяющей технологией [24].

Процесс глобализации затронул и лингвистику, поэтому сегодня можно говорить о таком явлении, как языковая глобализация. Под «языковой глобализацией» понимается современный процесс активного взаимопроникновения языков с доминированием английского языка, который является наиболее мощным фактором влияния на динамику картины мира большинства развитых языков, в том числе русского [16]. Эту тенденцию с позиции интернет-лингвистики подтверждает тот факт, что, во-первых, язык компьютерных технологий является английский, во-вторых, развлекательный контент сетевого дискурса также формируется под влиянием английского языка. К примеру, широкое использование в сетевом дискурсе разнообразных сленговых заимствований, образованных от английских слов, но подвергнутых морфологическим изменениям, характерным русскому языку, воздействует на лексическую систему русского языка. Е.Н. Галичкина выделяет три тематические группы подобных новообразований: 1. Взаимоотношения (напр. *френдзона*, *краш*); 2. Эмоциональное состояние (напр. *лол*, *рофл*, *хейтить*, *агриться*); 3) описание действий (напр. *флексить*, *чилить*) [7].

Д.А. Радченко понимает под «сетевым фольклором» совокупность фольклорных текстов (как вербальных, так и визуальных), которые создаются и распространяются преимущественно в процессе коммуникации в компьютерных сетях [25]. Е.Н. Галичкина под «интернет-фольклором» понимает «сочетание различных видов авторского или анонимного нетривиального творчества пользователей, оформленного в письменном виде» [9]. В данном исследовании мы предлагаем собственное определение понятия «сетевой фольклор», под которым будем понимать встроенный в повседневную жизнь вид народного творчества пользователей виртуальной среды, аккумулирующий в себе как трансформированные классические фольклорные жанры, так и порождающие новые формы, способные функционировать в компьютерно-опосредованной коммуникации и выходить за ее пределы, влияя на традиционную коммуникацию.

Частушка относится к классическим малым жанрам традиционного фольклора, однако, несмотря на тенденцию языковой глобализации, эволюция данного жанра в сетевом пространстве доказывает нам, что локальные культурные особенности даже под влиянием Интернета не только не теряют своей актуальности, но и продолжают свое развитие, стихийно всплывая в сознании носителей культуры, как отклик на

разнообразные общественные события. Подобное явление, на наш взгляд, подтверждает глокальность, как одну из характеристик сетевого фольклора. Глокализация – это процесс экономического, социального, культурного развития, характеризующийся сосуществованием разнонаправленных тенденций: на фоне глобализации вместо ожидаемого исчезновения региональных отличий происходит их сохранение и усиление. Вместо слияния и унификации возникают и набирают силу явления иного направления: обострение интереса к локальным отличиям, рост интереса к традициям глубокой древности и возрождению диалектов [10]. Сетевая частушка отражает данную тенденцию, ее композиционная структура не утрачивает традиционный конструкт, но лингвистическая и сюжетные составляющие подвержены влиянию культурной и языковой глобализации, являясь реакцией на происходящие в мире события.

В ходе исследования нами было выявлено, что среди сетевых частушек можно выделить несколько тематических групп: исторические частушки, геймерские частушки, социальные частушки, частушки по мотивам литературных и кинопроизведений.

Исторические частушки были отобраны нами в сообществе «Страдающее Средневековье» в социальной сети ВКонтакте и в сообществах на информационно-развлекательном портале Пикабу. Исследование практического материала показало, что посты, текстовой составляющей которых являлась частушка, получали большой отклик у пользователей и порождали процесс стихийного создания частушек на заданную историческую тематику в комментариях.

К примеру, изображение египетских статуй, сопровождающееся частушкой *Мы не сеем и не пашем,/ мы валяем дурака/ С пирамиды анххом машем,/ разгоняем облака* [14], привлекло внимание участников сообщества и набрало свыше ста комментариев, в которых пользователи сочиняли собственные частушки по мотивам разнообразных исторических сюжетов.

*Мне нагадил сфинкс в сандали –
Там песок и кирпичи,
Это мелкие детали,
Спас бы Гор от саранчи!* [14]

*Из-за леса, из-за гор
Показал Ньютон топор
Но не просто показал –
С тяготением связал* [14]

*Крестносец, не грусти,
Ведь сегодня праздник!
Балдуин в Ерусалиме,
Ах, какой проказник!* [15]

Сюжеты социальных частушек отражают текущие общественные, политические и культурные тенденции, могут быть использованы для формирования мнений и передачи информации, помогают посредством юмористического контента справиться с общественным напряжением, реализуя тем самым компенсаторную и реактивную функции.

*Мы гумпомощь собирали,
До Уханя отправляли.
С чем гумпомощь полетела?
С Арбидолом, с Кагоцелом* [19]

*К бизнесмену из Китая
Я сегодня не летаю
Страшно мне, скажу всерьез
С ним обкашливать вопрос [20]*

Частушки по мотивам фильмов, мифологии, аниме и литературных произведений адаптируют сюжеты мифических, фантастических и фэнтезийных произведений.

*Обманул Сизиф Аида
Вот теперь и мается
В гору тащит он валун,
Ну а тот срывается [26]*

*Прилетели на Арракис,
Расквартировались;
Обменяли спирт на спайс
И с червем подрались! [1]*

Данная частушка была размещена в сообществе «Специфический юмор» на портале Пикабу, написана по мотивам произведения Д.Ф. Герберта, подобный вид сетевых частушек именуется подписчиками «Арракийские частушки» по названию планеты Арракис, на которой происходит действие книги.

Самую многочисленную группу частушек составляют геймерские частушки, посвященные игровой культуре и миру видеоигр, практически по всем популярным компьютерным играм фанатские сообщества создают частушки. В Интернете можно найти «варп частушки» по игре Warhammer 40000, «киберпанк частушки» по игре Cyberpunk 2077, «морровинд частушки» по игре The Elder Scrolls III: Morrowind, «сталкерские частушки» по игре S.T.A.L.K.E.R. и др. Они могут быть как оригинальными произведениями, так и пародиями на уже существующие частушки.

А.В. Кулагина отмечает, что способы изложения частушек (повествование, описание и типы речи – монолог, диалог) эволюционно связаны со способами изложения лирических песен, такие же композиционные особенности характерны и для сетевых частушек [23]. Диалогический тип частушки в сетевой фольклорной частушке встречается крайне редко, составляет около 4%.

*Вот объект класса «Эвклид»
Называется Covid
– Из какой же он страны?
– [ДАННЫЕ УДАЛЕНЫ] [21]*

*Есть в игре занятный баг
Править не хотят никак
– Надо подождать немного!
– Он на форуме два года... [29]*

Большая часть частушек представляют собой монологи, в которых, в отличие от традиционных частушек, монолог-обращение составляет около 3%. Сетевые частушки используют стандартные для традиционных частушек обращения, а также обращения к историческим или вымышленным персонажам, которые определяются сюжетом частушки.

*Инквизитор открывал
Магазинчик дамский
Купи, дама, сапожок
Сапожок испанский [14]*

*Не дари ты, милый, мне
Золото-брильянты.
Не помогут нам они,
Ведь кругом мутанты [28]*

*Не ходите, девки замуж
Вы за этих роботов.
Не желаю никому
Я подобных опытов [28]*

Частушки с монологом-обращением строятся на побуждении, выражаемом императивной формой глагола: *купи, дама, сапожок; не дари ты, милый, мне; не ходите, девки, замуж; крестоносец, не грусти.*

Монолог-описание встречается в сетевых частушках значительно реже монолога-повествования. Монологи-описания составили около 6%, чаще всего описывают физическое или психологическое состояние героя частушки.

*Боль в суставах, сердце встало
И в печёнке колики –
И зачем читать я стала
Эти, блин, буюлики?[14]*

Монологи-повествования наблюдались в 94% сетевых частушках, они рассказывают о событии, произошедшем с героем частушки.

*Кибер бабушки на лавке
Возле корпорации
Слуховой протез достали
Добывают информацию [22]*

Н.И. Кравцов выделил в лирических любовных и семейных песнях три типа композиции: одночастную, двухчастную и сложную. Одночастный тип композиции отличается тем, что в произведении развивается одна тема, одна сюжетная ситуация, в центре стоит одна образная картина. В ней может отсутствовать психологический параллелизм, но может и присутствовать, принимая в этом случае форму символа. При двухчастной композиции в песне существует две ситуации, в центре ее стоят две образные картины. Двухчастная композиция нередко основана на психологическом параллелизме, между членами которого существует полное соответствие. Сложный тип композиции отличается тем, что в песне используется и переплетается несколько способов развития темы, в нее вводится несколько ситуаций и образных картин [23]. Частушка использует лишь два типа композиции: одночастную и двухчастную. По справедливому мнению И. Клагге, подавляющее большинство частушек состоит из двух частей [17]. Частушки сетевого фольклора представлены в большей степени одночастными частушками, их количество в процентном соотношении около 80%.

*Мимо бала у графини
Я без дела не хожу:
То ей яд в бокал подсуну,
То ей крысу покажу [15]*

Двухчастные частушки сетевого фольклора составляют меньшее количество.

*По реке плывет топор –
Ржавая хреновина.
Ни за что не променяю
Баха на Бетховена[14]!*

*Атакует «Красный Лев»,
А навстречу «Лилия»...
Не люблю я спорт, пойду
Я читать Вергилия [14]*

Сетевые частушки бытуют в форме одного четверостишия, но встречаются частушки, состоящие из двух четверостиший или из четверостишия и припева.

*Мы не сеем и не пашем,
Это все напрасный труд.
Все растения не очень
Хорошо себя ведут.*

*Только вырастет картофель,
Сразу драться лезет, гад.
А редис – такой противный –
Пристает ко всем подряд [28]*

*Девки в озере купались,
Чей-то QR-код нашли,
Ели, тили, подстригались,
Даже в школу не пошли.*

*Опа-опа! Зеленая ограда!
Все они – Костров Иван
Из Калининграда! [18]*

Зачины играют важную роль в композиционной структуре сетевых частушек. В ходе исследования было отмечено, что количество зачинов в сетевых частушках в отличие от традиционных крайне ограничено. Были выявлены следующие зачины: *На окошке два цветочка: голубой да аленький; Не ходите, девки, замуж; Не смотрите на меня, Глазки поломаете!; Мы с миленьком; Мимо тещино дома; Как услышу я гармошку; Ох, и громко же играет. Гармонист наш удалой; Одинокая гармонь смолкла вруг за банею; Мы не сеем и не пашем и др.*

*Ох, и громко же играет
Сильверхенд наш удалой –
Третью ночь не спит Найт-сити
Рядом с высохшей рекой [22]*

Приведенная выше сетевая частушка была размещена в сообществе любителей игры Cyberpunk 2077. Создатели данного сообщества провели конкурс «киберпанк-частушек», попросив пользователей написать два куплета традиционных частушек по мотивам игры, пост набрал около двухсот комментариев. Сюжет данных частушек развивается в городе Найт-Сити и основан на приключениях главных героев Джони Сильверхенда и Ви.

Среди лексических особенностей сетевых частушек нами были выделены особенности, присущие традиционным частушкам, являющиеся формообразующими конструктами малого фольклорного жанра: 1) просторечия; 2) междометия; 3) частицы; 4) диминутивы; 5) аугментативы; 6) прилагательные оценочного значения; и специфические лексические особенности сетевых частушек как жанра сетевого фольклора: 1) игровой сленг, 2) иностранные заимствования, 3) использование прецедентных имен, текстов и ситуаций, 4) реалии сеттинга, 5) эрративы.

*Мой милёнок Фейербах
Поругался с Гегелем!
Разорвал на ём рубах
И ударил мебелью! [14]*

Первичная природа частушки – это текст разговорного стиля, используемый при неофициальном общении в быту, в вышеприведённом примере используются: диминутив – *милёнок*, просторечная форма местоимения «*нем*», где была опущена первая согласная «н» – ём, ошибка в склонении существительного «*мебель*». Автор частушки намеренно прибегает к подобным лексическим средствам, так как эти лексические средства и в сознании автора, и в сознании интерпретатора текста являются конструктивными элементами, отличающими частушку от других рифмованных четверостиший.

Лексические особенности традиционных частушек, сохранение композиционной структуры, формы и рифмы, использование зачинов указывают на глокальную характеристику сетевого фольклорного жанра частушка, что позволяет говорить о том, что некоторые малые жанры сельского фольклора живут в сознании носителей культуры и могут быть ими ситуативно использованы и в традиционных практиках коммуникации, и в сетевых. Для сетевой частушки, кроме реплицирования вышеперечисленных особенностей традиционной частушки, характерно замещение ее сюжетной составляющей, места действия и образов героев.

*Я без Джони Сильверхэнда
По Найт-Сити не хожу.
Без его «No, you're breathtaking!»
Постоянно торможу [22]*

В сетевой частушке была использована прецедентная ситуация с фразой «*Ты захватывающий!*», которая знакома фанатам игры *Cyberpunk 2077*, во время презентации игры актер Киану Ривз, исполнивший роль главного героя Джони Сильверхэнда, назвал игровой мир «захватывающим», на что зритель в зале выкрикнул, что «захватывающим» является актер, Киану Ривз отшутился, назвав самого зрителя и всех присутствующих «захватывающими». Данная ситуация вирусно распространилась в Интернете и стала прецедентной среди фанатов игры. Главным героем данной частушки выступает Джони Сильверхэнд, а место действия разворачивается в вымышленном городе Найт-Сити.

*За лесами, за горами
Шёл Кодзимаиз Конами
Как часы ты не крути
Время будет «без Р.Т.» [13]*

В качестве прецедентных имен геймерских частушек могут выступать компании игрового мира, геймдизайнеры, сценаристы и продюсеры видеоигр, игроки в частушках часто иронизируют над ситуациями, происходящими в индустрии. В частушке упоминается дизайнер видеоигр Хидео Кодзима и отмененный им проект видеоигры под рабочим названием Р.Т. по игровой вселенной *Silent Hills*, демо-версия проекта Р.Т. полюбилась игрокам, но работа над ней была приостановлена из-за конфликта Хидео Кодзимы и компании Konami Corporation.

*На моей бронемашине,
Отказал пустотный щит!
Техножрец махнул кадилом.
Император защитит! [4]*

Автором «варп частушки» были использованы реалии игры Warhammer 40000: *пустотный щит* – особая технология, используемая в игре для защиты сверхтяжелых транспортных средств и военной техники; *техножрец* – жрецы одного их религиозных культов игры.

*Навамявил тачку щас
В фиалетавый окрас
Третий день щююскатину
Ни магу найти машину[5]*

В данном примере широко применены эрративы с целью передачи фонетических особенностей речи персонажей расы орк, кроме того, в сеттинге игры эта раса верит в силу цветов, и, по мнению орков, фиолетовый цвет делает предмет невидимым, что также констатируется в тексте частушки.

Таким образом, в ходе исследования нами было установлено, что малый фольклорный жанр частушка получил большое развитие в сетевом фольклоре Интернет-культуры. Сетевая частушка унаследовала композиционные и структурные особенности традиционной частушки, часть лексических особенностей также сохранилась, однако заметно поменялись образы героев, место действия и ситуации их использования. Глобализация оказывает влияние на все сферы жизни, в том числе и на языковые явления, но функционирующие в социуме фольклорные конструкты проявляют устойчивость, ведущую к сохранению уникальности наследия региональных обществ, при этом не исключаются культурные обмены, взаимодействия между представителями разных цивилизаций.

Список литературы

1. Арракийские частушки [Электронный ресурс] URL: https://pikabu.ru/story/arrakiyskie_chastushki_ch2_8497028(дата обращения: 20.03.2023).
2. Ахренова, Н. А. Интернет-лингвистика в свете доминантного подхода / Н. А. Ахренова // Американская лингвистика: наследие и современность (к 135-летию со дня рождения Э. Сепира): Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 13–14 марта 2020 года / Под общей редакцией И.И. Валуйцевой. Редактор англ. текста И.А. Улиткин. – Москва: Московский государственный областной университет, 2021. С. 5–8.
3. Ахренова, Н. А. Теоретические основы Интернет-лингвистики / Н. А. Ахренова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 10(28). С. 22–26.
4. Варп частушки [Электронный ресурс] URL: https://pikabu.ru/story/varp_chastushki_9766960(дата обращения: 20.04.2023).
5. Варп частушки [Электронный ресурс] URL: https://pikabu.ru/story/varp_chastushki_9764916 (дата обращения: 20.04.2023).
6. Галичкина Е.Н. Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство: дис. ... докт. филол. н., 10.02.19, Астрахань, 2012. – 374 с.
7. Галичкина Е.Н. Лингвокреативный потенциал сетевого дискурса в пандемическом мире // Вызовы и тренды мировой лингвистики: Казанский международный лингвистический саммит (Казань, 16-20 ноября 2020): тр. И матер.: в 2 т. / под общ. ред. Р.Р. Замалетдинова, Ф.Х. Тарасовой, Е.А. Горобец. – Казань: Издательство Казанского университета, 2021. Т.1. С.100–104.
8. Галичкина Е.Н. Людический потенциал компьютерного сленга как лингвокультурного феномена / Е.Н. Галичкина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2007. № 2. С. 108–114.

9. Галичкина Е.Н. Неофольклорные тексты в Интернете. Материалы XIX Международной научной конференции «Россия и Запад: диалог культур». Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва. 2017; С. 363–375.

10. Глокальность [Электронный ресурс] // Академик : [сайт]. – [Б.и.], 2010. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/17931> (дата обращения: 18.03.2023).

11. Горошко, Е. И. Интернет-жанр твиттинг как предмет исследования нового направления Интернет-лингвистики – виртуального жанроведения / Е. И. Горошко, Т. Л. Полякова // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвузовский сборник научных трудов, Орел, 15 мая – 01 2014 года / ответственный редактор Пастухов Александр Гаврилович. Том Выпуск 12. – Орел: Орловский государственный институт искусств и культуры, 2014. С. 238–249.

12. Горошко, Е. И. Новые тенденции в развитии интернет-лингвистики: общение от клавиатуры (звука) к экрану (звуку) / Е. И. Горошко // Верхневолжский филологический вестник. 2016. – № 4. С. 148–153.

13. Игровые частушки [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/wall-43116499_1477612(дата обращения: 22.03.2023).

14. Исторические частушки [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/wall-51254145_916994 (дата обращения: 19.03.2023).

15. Исторические частушки [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/wall-51254145_904568(дата обращения: 20.03.2023).

16. Кильдибекова, Т. А. Лингвистический аспект глобализации / Т. А. Кильдибекова, А. С. Рябцева // 2011. Т. 16, № 3–1. С. 949–953.

17. Клагге И. О композиции частушки / И. Клагге (Том) // Русский фольклор: [материалы и исследования]. Т. 12. Из истории русской народной поэзии. Ленинград, 1971.

18. Ковид частушки [Электронный ресурс] URL: https://pikabu.ru/story/chego_tolko_v_ozere_ne_naydesh_8623896(дата обращения: 22.03.2023).

19. Ковид частушки [Электронный ресурс] URL: https://pikabu.ru/story/ob_yeffektivnoy_borbe_s_koronavirusom_7204716(дата обращения: 19.03.2023).

20. Ковид частушки [Электронный ресурс] URL: https://pikabu.ru/story/chastushka_o_kitae_7194578(дата обращения: 19.03.2023).

21. Ковид частушки [Электронный ресурс] URL: <https://pikabu.ru/tag/Scp%20Foundation/best?page=19>(дата обращения: 20.03.2023).

22. Конкурс киберпанк частушек [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/wall-166433904_65005(дата обращения: 22.03.2023).

23. Кулагина А.В. Поэтический мир частушки. – М.: Наука, 2000. – 303 с.

24. Маклюен М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатающего. – М.: Академический проект. 2018. – 443 с.

25. Радченко, Д. А. Сетевой фольклор: перспективы исследования / Д. А. Радченко // Славянская традиционная культура и современный мир : Сборник научных статей / Составители В.Е. Добровольская, А.Б. Ипполитова. Том Выпуск 14. – Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. С. 417–427.

26. Частушки Древней Греции [Электронный ресурс]: URL: https://pikabu.ru/story/chastushki_drevney_gretsii_chast_2_7022554 (дата обращения: 20.03.2023).

27. Конкурс киберпанк частушек [Электронный ресурс]: URL: https://vk.com/wall-166433904_65005(дата обращения: 22.03.2023).

28. Частушки постапокалипсиса [Электронный ресурс]: URL: https://pikabu.ru/story/chastushki_postapokalipsisa_7965006(дата обращения: 21.03.2023).

29. Частушки WarThunder[Электронный ресурс]: URL: https://pikabu.ru/story/chastushki_war_thunder_7219207 (дата обращения: 20.04.2023).

Н.М. Бакина

Ивановский государственный университет

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТИКОВ

В статье исследуется вербальная составляющая в поведении политических деятелей. На основе видеоматериалов публичных выступлений политиков США установлена специфика вербального поведения мужчин-политиков, также определены способы манипуляции в их выступлениях. В результате исследования было установлено, что американские политики активно используют вербальную коммуникацию, что способствует достижению заранее запланированного результата, а также достаточно быстрому убеждению аудитории в правильности сделанного выбора. Выявлены языковые средства достижения манипуляции: стилистические и лексические.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, вербальная коммуникация, концепт, манипуляция.

N.M. Bakina

Ivanovo State University

COMMUNICATIVE BEHAVIOR OF AMERICAN POLITICIANS

The article is devoted to the research of verbal behavior of political figures. Video materials of public speeches of American politicians gave the base to determine specific features of verbal behavior of male politicians and methods of manipulation in their speech. The results of the research showed that American politicians intensively use means of verbal communication to achieve their planned results and be able to persuade the audience that their choice had been correct. The author describes linguistic means used for manipulation such as stylistic and lexical ones.

Key words: communicative behavior, verbal communication, manipulation.

Введение. Во все времена поведение политического деятеля привлекало к себе внимание в обществе. Стиль поведения политика в целом составляют поведенческие акты вербального характера, которые подвергаются регулируемому взаимодействию со стороны субъекта. Наивысшая степень взаимопонимания следует из распознавания и понятия подобного поведения. Публичная речь является неотъемлемым спутником на выступлениях политического деятеля, характеризующаяся направленностью на убеждение, эмоциональное воздействие и манипуляцию. Манипулирование в политическом дискурсе является одной из самых важных частей управления духовным состоянием реципиента. И выражается это в коммуникативном поведении, а именно, в вербальной составляющей.

Объект исследования – особенности коммуникативного поведения (вербальной составляющей) политиков США.

Предмет исследования представляет собой специфику вербального поведения американских политиков (Билл Клинтон, Джордж Буш-младший, Барак Обама, Дональд Трамп).

Цель исследования: изучить вербальную составляющую коммуникативного поведения американских политиков. Согласно цели решаются следующие задачи:

- 1) изучить специфику вербального поведения американских политиков;
- 2) определить способы манипуляции в публичных выступлениях американских политиков.

Во время исследования были использованы следующие методы: метод коммуникативно-прагматического и контекстуального анализа, а также метод словарных единиц.

Результаты исследования и область их применения. Политическая деятельность всегда играла важную роль в жизни общества. В зависимости от конкретной политической позиции или ситуации определяется роль страны в свете деятельности международного сообщества, а также ее взаимоотношения с другими государствами. Стоит отметить, что установление имиджа страны лежит на плечах политиков и их методах презентации данного государства. Используя публичные выступления в качестве манипулятивного воздействия, американские политические деятели обладают возможностью апеллировать к общественному мнению граждан своей страны и мирового сообщества.

Воздействие на чувства, мысли и действия адресата является главной целью политического дискурса. В зависимости от достижения перлокутивного эффекта, дискурс может рождать политическую реальность [4]. Языковая активность, многообразие политической деятельности, а также политические интенции лежат в основе самого политического дискурса. Из этого следует, что политика представляет собой не только институт управления общественным мнением или обществом в целом, она является лингвистически оформленным явлением.

Среди функций политического дискурса выделяют следующие: агональная функция (борьбы), определяющая круг «своих» и «чужих» в мире политики; функция солидарности и социальной дифференциации; функция легитимизации и воспроизводства власти, которые состоят в усилении подражанию системы; акциональная функция, регулирующая интерпретационную деятельность сторонников власти; функция манипулирования или функция социального контроля – выявление стандартизируемых норм поведения, мышления и желаний индивидуумов [10].

Из вышесказанного следует, что манипулирование является одной из характерных черт политического дискурса. Психологическая война представляет собой пропагандистское влияние на мышление и сознание человека в таких сферах, как идеология и эмоции. Именно с такой войной сравнивается манипулирование общественным сознанием [5].

Оценочное высказывание, полученное из перевода постфактум высказывания описательного, рассматривается в качестве манипулятивного. Из этого следует, что коммуникант имеет возможность апеллировать к различным метаязыкам (например, нормы права) в политическом медиадискурсе [2]. Если один из коммуникантов старается переформатировать деятельность политической медиакommunikации не только для заявленных целей, то такие усилия рассматриваются в качестве манипулятивных. Кроме того, не стоит забывать о правиле: «у манипуляции нет настоящего времени» [3].

Манипулирование является одной из характерных черт американской политической жизни. Опираясь на историческое эволюционирование, американская избирательная система предполагает эффективное применение манипулятивных средств политической медиакommunikации [8]. Решение проблемы преодоления потенциальной вероятности манипулирования заключается в формально фиксированных правилах. Такие правила оценивают истину целеполагания речевых актов политических деятелей, претендующих на пост Президента США. Таким образом, они выступают в роли индикатора [7].

Анализ коммуникативного поведения американских политиков показал, что *позиционирование Соединенных Штатов в качестве мирового лидера* является центральной темой всех публичных выступлений. Готовность к сотрудничеству и взаимодействию, те достоинства ведущего государства – руководителя, которыми обладает Америка: *'We have been very fortunate that the system under which we live has given all of us a chance to live'*. Билл Клинтон, 42-ой президент США, далеко не первый политик, в речи которого отображены способы идеологического воздействия. Тогда как результаты данных методов обладают мировоззренческим характером.

Американская политика включает в себя такие понятия, как *единство* и *свобода*, именно они являются частью американского языкового сознания и стоят рядом со следующими константами: независимость, семья, безопасность, деньги и др.: *'Where we all live and work together....I'm glad to go back to be one of the people....'* В связи с этим, делается акцент на индивидуализм американской культуры, где граждане США устраивают жизнь и свободу действий, которые не противоречат законодательству [11].

Воздействие на аудиторию посредством речи прослеживается в выступлениях 44-ого президента США Барака Обамы. Политик агитирует аудиторию отдать свой голос в пользу Хиллари Клинтон (в гонке за пост президента США между Х. Клинтон и Д.Трампом). Влияние происходит на основе авторитетного мнения, Обама рассказывает в нужном свете о своих взаимоотношениях с каждым политиком, направляя голоса электората за необходимого кандидата. Таким образом, он регулирует настроение публики по отношению к участникам гонки. Например: отношение к Дональду Трампу: *'Now it is no secret that the president-elect and I have some pretty significant differences'*; к Джорджу Бушу-младшему: *'But remember eight years ago President Bush and I had some pretty significant differences. But President Bush's team could not have been more professional or more gracious in making sure we had a smooth transition'*; к Хиллари Клинтон: *'I also had a chance last night to speak with Secretary Clinton and I just had a chance to hear her remarks. I could not be prouder of her. She has lived an extraordinary life of public service. She was a great first lady she was an outstanding senator for the state of New York and she could not have been a better Secretary of State. I'm proud of her'*.

Еще одним способом манипулирования аудиторией является цитирование авторитетных личностей. Данный метод укрепляет доверительные отношения между аудиторией и политиком, создает видимость истинных намерений оратора (речь Дональда Трампа): *'In 2009, **Barack Obama** and **Joe Biden** started with the worst economy since the Great Depression and when they were done, they had delivered more than six straight years of job growth... I think you had a much more personal relationship with the people like **Bob Bullock** is the lieutenant governor was a Democrat a very good friend of mine.'* Информация, изложенная политиком, который уже успел завоевать сердца аудитории (Джо Байден, Гарри Трумэн, Боб Буллок, Барак Обама), в минимальных случаях подвергается сомнению, обладает весомостью и почитаема американским народом [9].

В 2020 году Дональд Трамп уступил власть Джозефу Байдену, после этого выступления 45-го президента стали еще более экспрессивными. К риторическим вопросам добавились восклицания: *'We will never give up! We will never concede it!; It's a disgrace!'*. Монологи Трампа направлены на презрение и пренебрежение результатами выборов. Лексика содержит в основном отрицательную коннотацию: *'our election victory stolen by emboldened radical left democrats'*; *'stolen by the fake news media'*; *'When you look at last night they're all running around like chickens with their heads cut off with boxes and nobody knows what the hell is going on'*; *'We will not let them silence your voices we're not going to let it happen'*; а также множественные отрицательные конструкции: *'It doesn't*

happen, you don't concede when there's theft involved our country has had enough we will not take it anymore'. Употребление данных эмотивов с отрицательной оценочной семантикой превалирует над лексикой с положительной коннотацией. Политик выражает свое презрение к результатам голосования и ставит под сомнение правильность выбора Байдена в президенты [12]. Отрицательная коннотация создает необходимый эмоциональный фон. Политик настраивает население против действующего президента, манипулируя общественным сознанием.

Монологи американских политиков-мужчин обладают более агрессивным характером. В них ярко выражена тема лидерства. Например, 45-й президент США Дональд Трамп умело использует данный прием речевого манипулирования общественным сознанием, задает необходимые и нужные ему ориентиры и установки. Он программирует сознание публики: США будет процветать только тогда, когда Трамп будет во главе государства [6; 14].

Формирование патриотического настроения (Билл Клинтон, Дональд Трамп) является еще одной манипуляцией общественного сознания [15]: *'the well-being of America'; 'At the bedrock of our politics will be a total allegiance to the United States of America. And through our loyalty to our country we will rediscover our loyalty to each other; the heart and fight and spirit of America, we will not fail, our country will thrive and prosper again'*. Росту чувства патриотизма также способствуют именные словосочетания: *'our nation's unprecedented response', 'our allies', 'our team'*.

Традиционным обращением американских политиков является словосочетание *'my fellow citizens'*. Подобный прием является статусным указателем, маркирующим характер взаимоотношений между публикой и оратором. Например, прямое обращение Джорджа Уокера Буша к американскому народу можно рассматривать не только как традиционную форму обращения, но и как психологический контакт с аудиторией, который способствует достижению нужного для оратора настроения публики: *'Today, our fellow citizens, our way of life, our very freedom came under attack in a series of deliberate and deadly terrorist act'*.

Отличительной особенностью вербального поведения бывших президентов США, Джорджа Уокера Буша и Дональда Трампа, является превалирующее количество пейоративной лексики в публичных выступлениях. Это является еще одним способом манипулятивного воздействия на аудиторию. Политики используют пейоративную лексику для придания экспрессивности и эмоциональности своим выступлениям. Буш (младший) не является исключением: *'The pictures of airplanes flying into buildings, fires burning huge, huge structures collapsing have filled us with disbelief, terrible sadness and a quiet unyielding anger; These acts of mass murder were intended to frighten our nation into chaos and retreat'*. Трамп: *'the absolutely worst atrocities', 'bloody civil wars', 'viciously wounded and murdered', 'killed one American', 'bombs that main and dismembered their victims'*. Данные слова и словосочетания отражают ироничное отношение к явлению (терроризм), порицание антисоциального поведения и презрение к террористам.

К способам манипуляции также относится использование модальных глаголов: *to have to, should*, выражающих необходимость выполнения намеренного действия. Президенты наиболее часто используют глагол *to have to*, у которого модальное значение вынуждения к действию, обязанности, долженствования (Билл Клинтон): *'Now you have to decide whether to renew his contract or hire someone else... To beat it, you've got to go to work and deal with the facts... As we have to work, as we have to serve, as we have and to see our country and the world so much better off'*. Таким образом,

политики достигают необходимого влияния на аудиторию, более жесткого, чем в выступлениях первых леди. Модальный глагол *should* встречается в речи президентов только один раз для выражения совета, наставления (Барак Обама): *'We should not be sad today, we should be grateful today'*.

Единство страны и президента четко подчеркивается в выступлении политиков при помощи личного местоимения 1 л. мн. ч. **we**, притяжательного местоимения **our** и местоимения в роли дополнения **us**: *'Today our fellow citizens, our way of life, our very freedom came under attack in a series of deliberate and deadly terrorist acts'; 'Our country is strong'*.

Помимо модальных глаголов, американские политики также используют местоимения: **you** (2 л. мн. ч.), **I** (1 л. ед. ч.). Для обозначения дистанции между президентом, единолично принимающим важные государственные решения, и американским народом употребляются данные местоимения (Джордж Уокер Буш): *'Even though I walk through the valley of the shadow of death, I fear no evil, for you are with me'*.

Использование стилистических средств американскими политиками носит манипулятивный характер. Например, президенты прибегают в своих монологах к анафоре: *'We will pass through this time of peril and carry on the work of peace. We will defend our freedom. We will bring freedom to others and we will prevail'*. При помощи данного повтора выступление становится выразительным, является эмоциональным индикатором коммуниканта, способствует пониманию его душевного состояния. Анафора также используется для акцентирования той или иной значимой мысли, помогает оказывать воздействие на сознание аудитории.

Для эффективного манипулирования американские политики также прибегают к различным стилистическим средствам: эпитетам, повторам. В высказываниях Б. Обамы используется синтаксический параллелизм для усиления эмоционального воздействия: *'We're not Democrats first, we're not Republicans first, we are Americans first, we're Patriots first. That's why we do this that's what politics can be. That's why elections matter, It's not small, it's begging. It's important, I'm not talking about blind optimism, the kind of hope that just ignores the enormity of the tasks ahead or the roadblocks that stand in our path. I'm not talking about the wishful idealism that allows us to just sit on the sidelines or shirk from a fight'*.

Использование американскими политиками риторических вопросов дает преимущество в актуализации внимания аудитории, усилении эмоционального тона речи. Это еще одна особенность выступлений Дональда Трампа. Только в его речах использовался данный прием: *'By the way does anybody believe that Joe had 80 million votes? Does anybody believe that he had 80 million computer votes?'* Аудитория делает акцент на предложениях, которые произнесены с вопросительной интонацией. Это ещё один из эффективных способов привлечь свою публику, заставить слушать оратора.

Основное стилистическое средство убеждения и воздействия – прием противопоставления: *'A man with a mission: to take responsibility, not shift the blame; concentrate, not distract; unite, not divide'*. Президенты задают нужный политический курс своей страны в выгодном свете. Он транслирует негативное отношение к порокам и ложным ценностям. Данный прием повышает эмоциональный тонус речи при помощи смены интонационного рисунка, актуализируя внимание аудитории.

Главное отличие политического дискурса от других – его субъективный характер. Политические деятели имеют определенные цели и задачи, выражают определенные интересы (свои, своей команды). Основная функция политика заключается в агитации того или иного убеждения, действия. Таким образом, склонность политического

деятеля к поставленным политическим взглядам является неотъемлемой частью политического дискурса. Профессионально использованные манипулятивные методы в речах американских политиков делают их выступления оценочными, экспрессивными, придают авторскую модальность. Они образуют определенную позицию общества, аудитории к освещаемому событию или политическому деятелю.

Список литературы

1. Алимджанов А. А., Третьякова Т. П. К вопросу о жанровых типах институционального политического дискурса США // Дискурс. – 2019. – Том 5. – С. 144–154.
2. Желтухина М.Р. Политический медиареслинг: целеполагание и дискурсивные манипуляции (на примере президентских предвыборных дебатов 2016 года в США) / М.Р.Желтухина, А.Д.Гавриш // Политическая лингвистика. – 2018. № 5. – С. 27–31.
3. Желтухина М.Р., Гавриш А.Д. Эмоциогенность современных медиатекстов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. № 4. – С. 120–125.
4. Желтухина, М. Р. Медиазмерение политического дискурса в XXI веке: фобии – фейки – интертеймент / М. Р. Желтухина // Семиотико-семасиологическое измерение политического дискурса: Коллективная монография. – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2021. – С. 150–169.
5. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика : [язык тела и естеств. язык] / Г.Е. Крейдлин. – Москва: Новое лит. обозрение, 2002 (РГУП Чебоксар. тип. N1). – 581 с.
6. Крейдлин Г.В., Кронгауз М.А. Семиотика, или Азбука общения. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 240 с.
7. Пономаренко Е.Б., Желтухина М.Р. Инвективная лексика в политическом медиадискурсе: англоязычные и русскоязычные эмоциональные проявления политиков // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. С. 120–130.
8. Степанов В.Н. Провокативный дискурс социально-культурной коммуникации / В.Н. Степанов. – СПб. : Розамира, 2003. – 163 с.
9. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: монография / Е. И. Шейгал. – Волгоград: Перемена, 2000. – 326 с.
10. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Москва: Гнозис, 2004 (ГУП Смол. обл. тип. им. В.И. Смирнова). – 324 с.
11. Andone C. “Delimiting the burden of proof in political interviews”/ C. Andone// Journal of Argumentation in Context.- Vol. 5, no. 1. – 2016. – P. 74–87.
12. Baigozhina D.O., Zheltukhina M.R., Shiryayeva T.A., Talybina E.V., Minakova N.A., Zyubina I.A. –The threat and fear of war: the state and politics in American mass media. Media Watch. Media Watch. Том 11. 2020. С. 439–446.
13. Boeva-Omelechko N.B., Posternyak K.P., Zheltukhina M.R., Ponomarenko E.B., Talybina E.V., Kalliopin A.K., Ovsyannikova M.N. Two images of Russia in the British political mass media discourse of 1991-1993 and 2013-2019. Online Journal of Communication and Media Technologies. Том 9. 2019.
14. Linguopragmatic Aspect of Modern Communication: Main Political Media Speech Strategies and Tactics in the USA and the UK / Zheltukhina M. R., Busygina M. V., Merkulova M. G., Zyubina I. A., Buzinova L. M. // XLinguae Journal. – 2018. – № 11 (2). – P. 639–654.
15. Zheltukhina M. R. Institutional, Stereotypical and Mythological Media Markers of Modern Society // Biosciences Biotechnology Research Asia. – 2015. – Vol. 12 (1). – P. 913–920.

Л.М. Бахаева

Чеченский государственный педагогический университет

**ГЕНДЕРНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ
КАК ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЧЕЧЕНСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ)**

Данная статья выполнена на пересечении научных направлений: во-первых, гендерной лингвистики, которая нацелена на изучение гендерных стереотипов (роль каждого пола в социуме); во-вторых, когнитивной лингвистики, которая направлена на изучение языковой картины мира как описание и определение в языке национального менталитета.

На основе паремиологических единиц чеченского языка проведен небольшой анализ стереотипных представлений о мужчине и женщине в чеченской лингвокультуре, то есть описание в социуме представлений о характерных особенностях противоположных полов. Универсальным признаком восприятия мужчин и женщин, свойственным носителям чеченского языка, является подчиненное положение представителей женского пола относительно мужчины. Универсальным моментом восприятия является положение мужчины в чеченской лингвокультуре: мужчина предстает главой и авторитетом.

***Ключевые слова:** гендер, гендерные исследования, гендерно-ориентированные лексические единицы, коммуникант, паремиологические единицы, языкознание.*

L.M. Bakhaeva

Chechen State Pedagogical University

**GENDER-ORIENTED LEXICAL UNITS AS A REPRESENTATION
OF MALE AND FEMALE IDENTITY
(BASED ON THE MATERIAL OF CHECHEN PAREMIOLOGY)**

This article is carried out at the intersection of scientific directions: firstly, gender linguistics, which aims to study gender stereotypes (the role of each gender in society); secondly, cognitive linguistics, which aims to study the linguistic picture of the world as a description and definition in the language of national mentality.

On the basis of the paremiological units of the Chechen language, a small analysis of stereotypical ideas about men and women in the Chechen linguoculture is carried out, that is, a description in society of ideas about the characteristic features of the opposite sexes. A universal sign of the perception of men and women, characteristic of a native speaker of the Chechen language, is the subordinate position of female representatives relative to men. The universal moment of perception is the position of a man in the Chechen linguoculture: a man appears as the head and authority.

***Key words:** gender, gender studies, gender-oriented lexical units, communicant, paremiological units, linguistics.*

В современном научном мире все больше появляется работ, раскрывающих одно из самых интересных направлений современной лингвистики – гендерной лингвистики. Изучение имеет множество методологических подходов; каждый из них рассматривается как конвенциональный феномен, «неодинаково проявляющийся в различных культурных и языковых сообществах на различных этапах их развития» [5; 6; 7, с. 7; 8; 9; 11].

Многие ученые-лингвисты в своих трудах выделяют гендер [14] как реальность, соединение культурных и социальных аспектов, которое делает его весьма интересным для научных исследований. Мужественность и женственность являются не природным фактором, а социально-культурным [1, с. 285].

Научное гендерное исследование в языкознании раскрывает поведение представителей противоположных полов в процессе вербального и невербального общения, а также стереотипы, ассоциируемые с ними [15, с. 556]. Мужское культурно маркировано как доминирующее, а женское – как вторичное, подчиненное.

Под гендерно-ориентированными высказываниями понимаются высказывания мужчин и женщин о своей гендерной идентичности и ее носителях, а также о противоположной гендерной идентичности и ее носителях [3, с. 61].

Как известно, в современном мире отношения между мужчиной и женщиной далеки от гармоничных, что говорит об остроте гендерного вопроса и актуальности его научного осмысления. Важно изучать гендерную проблематику и через язык [4].

В последние годы, благодаря новейшим гендерным исследованиям, сформировалось мнение о том, что следует говорить не о непреодолимости гендерных различий, а о зависимости наших представлений от гендерных стереотипов, которые складываются под влиянием культурно-исторических традиций. Так, широко распространённые во многих современных обществах гендерные стереотипы, приписывающие женщинам такие качества, как пассивность, зависимость, эмоциональность, заботливость, и осуждающие проявление женщинами решительности и агрессивности, служат поддержанию в социумах сложившихся гендерных ролей и, в частности, гендерного неравенства. Гендерные стереотипы укрепляют андроцентризм – представление о мужчинах как о норме, относительно которой женщины мыслятся как отклонение от нее [16].

Группа исследователей в статье о гендерных различиях приходит к следующему выводу: «В русских пословицах и поговорках представлен патриархальный стереотип о женщине, который отражает андроцентрический взгляд на роль женщины в обществе, семье, а также оценивает морально-нравственные, психологические, этические качества женщины. Согласно этим гендерным стереотипам, женщина ниже мужчины по статусу, зависима от мужа в семейной жизни; эмоциональна, хозяйственна, домовита. В паремии негативно оцениваются многочисленные женские недостатки: болтливость, несдержанность, неорганизованность, глупость, скандальность и т.п. Пословицы, отображая сложившиеся в обществе традиционные гендерные стереотипы в отношении женщины, поддерживают андроцентризм современного социума» [17].

Более интересным становится данное исследование, когда оно проводится на материале разных лингвокультур. Наиболее ярко представляется обсуждение коммуникативного поведения противоположных по полу коммуникантов, отражающих проявление ментальности того или иного народа.

Особенности языковой картины мира рассматриваемой лингвокультуры можно обнаружить через реал паремии. Как известно, фольклор является важнейшей частью языковой картины мира, культуры любого народа. Паремиологические единицы являются объектом исследования различных научных направлений. Они изучались в разных аспектах, это обусловлено их этнокультурным своеобразием.

Фразеология является той частью лингвистики, в которой особенно ярко проявляется национально-культурная специфика. Образы, символы, содержащиеся во фразеологизмах, передают информацию о лингвокультурном опыте общности. В них четко проявляется мужское и женское. Это объясняется тем, что во фразеологическом фонде фиксируются культурные установки.

В данной работе произведена попытка продемонстрировать гендерно-ориентированные паремиологические единицы, в основе которых содержатся маркеры, характеризующие представления о мужской и женской идентичности. Подобный анализ позволит нам выявить данные стереотипы, которые существуют в рассматриваемой лингвокультуре.

Таким образом, корпус материала для исследования составили пословицы и поговорки носителей чеченского языка [2; 10; 12; 13], которые отражают быт и нрав народа, ментальные характеристики и историю в целом, и тем самым не перестает всегда апеллировать интересам социума языка.

Высказывания о мужчинах и женщинах в пословицах и поговорках, чаще всего демонстрируют положительные и отрицательные качества (перевод буквальный):

Положительная характеристика

Бакъволу къонах 30 шарчоьх жималлин Настоящий мужчина в 30 лет не кивает тIехъа ацалечкъа, 100 шарчоьхкъаналлина на свою молодость, а в 100 лет – на свою тIехъа а ца лечкъа.

Вала а, виса а къонах веза. Чтобы жить и умереть, нужно мужество.

Ваши воцчу вешина, вошалла диър дац Только неблагородный не окажет яь йоцчу кIанта. братства тому, у кого нет брата.

Морзахца хъийзои, корта тIера баккхахъ Даже под пыткой мужчина не должен а, къонах доьналлех воха йиши. терять присутствие духа.

Сий дезаро вуьззана кIант кхиаво. Честолюбие воспитывает настоящего мужчину.

Тхов лоха белаьх а, ойла лакхара хилла У настоящего мужчины мысли должны еза къонахчун. быть высокими, даже если крыша дома невысока.

Телхигаиш кIелара а волу къонах. Настоящего мужчину судят не по одежде.

ХъагI ерг – кIилло, яь ерг – къонах. Владелец зависти – трусишка,

ХIусамда дика хилча, хIусам йовха хуьлу. У хорошего хозяина дом в тепле.

ХIусамда кевнан наьIарх веза. Хозяина узнают по воротам.

ХIусамда цуьнан хIусамца веза. Хозяина узнают по его дому.

Бакъдерг дезачух бен, вуьззина доттагI Настоящим другом может быть тот, хир вац. кто любит правду.

Бакъволчун накъост хила, харцдуйчун Справедливому будь другом, не честному – мостагI хила. врагом.

Бакъволчу къонахчун хама бина вер вац. Настоящий мужчина не имеет цены.

Вала а, виса а къонах веза. Чтобы умереть и жить, нужно мужество.

Бакъдерг дезачух бен, вуьззана доттагI Настоящим другом может быть только хир вац. тот, кто любит правду.

Дас бохург дина кIант тоьлла ца гIаьх а, Сын, послушавший отца, пусть и не эшина а гIур вац. выигрывает, но не проигрывает.

Дикачу доттагIчуьнца дуьненан йисте С хорошим другом хоть на край земли. кхача а хала дац.

Дикачу доттагIчуьнца хIуьа дан ахала дац. С хорошим другом все под силу.

Дикачу кIанта шен ден дог деладо. Хороший сын радуется отца.

Дикачу кIанта шен дех дешан да во. Хороший сын чтит слово отца.

Дика кIант – гIала, вон кIант – бала. Хороший сын – крепость, плохой сын – тягость.

Дог хууший, тешамей доттагI –
вешин метта лерина.

Дош ала къонах веза, дош дала а къонах

Предупредительный, надежный. друг
равноценен брату.

Нужно быть мужчиной, чтобы дать
слово и сказать слово (веское).

Отрицательная характеристика

Ша дина дика тIехтохар-къонах вацар ду. Попрекать оказанной помощью – значит
не быть мужчиной.

Ваша велара хIунда олу, вешин даге хъожуш и ца хилча? Незачем брат, если он не знает чайный
брата.

Ваша воцчу вешина, вошала дийр дац яхъ йоцчу кIанта. Только неблагородный не окажет
братства тому, у кого нет брата.

Ваша воцчу вешин дог дохор ду гIиллакх доцчу кIанта. Невоспитанный норовит обидеть
слабого.

Аьлларг ца дендолу воI вешин а ма кхуыйла. Пусть не родится непослушный сын.

Представленный материал дает возможность продемонстрировать и проанализировать гендерно-ориентированные высказывания мужчин и женщин в чеченской лингвокультуре. Подобные лексические единицы выступают в роли сравнения характерных качеств представителей разных полов: мужчина описывается в большей степени таким, каким быть должен представитель мужского пола и что ему не позволительно, а женщина чаще всего представлена с отрицательной стороны.

Положительная характеристика

МостагI керта веънехъ, зуда а лата еза. Когда враг на дворе, даже женщина
должна сражаться.

Зудчо дичий бен-м цIийнах цIа ца хуьлу. Только женщина может создать уют в
доме.

Зуда ялар – тхов тIебожар. Жена умерла – рухнула крыша.

Гуйренан малх буо кхиочу жерочуьнга Осеннее солнце светит для вдовы,
воспитывающего ребенка.

Отрицательные характеристики

Зудчух а, кхелах а ма теша. Не доверяй ни женщине, ни кобыле.

Зуьдалла долчу зудчо йоьлуш дуйцур, Хитроумная женщина и вор делают свое
дело, улыбаясь.

Ирчачу матто хазачу зудчун Злой язык сводит красоту женщины на
нет.

Кхаьбча а хинйоцу зуда, цо хIу бехдале Женщину-неряху нужно отправлять
домой, пока она не испортила род.

Сутарчу хIусамненан шун теза хуьлу. У скупой хозяйки и еда бывает пресной.

Суьйренан бала – вон зуда, Гуьренан бала – Вечернее горе – плохая жена, утреннее
горе – дырявая обувь.

Хъаша веъча, вочу хIусамненан бераш У плохой хозяйки, когда приходят гости,
дети всегда плачут.

Хъаша вогIуш юсаелла, вoьдуш екхаелла Плохая хозяйка будет встречать
угрюмо, а провозжать с радостью.

Дуткъа балдаш долчу зудчуьнца сема С женщинами, у которых тонкие губы,
надо быть начеку.

ВорхI шо даьлчий бен ца кхета зуда Семь лет нужно женщине, чтобы понять шегара даьлчух. *свою оплошность.*
Вочу зудчо цIа дохийна. *Плохая жена разрушила дом.*
Дерриг дуьне хьан хилча а пайда бац, *Если у тебя нет верной жены, бесполезны хьуна юххехь тешаме хIусамнана яцахь* *любые богатства.*
Десте – ден Иийжам.
Дестечо «аравала» боху, шелано *Мачеха гонит на улице, а мороз – в дом.*
«чохьавала» боху.
Дестечун даг тIехь бешиар боцу ша Iуьллу. *На сердце мачехи нетающий лед.*
Вон хIусамнана – доьхна цIа. *Плохая хозяйка что разбитый дом.*
Дерриг дуьне хьан хилча а пайда бац, *Если у тебя нет верной жены, хьуна юххехь тешаме хIусамнана яцахь.* *бесполезны любые богатства.*

Таким образом, изучение фразеологизмов с гендерным компонентом раскрывает стереотипные представления, культурную специфику образов. Высказывания о мужчинах и женщинах в пословицах и поговорках чаще всего демонстрируют положительные и отрицательные качества.

Гендерно-ориентированные лексические единицы чеченской лингвокультуры, как мы видим, представлены простыми и сложными предложениями.

Небольшой анализ паремиологических единиц, проведенный с целью выявления гендерных маркеров как образного представления о мужчинах и женщинах, дает нам право утверждать:

– характерные для женщин паремии отражают в основном отрицательные характеристики;

– представители противоположной гендерной идентичности – мужчины – описываются с положительной оценочностью.

Настоящая работа открывает перспективы для дальнейших исследований. Так, детальный лингвистический анализ гендерно-ориентированных высказываний в паремиологии (и фразеологии) позволит сформулировать общекультурные стереотипы, бытующие в чеченской лингвокультуре.

Список литературы

1. Бабаян С. С. Гендер и межкультурная коммуникация: потенциальные поля пересечения / С. С. Бабаян // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2009. – Т. 15. – № 4. – С. 285–289.

2. Бахаева Л. М. Языковая актуализация мужской картины мира в пословицах и поговорках чеченского языка / Л. М. Бахаева // Современные проблемы науки и образования: электронный научный журнал. – Москва: Академия Естествознания, 2015. – № 1–1.

3. Вахрамеева А. С. Гендерно-ориентированные высказывания в современном английском языке (на материале женской прозы): дисс. ... к. филол. н. СПб., 2009. – 193 с.

4. Горошко Е. И., Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике сегодня / Е. И. Горошко, А. В. Кирилина // Гендерные исследования. – Харьков, 1999. – №2. – С. 234–241.

5. Забродина Е. А. Гендерные стереотипы в русской и китайской паремиологии: сопоставительный аспект / Е. А. Забродина // Филология, иностранные языки и медиакоммуникации: Материалы симпозиума в рамках XVI (XLVIII) Международной

научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Кемерово, 01–30 апреля 2021 года / Науч. редактор Ю. В. Подковырин. Том Выпуск 22. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2021. – С. 362–365.

6. Кирилина А. Викторовна. Гендерные аспекты языка и коммуникации: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Моск. гос. лингвистич. ун-т. – Москва, 2000. – 40 с.

7. Кирилина А. В. Гендерные исследования в отечественной лингвистике: проблемы, связанные с бурным развитием / А. В. Кирилина // Доклады Второй международной конференции: «Гендер: язык, культура, коммуникации». Москва, 22-23 ноября 2001. Москва, 2002. – С. 5–8.

8. Матунова Г. А. Проблема изучения гендера в отечественной лингвистике / Г. А. Матунова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2017. – № 14 (148). – С. 725–728.

9. Миролюбова Н. А. Дискурсивные практики сквозь призму гендерных исследований: к проблеме академической коммуникации в западноевропейской культуре / Н. А. Миролюбова // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации Материалы докладов X Международной конференции, Саратов, 21–22 февраля 2018 года. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2018. – С. 182–185.

10. Мунаев И., Ахмадов М. О чеченском песенном фольклоре // Чеченская народная поэзия XIX–XX вв.: [илли, узамы] / сост. И.Б. Мунаев, А. В. Преловский. – М.: НОВЫЙ КЛЮЧ, 2005. – 353 с.

11. Никонова О. В. Гендерные стереотипы через призму современной паремологии / О. В. Никонова // Проблемы филологии глазами молодых исследователей: Материалы конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Пермь, 01–30 апреля 2019 года. Том Выпуск 2. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019. – С. 18–22.

12. Нохчийн кичанаш. Чеченские пословицы. Составитель Р. Ямадаев, Л. Исаев. Грозный ГУ «Книжное издательство», 2003. – 592 с.

13. Нохчийн фольклор. Т.-4. Х1оттийнарш Серажди́н Эльмурзаев, Якуб Вагапов. – Сольжа-Г1ала, 2005 – С. 38.

14. Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой / Региональная Общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». – Москва: Информация XXI век, 2002. – 256 с.

15. Юсупова С. М., Бахаева Л. М. Гендерный компонент во фразеологизмах (на материале английского, немецкого и русского языков) / С. М. Юсупова, Л. М. Бахаева // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 6(85). – С. 555–557.

16. Hyde J.S. The Gender Similarities Hypothesis // American Psychologist. – 2005. – Т. 60. № 6.

17. Есенова Т.С., Есенова Г.Б. и др. Андроцентризм гендерных стереотипов (на примере паремии) / Вестник КалмГУ. 2017. №34(2). – с. 86-90. <https://cyberleninka.ru/article/n/androcentrizm-gendernyh-stereotipov-na-primere-pareмии>

В.В. Глушко¹, И.В. Убушаева²

¹Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

²Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ДИФФАМАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена анализу стратегии диффамации, ее коммуникативной реализации в политическом дискурсе. В статье проанализированы и выявлены языковые средства реализации коммуникативных тактик в рамках стратегии диффамации на материале русского и английского языков в политическом дискурсе. Анализ языкового материала выявил, что выбор тех или иных тактик стратегии диффамации опирается на базовые характеристики политической коммуникации. Коммуникативные цели стратегии диффамации политического дискурса предполагают наличие за тем или иным речевым намерением сугубо личных интересов и целей конкретного политического лица, непосредственно связанных с приходом, завоеванием и последующим урегулированием власти.

Ключевые слова: диффамация, дискредитация, манипулирование, политический дискурс, коммуникация, стратегии, тактики, речь, политика, типология.

V.V. Glushko¹, I.V. Ubushaeva²

¹Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

²St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

MEANS OF IMPLEMENTING THE DEFAMATION STRATEGY IN POLITICAL DISCOURSE

The article is devoted to the analysis of the defamation strategy, its communicative implementation in political discourse. The article is analyzed and identified the linguistic means of implementing communicative tactics within the framework of the defamation strategy based on the material of the Russian and English languages in political discourse. The analysis of the language material revealed that the choice of certain tactics of the defamation strategy is based on the basic characteristics of political communication. The communicative goals of the defamation strategy of political discourse presuppose the presence of purely personal interests and goals of a politician related to accession to power and a particular speech intention.

Key words: defamation, discrediting, manipulation, political discourse, communication, strategies, tactics, speech, politics, typology.

В настоящее время в связи с появлением открытого доступа к информации, напрямую затрагивающей вопросы международной политической сферы, наблюдается возрастающий интерес людей к теме регулирования отношений в рамках политического дискурса. Безусловно, коммуникация в политике является основным рычагом воздействия, вследствие чего анализ стратегии диффамации как способа противостояния негативному речевому воздействию, а также анализ приемов манипулятивного воздействия на общественное сознание посредством дискредитирующих стратегий и тактик представляет интерес для лингвистического научного сообщества [1, с. 12–32].

В современной политической коммуникации, отличающейся непрерывной борьбой идеологий и состязанием полярных интересов, используется широкий спектр речевых стратегий и тактик, усиливающих манипуляцией различным мнением и фактами

в целях завоевания доверия адресата, а также для создания как положительного, так и отрицательного отношения к субъектам политической деятельности, их взглядам, целям и намерениям [3].

Достижению заданной цели способствует не только выбор той или иной тактики речевого поведения, но и использование ряда оценочных стилистических и лексических языковых средств, синтаксических конструкций и приемов. Исходя из этого, следует отметить неоспоримость тезиса об обусловленности обращения данной стратегии к речевой агрессии, поскольку оппозиционная цель, заключающаяся в дискредитации оппонента, может обращаться к тактикам прямого унижения и оскорбления, приводящим впоследствии к активной реакции и политическому смятению участников коммуникации [7].

Диффамация представляет собой умышленное распространение недостоверной информации, намеренную пропаганду ложных, порочащих сведений с целью унижения и последующего устранения противника в вопросах захвата власти и политического лидерства. Иными словами, это «опорочение» кого-либо, лишение чести, заведомая дискредитация оппонента [10].

Диффамация, целью которой является намеренное оказание психологического влияния для достижения политически выгодного результата, может быть выражена как эксплицитно, то есть непосредственно, через прямые обращения, призывы и побуждения, так и имплицитно – посредством неявных, скрытых манипулятивных речевых приемов, интонацией, мимикой, жестами и позами. Отсутствие или преобладание данных аспектов в совокупности позволяет определить, является ли стратегия диффамации в конкретной коммуникативной ситуации прямой или косвенной [7].

Реализация стратегии диффамации может быть представлена не только в форме краткого словосочетания (лозунга) или одного предложения, но и совокупностью лексико-семантически и контекстуально-логически соответствующих единиц языка, группой связанных между собой предложений.

Для реализации стратегии используется ряд тактик, predeterminedных интенциями говорящего и представляющих совокупность приемов, обуславливающих выбор predeterminedных языковых средств. Результат, безусловно, определяется успешностью принижения и дискредитации оппонента и эффективностью повышения собственной значимости.

Нами были проанализированы политические выступления как русскоязычных, так и англоязычных политиков.

Англоязычный материал представлен на примере 7 дискредитирующих тактик и включает в себя анализ языковых стилистических средств, репрезентирующих ту или иную форму политической дискредитации.

Тактика создания образа врага и защитника представляет собой репрезентацию полярных образов, контрастов между позитивным и негативным, «своим» – «чужим». Образы сопоставляют друг с другом с целью изобразить противника и сражающегося за общественные интересы защитника. В данном случае *Putin has a sinister vision for the future of our world, but that the United States and its allies will stand against it* [13] стилистические приемы эпитета и синекдохи способствует созданию представления о российском политике как враге не только народа, но и всего мира. Также с помощью синекдохи президент противопоставляет нации, подчеркивая контраст образов.

Тактика навешивания ярлыков реализуется посредством эксплицитного выражения инвективной лексики (оскорбляющей и унижающей, способствующей закреплению негативного образа). В данном примере *Putin is the aggressor. Putin chose this war* [13]

с помощью анафоры и парцелляции, прием диффамации приобретает особую эмоциональную окраску, воздействующую на акцентирование и закрепление основной идеи высказывания в памяти. Наделение образа президента негативным коннотативным значением способствует усилению манипулятивного воздействия на адресата.

Тактика программирования сознания базируется на исключительно негативном, категорично-утрированном заключении о предстоящем развитии политических событий и будущем самого дискредитируемого лица. В данном примере *History will remember who looked the other way (Boris Johnson)* автор прибегает к метафоризации, акцентируя внимание на значимости последствий действий оппонента. В примере автор использует аллюзивную гиперболу с целью придать высказыванию наибольшей экспрессивности в контексте исторической значимости.

Тактика дискредитирующего положения оппонента представляет собой эксплицитное умаление статуса оппонента посредством манипулятивной формы совета, предупреждения или разоблачения истинного намерения политического противника. В данном примере тактика реализуется в форме дискредитирующего предупреждения и демонстрирует такой стилистический прием, как метафора. В примере *You can take a country but you cannot take the hearts and minds of its people [14]* стратегия диффамации реализуется через намек и содержит в себе такое стилистическое средство, как метафора и противопоставление.

Тактика создания образа темного времени основана на сгущении негативных смыслов реалий прошлого, настоящего или будущего, а также моделировании концепта безысходности, неуверенности и растерянности, что препятствует способности адресата критически анализировать полученную информацию *Russia's invasion threatens not just Ukraine's democracy. It threatens democracy and security across Europe [14]*. В данном примере политик использует гиперболу, представляя вторжение России центральной угрозой для всего европейского мира *"It threatens democracy and security across Europe"*. При помощи парцелляции, также используемой политиком, высказывание становится более четким и уверенным.

Тактика обвинения основана на уничтожении репутации оппонента, обвинении его в морально-этических нарушениях и преступлениях. Это непосредственно эксплицитное «приписывание» вины тому или иному политическому лицу *President Putin has chosen a path of bloodshed and destruction by launching this unprovoked attack on Ukraine [13]*. В данном случае тактика обвинения репрезентирована эксплицитно. Автор указывает конкретное виновное лицо и осуждает его за морально-этические преступления при помощи метафоры *"a path of bloodshed and destruction..."*. Выбор эпитета также еще раз подчеркивает обвинительный характер высказывания.

Тактика лозунга представляет собой способ дискредитации оппонента за счет экспликации решительного личного или общенародного мнения, возражения или протеста. Лозунг реализуется в призывной форме и заключает в себе призыв, объединяющий сторонников единой политической позиции. *None of us, none of us should be fooled. None of us will be fooled. There is no justification [13]*. Данный пример построен на использовании таких стилистических приемов, как анафора и парцелляция. Подобное деление единой мысли на созвучные отрезки придает высказыванию ритмичность и характерную экспрессивность.

На материале русского языка стратегия диффамации представлена в 8 тактиках.

Суть тактики моделирования диалога заключается в побуждении адресата к совместным действиям и рассуждениям посредством имитации неформального общения. Данная тактика может быть построена на метафоре *"...это должно*

рухнуть, что ли?», «Это должно опять возродиться, что ли?». Автор также использует просторечие «задушили его на корню» с целью усиления негативного образа своего оппонента.

Или в примере, репрезентирующем тактику моделирования диалога: *Сколько эта трагедия может продолжаться? Сколько еще можно это терпеть? Россия сделала все для сохранения территориальной целостности Украины. Все тщетно. Меняются президенты, депутаты Рады, но не меняется суть. Агрессивный, националистический характер самого режима, захватившего власть в Киеве [15].*

Настоящий пример представляет собой вопросо-ответный ход реализации тактики и включает в себя такие стилистические приемы, как риторические вопросы «Сколько эта трагедия может продолжаться? Сколько еще можно это терпеть?» и парцелляция, при помощи которой высказывание приобретает особую четкость и уверенность. Автор также использует метафору, наряду с эпитетом «Агрессивный, националистический характер самого режима», и олицетворение «... захватившего власть...», что позволяет оказать на адресата сильное эмоциональное воздействие. В данном примере создается эффект интерактивности, взаимодействия с аудиторией.

Тактика создания образа врага и защитника реализуется посредством создания контрастирующих образов национального врага и защитника общих интересов: *Нужна язва на теле Европы, которая будет кровоточить, загноиваться, много шума, а американцы ни при чем. НАТО ни при чем [15].* В данном случае оратор также прибегает к такому стилистическому средству, как метафора «язва на теле Европы». Наделяя Украину качествами одушевленного предмета, автор использует прием олицетворения, что придает высказыванию наибольшую образность и эмоциональность.

Тактика навешивания ярлыков реализуется при помощи авторской метафоры, представленной в примере: *Киевская фейк-машина не останавливается ни перед чем! Для «расчеловечивания» России и её максимального очернения взбесившееся зверье из нацбатов и теробороны готово мимоходом убить собственных мирных жителей [15.]* При помощи авторской метафоры, представленной в примере, российский политик высказывает свое негативное отношение в сторону оппонента посредством инвективной лексики «Киевская фейк-машина», «взбесившееся зверье из нацбатов и теробороны...».

Тактика дискредитирующего положения оппонента реализуется посредством дискредитирующего совета «Нужно избавиться...» и репрезентирует применение метафоры. «Благородные» действия оппонента автор сравнивает с искушением и попытками «мир под себя причесать», благодаря чему подчеркивается негативный тезис в сторону оппонента. Также наблюдается парцелляция, создающая дополнительную выразительность и акцентирующая на важности мысли автора. Или в примере Путин В.В. заявляет: *Со стороны США было обещано, что не произойдет распространения юрисдикции или военного присутствия НАТО ни на один дюйм в восточном направлении. Наговорили, надавали устных заверений, и все оказалось пустым звуком [15].*

При построении данного высказывания наблюдается стилистический прием метафоры «все оказалось пустым звуком». Данное лексическое средство выполняет экспрессивную функцию и оказывает эмоциональное воздействие на сознание адресата. Лидер государства подытоживает сказанное и эксплицирует конечное действие оппонентов, с помощью чего слушателям не нужно делать собственный вывод, так как он озвучен.

Тактика речевой стереотипности заключается в дискредитации политического оппонента посредством использования просторечных выражений, пословиц и поговорок, апеллирующих к иронии, сарказму и базирующихся преимущественно на высмеивании антилидерских качеств. *Во главе Украины стоят люди, стремящиеся только к тому, чтобы набить свои карманы. С такими людьми контакты непродуктивны, так как они в любой момент продадут за пятиалтынный* [15]. Данный пример ярко иллюстрирует реализацию тактики речевой стереотипности за счет использования аллюзии с апелляцией к известной русской поговорке.

Действующий президент Украины Владимир Зеленский недавно заявил, что ему ни один пункт не нравится из этих Минских соглашений. Нравится, не нравится, терпи, моя красавица. Надо исполнять. По-другому не получится [15]. Данный пример ярко иллюстрирует реализацию тактики речевой стереотипности за счет использования аллюзии с апелляцией к известной русской поговорке «*Нравится, не нравится, терпи, моя красавица*». Также наблюдается прием парцелляции, придающий высказыванию особую выразительность.

Или как в следующем примере лидер государства использует речевой стереотип для воздействия и манипуляции сознанием народа:

Подлетное время до Москвы крылатых ракет «Томагавк» составит менее 35 минут, баллистических ракет из района Харькова – 7–8 минут, а гиперзвуковых ударных средств – 4–5 минут. Это называется, прямо нож к горлу [15].

Использование аллюзивных средств с апелляцией к известному выражению «*нож к горлу*» акцентирует внимание адресата на негативном образе оппонента и создает особую эмоциональность высказывания. Причем перечисление угрозы, нанесенной стратегическим военным комплексом, воздействует на оппонентов как устрашение и явная диффамация.

Тактика обвинения иллюстрирует применение такого стилистического приема, как гипербола: «*Украина сейчас — беднейшая страна Европы*». Политик использует метафору «*пустили на ветер достижения*» в сочетании с просторечием «*растратжирили*», что способствует созданию акцента на антилидерских качествах оппонента.

Или в следующем примере лидер страны обращается к аллюзии, реализуя тактику обвинения:

К распаду нашей единой страны привели исторические, стратегические ошибки лидеров большевиков, руководства КПСС. Распад исторической России под названием СССР на их совести [15].

В.В. Путин использует, наряду с аллюзией, средство гиперболизации, имплицитно обвиняя прежнюю власть российского государства в совершенных ими стратегических ошибках «*Распад исторической России под названием СССР на их совести*» [15].

Тактика программирования сознания построена при помощи приема парцелляции. Деление единой мысли автора на пунктуационно и интонационно самостоятельные смысловые отрезки позволяет оратору оказать наибольшее эмоциональное воздействие на сознание адресата. Также наблюдается применение такого стилистического приема, как метафора, в примере «*пришло время Америке сходить с Олимпа*» [15], что придает данному высказыванию особую выразительность и экспрессивность.

Тактика создания образа темного времени репрезентирует применение такого стилистического приема, как гипербола «*Век борьбы...*». В данном случае также используется прием олицетворения, например: «*Планета уже истощена*»; и парцелляция, что способствует созданию дополнительной экспрессивности.

Или в примере Путин В.В. заявляет: *Деятели 17-го года заложили мину замедленного действия под здание государства, которое называлось Россия* [15].

Тактика создания образа «темного времени» репрезентирована посредством авторской метафоры, где российский лидер сравнивает действия политических деятелей октябрьской революции 1917 года с «*миной замедленного действия*» [15], а само российское государство со зданием, где эта мина была заложена. Исходя из этого, создается яркий образ темного прошлого России, апеллирующий адресата к чувству неуверенности, страха и недоверия.

В ходе исследования тактик стратегии диффамации в политическом дискурсе на материале английского и русского языков было установлено, что дискредитирующие тактики в английском языке включают в себя языковые стилистические средства, репрезентирующие ту или иную форму политической дискредитации. Наиболее объемной и распространенной тактикой реализации стратегии диффамации на материале английского языка являлась тактика создания образа врага и защитника. В рамках данной тактики наиболее рекуррентным стилистическим средством являлась авторская метафора, а также синекдоха и парцелляция. В ходе анализа тактики создания образа врага и защитника также были выявлены такие стилистические средства, как эпитет, имеющий доминирующую позицию, анафора, гипербола и синтаксический параллелизм. Прием противопоставления оказался наименее распространенным. Исходя из анализа англоязычного материала, следует также отметить тактику лозунга, наименее часто встречающуюся в высказываниях политических деятелей США. В рамках данной тактики наиболее рекуррентным стилистическим средством является анафора.

На материале русского языка стратегия диффамации представлена в 8 тактиках, наиболее ярко репрезентирующих политические реалии российского государства. Среди дискредитирующих тактик, имеющих также в английском языке, можно выделить следующие: тактика создания образа врага и защитника; тактика навешивания ярлыков; тактика программирования сознания; тактика дискредитирующего положения оппонента; тактика создания образа «темного времени»; тактика обвинения.

Однако следует отметить, что в рамках русскоязычного материала были выявлены две исключительные тактики, передающие специфику российской политической дискредитации, среди которых:

- тактика моделирования диалога;
- тактика речевой стереотипности.

Тактика моделирования диалога являлась наиболее объемной и включает в себя широкий набор вариативных языковых средств: метафора, парцелляция, эпитет, риторический вопрос, противопоставление, просторечие, эмфаза, аллюзия, гипербола, синекдоха и синтаксический параллелизм. Так, наиболее рекуррентным стилистическим приемом в ходе данной тактики являлась метафора. Также преобладает прием, реализующийся на грамматическом уровне – парцелляция. Кроме этого, эпитет, риторический вопрос и просторечие используются в равной степени. Менее используемыми стилистическими средствами являются эмфаза, противопоставление, аллюзия, гипербола, синтаксический параллелизм, а наименее встречающимся приемом оказалась синекдоха. Данный вид стилистического средства встречается только в тактике моделирования диалога и в наименьшем своем количестве, что существенно разнится с данными английских примеров, где синекдоха составляет среднюю рекуррентность употребления.

Тактика речевой стереотипности, также присущая русским языковым реалиям, включает в себя наименьшее количество стилистических средств, всего 3, среди которых наиболее рекуррентна аллюзия, затем парцелляция и просторечие. Исходя из русскоязычного материала тактика создания образа «темного времени» оказалась

наименее распространенной. Она включает в себя лишь 3 примера и реализуется преимущественно за счет гиперболы и олицетворения, а также парцелляции и метафоры. В отличие от английских примеров, в рамках русскоязычного материала отсутствует единый преобладающий стилистический прием, что говорит о разнообразии лексико-синтаксических и грамматических единиц в рамках стратегии диффамации в политическом дискурсе.

Таким образом, полученные данные проанализированных в ходе практического исследования примеров реализации стратегии диффамации в политическом дискурсе на материале английского и русского языков свидетельствуют о разнообразии тактик, эффективно воздействующих на сознание адресата манипулятивным образом, а также о языковых средствах, реализующих эти тактики как на лексическом, так и на грамматическом уровнях.

Коммуникативные цели стратегии диффамации политического дискурса предполагают наличие за тем или иным речевым намерением сугубо личных интересов и целей конкретного политического лица, непосредственно связанных с приходом, завоеванием и последующим урегулированием власти. В рамках отобранных дискредитирующих тактик было установлено, что политические деятели всех противостоящих сторон прибегают как к эксплицитному, так и имплицитному способу эмоционального воздействия на адресата и используют в публичных выступлениях различные лексико-стилистические средства, среди которых образные эпитеты, авторские метафоры, сравнительные обороты, метонимии и др. Помимо этого, политики также прибегают к языковым средствам на синтаксическом и грамматическом уровне за счет таких приемов, как анафора, синтаксический параллелизм, парцелляция, риторические вопросы и др. [9].

Выбор того или иного политического средства в совокупности с другими стилистическими приемами наиболее ярко отображает не только языковые реалии политики конкретного государства в целом, но и специфику самого политического деятеля (адресанта/манипулятора), устройство его политической системы, что позволяет взглянуть на тему исследования с психолингвистической точки зрения.

Список литературы

1. Дейк, ван. Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. – М.: Книжный дом «Либроком», 2013. – 344 с.
2. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
3. Иссерс, О.С. Что говорят политики своему народу, чтобы понравиться // Вестник Омского университета, 1996. – Вып. 1. – 71-74 с.
4. Итоги с Жириновским. Радио КП // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://radiokp.ru/podcast/itogi-s-zhirinovskim/531296> (дата обращения 17.11.2022)
5. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием. – М., 2000. – 832 с.
6. Михалева, О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия. Политический дискурс как экспликация определенной когнитивной модели: автореф. дис. канд. филол. наук – Кемерово, 2004. – 11 с.
7. Хабкирова, З.С. Стратегия дискредитации и приемы ее реализации в политическом дискурсе демократической оппозиции // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-diskreditatsii-i-priemy-ee-realizatsii-v-politicheskom-diskurse-demokraticheskoy-oppozitsii/viewer> (дата обращения: 22.11.2022)
8. Цуладзе, А.М. Большая манипулятивная игра. – М., 2000. – 328 с.

9. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие. – М.: Флинта, 2012. – 43 с.

10. Ширяева, Т.А. Стратегия дискредитации в дискурсе современных британских парламентских дебатов, – Пятигорск., Грамота, 2016. – 180 с.

11. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса. Монография – Волгоград: Перемена, 2000. – 36 с.

12. Ширяева, Т.А. Стратегия дискредитации в дискурсе современных британских парламентских дебатов, – Пятигорск., Грамота, 2016. – 180 с.

13. Biden delivers message to Russia: Ukraine is not a threat // CNN Politics [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://edition.cnn.com/2022/02/15/politics/joe-biden-ukraine-speech/index.html> (дата обращения: 05.11.2022)

14. Remarks by President Biden on Russia // The White House [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/04/15/remarks-by-president-biden-on-russia/> (дата обращения: 12.11.2022)

15. War talk: Biden Ukraine speech today news – Russia and Putin hit with new sanctions after declaring war and invading regions // The Sun [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.thesun.co.uk/news/17758429/biden-speech-ukraine-russia-putin-war-watch-live/> (дата обращения: 06.03.2022)

Е.А. Дадужева

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук*

ЭМОТИВНЫЕ ИНТЕНСИФИКАТОРЫ В КАУЗАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА¹

Работа посвящена каузативным конструкциям бурятского языка, в которых репрезентируется ситуация эмоционального воздействия. Исследование предполагает актуальное комплексное рассмотрение взаимодействия категорий каузативности и эмотивности. Основной целью исследования является выявление и описание эмотивных интенсификаторов как дополнительных компонентов каузативных конструкций в бурятском языке. В качестве материала для исследования послужили данные, размещенные в Электронном корпусе бурятского языка [ЭКБЯ], а также данные, полученные в результате наблюдения за речью носителей языка. Новизна исследования заключается в том, что впервые в бурятском языкознании предпринимается попытка определить эмотивные интенсификаторы в каузативной конструкции. В результате были описаны некоторые эмотивные интенсификаторы как дополнительные компоненты каузативных конструкций в бурятском языке, демонстрирующие силу воздействия. В работе показано, что интенсификаторы способствуют раскрытию эмотивного и оценочного потенциала каузативной конструкции. Они являются средством повышения эмоциональности высказывания, его экспрессивности и выражения оценки. Так, в качестве интенсификаторов используются разнообразные средства. В работе отмечено, что использование сразу нескольких интенсификаторов можно назвать двойной (тройной) интенсификацией эмотивных конструкций. Выявлено, что в бурятском языке к интенсификаторам каузативной эмотивной конструкции можно отнести наречия, деепричастия, тавтологические сочетания причастий и каузативных эмотивов. Данные компоненты каузативной конструкции связаны с каузативным эмотивом и проявляют его эмотивный потенциал. Интенсификаторы как компоненты эмотивных конструкций выступают в роли тех языковых средств, которые способны показать силу и степень воздействия на человека и уровень проявления эмоции. Демонстрацию силы каузируемой эмоции можно отнести к одной из функций интенсификаторов в каузативной конструкции.

Ключевые слова: каузативность, эмотивность, эмоциональное воздействие, эмотив, каузативная конструкция, эмотивная конструкция, эмотивный интенсификатор, наречие, бурятский язык, синтаксис.

Е.А. Dadueva

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the
Russian Academy of Sciences*

EMOTIVE INTENSIFIERS IN CAUSATIVE CONSTRUCTIONS OF THE BURYAT LANGUAGE²

The work is devoted to causative constructions of the Buryat language, in which the situation of emotional impact is represented. The study suggests an actual comprehensive consideration of the interaction of the categories of causativity and emotivity. The main purpose of the study is to identify

¹Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

²The research was carried out within the state assignment (Man's World in Mongolian Languages: Analysis of Expressive Means of Emotional Breadth, №121031000258-9).

and describe emotive intensifiers as additional components of causative constructions in the Buryat language. The data placed in the Electronic Corpus of the Buryat language [EKBYA], as well as data obtained as a result of observation of the speech of native speakers, served as a material for the study. The novelty of the research lies in the fact that for the first time in Buryat linguistics an attempt is being made to define emotive intensifiers in a causative construction. As a result, some emotive intensifiers were described as additional components of causative constructions in the Buryat language, demonstrating the power of influence. The paper shows that intensifiers contribute to the disclosure of the emotive and evaluative potential of causative construction. They are a means of increasing the emotionality of the utterance, its expressiveness and expression of evaluation. Thus, various means are used as intensifiers. It is noted in the paper that the use of several intensifiers at once can be called a double (triple) intensification of emotive constructions. It is revealed that in the Buryat language, adverbs, adverbs, tautological combinations of participles and causative emotives can be attributed to the intensifiers of causative emotive construction. These components of the causative construction are associated with the causative emotive and manifest its emotive potential. Intensifiers as components of emotive constructions act as those linguistic means that are able to show the strength and degree of influence on a person and the level of emotion manifestation. The demonstration of the power of the caused emotion can be attributed to one of the functions of the intensifiers in the causative construction.

Key words: causativity, emotivity, emotional impact, emotive, causative construction, emotive construction, emotive intensifier, adverb, Buryat language, syntax.

В данной работе рассматриваются эмотивные каузативные конструкции, в которых репрезентируется ситуация эмоционального воздействия. Исследование предполагает актуальное комплексное рассмотрение взаимодействия категорий каузативности и эмотивности. Если категория каузативности уже достаточно давно изучается лингвистами во всем мире, то проблемы категории эмотивности начали рассматриваться сравнительно недавно [14]. Как справедливо считает В.И. Шаховский, «языкознание должно было наконец обратить свое внимание на место эмоций в структуре языка и заняться вплотную многочисленными проблемами функционирования эмоций неразрывно с функционированием языка» [15, с. 14]. Действительно, эмоции всегда сопровождают человеческую жизнь, и язык обладает огромным арсеналом средств, репрезентирующих эмоционально-психические состояния человека, и их изучение, конечно, должно заслуживать внимания лингвистики.

Эмотивные каузативные конструкции демонстрируют взаимодействие категорий каузативности и эмотивности. Они не просто показывают существование эмоциональных состояний, а обозначают причинно-следственные отношения, в результате которых появляется та или иная эмоция каузируемого субъекта. В эмотивной конструкции можно выделить несколько основных обязательных компонентов: каузатор-стимул, каузируемый объект, выступающий в роли субъекта эмоционального состояния, и каузативный глагол. Эмоциональное состояние каузируется посредством воздействия. Каузативные глаголы как предикатный и семантический центр каузативной конструкции обозначают физические, волевые и эмоциональные воздействия [5; 6]. Воздействия на эмоциональное состояние человека выражаются каузативными эмотивами (в терминологии Н.К. Онипенко) [7]. К каузативным эмотивам можно отнести следующие предикаты, обозначающие эмоциональные воздействия: *уурлуул-ха* 'сердить', *айлга-ха* 'пугать', *гайхуул-ха* 'удивлять' и т.п.

Между тем, как показывает материал исследования, сила воздействия на эмоционально-психическую сферу может быть разной. Исходя из этого, кроме основных компонентов каузативной конструкции, можно выделить дополнительные элементы, характерные для эмотивных конструкций. В эмотиологии выделяется понятие *интенсификатор*, который используется как термин, обозначающий языковые средства,

служащие для усиления семантики эмотивных единиц [3; 9 и др.]. Они используются в конструкциях как дополнительные компоненты, интенсифицирующие выражение тех или иных эмоций. Интенсификаторы усиливают эмотивную семантику конструкции, выражают экспрессию, а также способны передавать значение оценки. Интенсификаторы на материале различных языков исследуются в работах [3; 9; 8; 11], в бурятской лингвистике [1; 12; 13].

Именно интенсификаторы как компоненты эмотивных конструкций выступают в роли тех языковых средств, которые способны показать силу воздействия. Они способны подчеркнуть ту или иную степень воздействия на человека и уровень проявления эмоции. Демонстрацию силы каузируемой эмоции можно отнести к одной из функций интенсификаторов в каузативной конструкции.

Основной целью нашего исследования является выявление и описание эмотивных интенсификаторов как дополнительных компонентов каузативных конструкций в бурятском языке. В качестве материала для исследования послужили данные, размещенные в Электронном корпусе бурятского языка [ЭКБЯ], а также данные, полученные в результате наблюдения над речью носителей языка. Новизна исследования заключается в том, что впервые в бурятском языкознании предпринимается попытка определить эмотивные интенсификаторы в каузативной конструкции.

Анализ материала, отобранного методом сплошной выборки конструкций с каузативными эмотивами из ЭКБЯ, показал, что в качестве интенсификаторов в бурятском языке используются, в первую очередь, наречия. Важно отметить, что функция наречий как интенсификаторов в бурятском языке уже неоднократно отмечалась [1; 2; 12].

Известно, что наречия – это часть речи, которая называет признак действия и непосредственно характеризует предикат. Они стоят в конструкции перед каузативным эмотивом и способны усиливать его эмотивную семантику и давать оценку воздействию. Именно наречия чаще всего выступают в роли интенсификаторов каузативных эмотивов. К ним относятся, например, наречия меры и степени и образа действия, т.е. качественно-определяющие наречия: *айхабтараар* `страшно, ужасно, зло`, *эхээр, улам, бүри* `сильно, очень, много`, *шангаар* `сильно`, *тон* `очень`, *гэнтэ* `неожиданно` и т.п. Наречия образа действия, как указывается в «Грамматике бурятского языка», «служат показателями усиления или ослабления действия, качества или признака» [4, с. 294]. Частеречная принадлежность приведенных интенсификаторов до сих пор четко не определена в бурятской лингвистике, однако мы придерживаемся мнения об их принадлежности к наречиям [13], [2].

Материал исследования показывает, что наречия в каузативной конструкции используются для интенсификации силы воздействия, вызывающего как положительные, так и отрицательные эмоции. Именно наречия меры и степени способны демонстрировать степень проявления воздействия. Отметим, что одни и те же наречия в бурятском языке интенсифицируют проявление и отрицательных эмоций, и положительных эмоций. Ср.:

(1) <i>Тэнуул</i>	<i>баабгай-нууд</i>	<i>малша-д-ые</i>	<i>эхэ-эр</i>
Бродячий-А	медведь-PL	скотник-PL-ACC	сильно-ADV
<i>ай-лга-жа</i>	<i>бай-на</i>		
пугаться-CAUS-CV	быть-PRS.3.SG		

`Бродячие медведи очень сильно пугают скотников` [ЭКБЯ. Д.-Д. Дугаров. Хаанабши минии холонго. 1971].

(2) <i>Таанар-ай</i>	<i>шимэ</i>	<i>шанар</i>	<i>хайн-тай</i>	<i>ажал</i>	<i>намай-е</i>
Вы-GEN	такой	качество	хороший-А	труд	я-ACC

ехээр

сильно-ADV

баярл-уул-ба

радоваться-CAUS-PST

‘Ваша качественная хорошая работа меня сильно порадовала’ [ЭКБЯ. Х. Намсараев. Эдиршүүд. 1949].

Наречия образа действия демонстрируют качественные признаки силы каузативного воздействия. Так, наречие образа действия *гэнтэ* ‘вдруг, внезапно, неожиданно’ показывает неожиданность, внезапность наступления воздействия, выраженного каузативным эмотивом, и его использование показывает яркость, интенсивность испытываемых эмоций у казулируемого объекта. Наречие *гэнтэ* чаще всего связано с выражением отрицательных эмоций. Ср.:

(3) *Баяр гэнтэ оро-жо Бадм-ые ехэ ай-лга-ба*

Баяр внезапно-ADV войти-CV большой Бадма-ACC пугаться-CAUS-PST
‘Баяр, внезапно войдя, очень напугал Бадму’.

Вместе с наречиями-интенсификаторами употребляются усилительные слова, например, *тон*, который дополнительно интенсифицирует эмотивное значение не только наречия, но и каузативного эмотива (например, *тон ехээр*). Например:

(4) *Тэрэ басаган-ай үнгэ зүһэ-нь нам-айе*

Тот девушка-GEN цвет внешний вид-ACC.POSS я-ACC

тон ехээр гайх-уул-ба

сильно-PCL много-ADV удивиться-CAUS-PST.3.SG

‘Меня чрезвычайно сильно удивил бледный невзрачный вид этой девушки’ [ЭКБЯ. Ц. Шагжин. Эжымни үнэн. 1981].

Именно слово *тон* интенсифицирует данную конструкцию, обозначающую эмоциональное состояние человека, испытывающего крайнее неприятное удивление внешним видом девушки, которое и явилось стимулом-каузативом появления сильной негативной эмоции.

Также в качестве интенсификаторов наречий можно выделить такие усилительные наречия, как *аргагүй, бүришье, улам, бүри* ‘очень, исключительно, совершенно’, образованные из других частей речи. Например: *аргагүй ехээр, бүришье ехээр гайху-улха* ‘совершенно сильно удивить’, *бүри ехээр сухалдуулха* ‘очень сильно рассердить’ и т.п. Использование сразу двух интенсификаторов можно назвать двойной интенсификацией эмотивных конструкций (возможна и тройная интенсификация, например, *улам бүри ехээр*). Ср.:

(5) *Энэнь Марханса-йе улам ехээр сухалд-уул-ба*

Это Марханса-ACC очень много-ADV сердиться-CAUS-PST

‘Это очень сильно разозлило Мархансая’ [ЭКБЯ. Ч. Цыдендамбаев Банзарай хүбүүн Доржо. 1953].

Надо заметить, что данные наречия используются и в качестве самостоятельных интенсификаторов каузативных эмотивов:

(6) *Энэ ушар буряад-ай хүбүү-е аргагүй*

Это случай бурятский-GEN мальчик-ACC очень

баярл-уул-аа

радоваться-CAUS-PC.PST

‘Этот случай сильно обрадовал бурятского мальчика’ [ЭКБЯ. Ж. Тумунов. Нойрһоо һэриһэн тала – II. 1949].

В каузативной конструкции оценка дается воздействию каузатора на казулируемый субъект. Оценка имеет важное значение, так как она показывает целостную картину каузативной эмоциональной ситуации и дает характеристику эмоции по шкале «хорошо-плохо». Каузативные эмотивы потенциально обозначают как положительные, так

и отрицательные эмоции. Так, положительные воздействия вызывают положительные эмоции (*баярл-уул-ха*, *баяс-уул-ха* 'обрадовать', *урмаиш-уул-ха* 'ободрить', *жарг-уул-ха* 'осчастливить' и т.п.), а отрицательные – негативные эмоции (*уурл-уул-ха* 'сердить', *сухалд-уул-ха* 'гневать, сердить' *хэрүүлх-үүл-хэ* 'раздражать' и т.п.). Наличие интенсификаторов в конструкции позволяет однозначно трактовать их оценочный потенциал. Например, в следующей конструкции наречие степени *яһала* 'достаточно, вполне' подчеркивает крайне довольное состояние отца за положительные эмоции дочери:

(7) *Басаг-ы-мни яһала баярл-уул-ба ха*
 Дочь-ACC-POSS достаточно-ADV радоваться-CAUS-PST.3 PCL
 'Мою дочь достаточно порадовали' [ЭКБЯ. Д. Эрдынеев. Хүлэг инсагаална. 1974].

Так, очевидно, что интенсификаторы способствуют раскрытию эмотивного потенциала конструкции.

Среди языковых средств, участвующих в роли эмотивных интенсификаторов, можно наблюдать процесс десемантизации, который «выражается в том, что изменяется категориальный статус языковой единицы, то есть лексема переходит в другой морфологический класс» [10, с.112]. В бурятском языке в разряд наречий могут переходить прилагательные, которые также выступают в качестве интенсификаторов. Например, прилагательные *ехэ* 'большой', *туйлай* 'крайний, чрезвычайный' используются в роли наречий-интенсификаторов в значении 'очень, чрезвычайно, крайне':

(8) *Хойто зун-ши-нь залуу айл бүлэ-дэ*
 Следующий лето-ACC-POSS молодой семья семья-DAT
хүбүүн түрэ-жэ, Мантаг таабай-е
 мальчик родиться-CV Мантаг дедушка-ACC
туйлай ехээр баяс-уул-аа бэлэй
 крайний-А сильно-ADV радоваться-CAUS-PC.PST.3 PCL

'Следующим летом в молодой семье родился мальчик, что очень сильно обрадовало дедушку Мантака' [ЭКБЯ. М. Осодоев. Худагай хажууда. 1975].

В бурятских эмотивных каузативных конструкциях в качестве интенсификаторов, кроме наречий, нами выделены деепричастные формы. Деепричастная форма как компонент каузативной конструкции непосредственно синтаксически связана с каузативным глаголом и служит для интенсификации его эмотивного значения. Например:

(9) *Эндэ боло-жо бай-һан ушар Дагб-ые*
 Здесь становиться-CV быть-PC.PST случай-NOM Дагба-ACC
гайх-уул-ан сои-оо-бо
 удивлять-CAUS-CV пугаться-CAUS-PST.3.SG

'Происходящее очень сильно напугало Дагбу' [ЭКБЯ. Ц. Шагжин. Улаан морид. 1981].

Сочетание деепричастной формы и каузативного глагола *гайх-уул-ан сои-оо-бо* дает определение силе эмоционального воздействия, оказываемого стимулом-каузативом на каузируемый объект. Сильная эмоция страха вызвана воздействием эмоции удивления, выраженного деепричастной формой. Деепричастие усиливает эмотивное значение каузативной формы глагола.

Материал исследования показывает, что в качестве интенсификатора эмотивности в бурятском языке могут выступать деепричастные формы, которые являются полными синонимами каузативного эмотивного глагола. Например:

(10) *Гэнтэ үхибү-үд гүйд-эн гара-жа, Дагб-ые*
 Внезапно ребенок-PL бегать-CV выходить-CV Дагба-ACC
сошо-он ай-лга-ба
 пугать-CV пугать-PST.3

‘Внезапно выбежавшие дети очень сильно напугали Дагбу’ [ЭКБЯ. Ц. Шагжин. Улаан морид. 1981].

Добавление в данную конструкцию деепричастной формы *сошо-он*, производящая основа которой является полным синонимом основы каузативного глагола, показывает силу воздействия. Каузируемый субъект, носитель эмоционального состояния, испытал достаточно сильный страх.

Деепричастия, функционирующие в конструкциях с каузативными эмотивами, выражают значение не только интенсивности воздействия, но и оценочное значение крайне негативного воздействия на эмоциональную сферу. Ср.:

(11) <i>Шатухан</i>	<...>	<i>зарим</i>	<i>хүзэтэн-ише</i>	<i>хүрд-өөн</i>
Шатухан		некоторый	верующий-АСС	бояться-СВ
<i>ай-лга-ба</i>				
пугаться-CAUS-PST				

‘Шатухан очень сильно напугала некоторых верующих’ [ЭКБЯ. М. Осодоев. Заха холын заямхада. 1975].

Материал исследования также показывает, что в качестве интенсификаторов служат однокоренные причастные формы каузативного глагола. Подобные тавтологические сочетания каузативного эмотива и причастия являются в бурятском языке одним из ярких средств интенсификации эмотивной семантики конструкции. Например: *айхын ехээр айлгаха* ‘очень сильно напугать, заставить трепетать от страха’, *сүхэрхын ехээр сүхэрөөхэ* ‘очень сильно заставить отчаяться’ и т.п. В таких сочетаниях используются не только однокоренные формы каузативного эмотива, но и наречие *ехээр*.

Таким образом, в работе были описаны некоторые эмотивные интенсификаторы как дополнительные компоненты каузативных конструкций в бурятском языке, демонстрирующие силу воздействия. Показано, что интенсификаторы способствуют раскрытию эмотивного и оценочного потенциала каузативной конструкции. Они повышают эмоциональность высказывания, его экспрессивность и способны выражать оценку. В качестве интенсификаторов используются разнообразные средства. В работе отмечено, что использование сразу нескольких интенсификаторов можно назвать двойной (тройной) интенсификацией эмотивных конструкций. Выявлено, что в бурятском языке к интенсификаторам каузативной эмотивной конструкции можно отнести наречия, деепричастия, тавтологические сочетания причастий и каузативных эмотивов. Данные компоненты каузативной конструкции связаны с каузативным эмотивом и проявляют его эмотивный потенциал. Демонстрацию силы каузируемой эмоции можно отнести к одной из функций интенсификаторов в каузативной конструкции.

Список литературы

1. Абаева Ю.Д. Лексические интенсификаторы в бурятском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2022. № 2(39). С. 98–108.
2. Абаева Ю. Д. Немотивированные наречия в функции интенсификаторов в бурятском языке // Русский лингвистический бюллетень. 2022. № 7(35).
3. Берестнев Г.И., Васильева И.Б. Эмотивные интенсификаторы английского и русского языков: от типологии номинаций к когнитивным установкам. Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 1 (383). Филологические науки. Вып. 99. С. 21–32.
4. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. – М., 1962. 340 с.
5. Дадужева Е.А. Каузативные конструкции в бурятском языке: функционально-семантический и лингвокогнитивный аспекты. Автореферат диссертации ... доктора филол. наук. – М., 2022. – 46 с.

6. Дадужева Е.А. Каузативные конструкции с глаголами волевого воздействия в бурятском и русском языках. Сибирский филологический журнал. 2020. №1. – С. 267–277.

7. Онипенко Н. К. Семантика каузативных эмотивов и их функции в заголовках современных интернет-текстов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 5. С. 83–90.

8. Сандакова М.В. Тенденции развития класса лексических интенсификаторов в русском языке новейшего периода // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 4. С. 217–226.

9. Сюткина Н.П. Функционирование эмотивных каузативов в категориальном семантическом комплексе. – Пермь: Издательский центр Пермского государственного национального исследовательского университета. 2020. 176 с.

10. Сюткина Н. П. Механизмы интенсификации в категориальной ситуации каузации эмоциональной модификации // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9. № 1. – С. 108–116.

11. Хмелевский С.А. От качества к оценке (модели формирования класса наречий-интенсификаторов в славянских языках) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. – С. 208–218.

12. Цыбенова Ч.С. Средства выражения категории интенсивности в бурятском языке. Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2020. Вып. 4. С. 92–97.

13. Шагдаров Л.Д. Проблемы новой академической грамматики бурятского языка (имя существительное, имя прилагательное, наречие, послелоги, модальные слова, слова категории состояния, изобразительные слова). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. – 192 с.

14. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. – М., 2008. – 416 с.

15. Шаховский В. И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – 170 с.

Список источников

ЭКБЯ – http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (Дата обращения – 19.02.2023).

Условные обозначения грамматических значений в глоссах

ACC – винительный падеж; ADV – наречие; CAUS – каузативный глагол; CV – деепричастная форма; DAT – дательный падеж; GEN – родительный падеж; IMP – повелительное наклонение; LOC – локатив; NEG – отрицание; NOM – номинатив; PC – причастная форма; PC.FUT – причастие будущего времени; PCL – частица; PL – множественное число; POSS – личное притяжание; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; SG – единственное число.

*Е.С. Котяева**Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова*

**«НА ЯЗЫКЕ ЗЕМЛИ РОДНОЙ...»:
К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РАЗГОВОРНОСТИ
СТИХОТВОРНОГО СЛОГА Д. Н. КУГУЛЬТИНОВА**

В данной статье рассматриваются лексические и синтаксические особенности стилизованной разговорной речи в стихотворных произведениях Д. Кугультинова. В ходе анализа устанавливается устойчивая тенденция к использованию в стихотворениях разговорной лексики, специальных синтаксических конструкций устной речи, имитирующих разговорный диалог. Важным фактором в отборе языковых средств является жизненное мироощущение поэта, умение использовать богатейшие возможности русского разговорного языка.

Ключевые слова: *стихотворные произведения Д.Н. Кугультинова, стилизация, лексические и синтаксические особенности разговорной речи, авторский идиостиль, поэтический диалог.*

*E.S. Kotyayeva**Kalmyk state university named after B.B. Gorodovikov*

**“IN MY NATIVE LANGUAGE”:
TO THE ISSUE OF INTERPRETATION
THE COLLOQUIAL POETIC SYLLABLE OF D.N. KUGULTINOV**

The article discusses lexical and syntactic peculiarities of colloquial speech in the poems written by D.N. Kugultinov. The author analyzes the poems and reveals a stable tendency to use colloquial vocabulary, specific syntactic constructions of colloquial speech imitating a dialogue. The main factor in the choice of lexical means is the life credo of the poet, his ability to apply the rich Russian colloquial language.

Key words: *poems by D.N. Kugultinov, stylization, lexical and syntactic features of colloquial speech, author's idiosyncrasy, poetic dialogue.*

Давид Никитич Кугультинов – поэт поистине мирового масштаба, творец и создатель, чьи произведения вошли в сокровищницу нашей национальной культуры, в копилку достижений российской и мировой литературы. Давид Кугультинов относится к поколению мужественных, многое испытавших, одаренных личностей, перенесших военные и послевоенные невзгоды. В 2022 году в Калмыкии отметили 100-летний юбилей Давида Никитича Кугультинова – калмыцкого и советского поэта, Народного поэта Калмыцкой АССР, Героя Социалистического Труда, Лауреата Государственной премии СССР, депутата Верховного Совета Калмыцкой АССР, Народного депутата СССР, фронтовика, первого заведующего кафедрой калмыцкой литературы Калмыцкого государственного университета [12; 13; 14; 15].

Давид Кугультинов родился в хотоне Абганер Гаханкины Больше-Дербетовского улуса в семье сельского учителя. В шесть лет пошел в школу. До третьего класса учился в своем родном хотоне. Писать стихи начал приблизительно с 8-9 лет.

В седьмой класс Давид поступил в городе Элиста и там же в 1938 году окончил среднюю школу № 1. Через год он поступил в Калмыцкий педагогический институт

в Астрахани. Слушая лекторов, перелистывая фолианты в городской библиотеке, Кугультинов постепенно погружался в незнакомый ему мир классической поэзии, античной истории и философии.

Председатель правления Союза писателей Калмыкии Церен Леджинов пригласил к себе начинающего поэта и, послушав его стихи, предложил издать сборник. В 1940 году первый сборник стихов под названием «Стихи юности» вышел в свет. В этом же году Давид Кугультинов стал членом Союза писателей СССР. Ему исполнилось тогда восемнадцать лет.

С началом Великой Отечественной войны Давид Кугультинов подает заявление о направлении на фронт. В составе 2-го Украинского фронта принимает участие в боях.

22 июня 1941 года полк, в котором проходил военную службу Давид Кугультинов, находился на боевых учениях. Рано утром гонец, примчавшийся на взмыленном коне, вручил командиру полка какой-то пакет. Сыграли боевую тревогу, а звуки отбоя, которые пронесли над страной 9 мая 1945 года, ему пришлось услышать вдали от фронтовых друзей, в Алтайском крае.

О своем пребывании на фронте Кугультинов вспоминает и пишет очень скупое. Его воспоминания о войне больше походят на запись анкетных данных: «Был офицером-политработником, работал в дивизионной газете 252-й стрелковой Краснознаменной Харьковской дивизии. На фронте пришлось испытать все, что доводится испытывать солдату. Штаб дивизионной газеты был небольшой. Редактор, его заместитель да я, самый младший по должности... У калмыков есть пословица: «Последнему верблюду – поклажа потяжелее». Мне чаще приходилось бывать на передовой, а иногда неделями не уходить оттуда».

Лязг танковых гусениц и грохот оружейных разрывов рождали новые темы, образы, ритмы. Собрания сочинений Давида Кугультинова изданы на калмыцком и русском языках. Произведения поэта переведены на ряд языков народов СССР и мира. Он автор поэм «Любовь и война», «Моабитский узник», «Песнь чудесной птицы», «Сар-Герел», «Воспоминания, разбуженные Вьетнамом», «Повелитель Время», «Бунт разума», циклов стихов «Жизнь и размышления», «Все годы». На русский язык стихи поэта переводили Михаил Светлов, Семен Липкин, Юлий Даниэль, Новелла Матвеева, Юлия Нейман [8; 9; 10; 11].

Язык и стиль стихотворений Д.Н. Кугультинова всегда привлекал внимание ученых, о чем свидетельствуют многочисленные научные публикации [2; 3; 4; 5 и др.], однако данная проблематика с течением времени не только не исчерпала себя, но и все больше обретает новые горизонты и перспективы. Языковой материал поэтического текста Д. Кугультинова есть сложное сочетание элементов разных уровней, от фонетики – до синтаксиса, направленных на приобщение читателя к авторским эмоциям посредством «творческой власти над языком», возбуждение в нем духа «сотворчества», стремления участвовать в лирическом диалоге.

Одной из таких актуальных перспектив является изучение отражения особенностей современной разговорной речи в структуре стихотворного текста, ставших многообразными признаками идиостиля талантливого калмыцкого поэта, его своеобразного художественного «почерка». Исследовательские поиски при этом касаются лексико-семантических и синтаксических элементов, диалогических конструкций как особой формы речевого взаимодействия, характеризующихся специальными средствами смыслового и конструктивного соотношения строфики стиха.

Предметом рассмотрения в данной статье являются лексико-синтаксические особенности разговорной речи в стихотворениях Д. Кугультинова в условно синхронном

плане (вторая половина XX в.): лексико-семантические группы и значения слов, непосредственно связанные с развитием лирического сюжета, стилистические преобразования синтаксических конструкций устной речи, обусловленные стремлением автора к стилизации разговорности как художественно-эстетической категории.

Текстовые фрагменты, наиболее показательные в этом отношении, были извлечены из сборника Д. Н. Кугультинова «Всадник на быке» [1], в русском переводе, многие стихотворения которого объединены «печатью» разговорности.

Что же создает впечатление доминирующей разговорности поэтического текста Д. Кугультинова? Это, прежде всего, создание особой атмосферы непосредственности и непринужденности посредством употребления стилистически сниженной лексики и фразеологии, реалистически вписанной в развитие лирического сюжета («собственная шкура», «трын-трава», «пустая голова», «по плечу»); некоторые фразеологизмы являются результатом словотворчества поэта («голову спилить»). Приведем подтверждающие примеры из стихотворения поэта:

*... Да стоит ли на свете жить,
Чтоб шкуре собственной служить?!
Еще такая есть бравада:
«Мне справедливости не надо!
Любая ложь мне по плечу!
А правда там, где я хочу!
Всё остальное – трын-трава!..»
... Молчи, пустая голова!
Чем с головой такую жить,
Не лучше ль голову спилить?! («Кто боязлив и не силен...», с. 141)*

Подобная лексика квалифицируется современными толковыми словарями как *разговорная* и *просторечная*: «Шкура – перен (в сочетании со словом *своя*); Прост. Жизнь, существование, положение, благополучие (обычно в составе некоторых устойчивых выражений) [3, т. 4, с. 721]; «Трын-трава – знач. сказ. Разг. Нипочем, не имеет значения; безразлично, никак не трогает» [3, т. 4, с. 420].

Во многих стихотворениях Д. Кугультинова впечатление простоты и непринужденности лирического диалога создается словами и сочетаниями разговорного плана, которые несут на себе самую разную эмоциональную нагрузку, и состав их весьма не однороден, это:

– отвлеченная лексика с отрицательной и положительной окраской – «чушь, блажь, штука, подмога, думка, костлявая (о смерти)», – взаимодействующая с разного рода иностилевыми лексическими средствами – нейтральными, книжными, общеупотребительными словами;

– слова, характеризующие человека, передающие его внешность и одновременно восхищение женской неземной красотой («о чудо-фея; чудо Герензел»):

*Притопни ножкою!... Хадрис!
Хадрис, о чудо – фея!..
Все ж я смирил себя как мог...
Сижу – спокойный, кроткий...
Молчу... Однако ж я примолк
На срок весьма короткий...
Контроль мой строгий ослабел
В тот миг, когда над полом
Вспорхнула чудо Герензел,
Взмахнув своим подолом. («Рагни», с. 215)*

– лексика, обозначающая физическое состояние человека посредством сравнительной конструкции, метафоризации («как сапожник пьян», «мертвецки пьян», «дохнувши аракою»):

К нам пришел он как сапожник пьян

И сказал, дохнувши аракою:

– «Ааку» запишем мы «Окою»,

Был «Аби», теперь «Аби» – «Иван»...

Это что за чушь – «Хар-Дааган»?

Объясните смысл мне речью русской... –

Выпил штоф, побрезговав закуской,

Став совсем уже мертвецки пьян. («Годовик-городовик», с. 22)

– внутренние качества, характер, особенности поведения, взаимоотношения, возраст, пол, социальная характеристика («малютки, малолетка, птенчик, родное чадо, одногодки, парнишка, дочка, мальчишка, мальчуган, девчонка, дед, дружки, смельняк, простофиля, простак, бедняга, бедняжка, чернокостные, бедняки, пьянчуга, подонки, недозвери, лиходеи, хапуга, холуи, прислужники, змеёныш беспородный; проклятая ведьма» и др.):

Эльте сказала:

– Хан, на троне сидя,

В недобрый час прикрыл свой левый глаз

И ухо левое заткнул, хотя как раз

Там, слева, – те, что больше всех в обиде:

Все чернокостные, все бедняки,

Все мы, кому хапуги – не с руки. («Эльте», с.226)

В приведенном отрывке из поэмы «Эльте» слова разговорного плана – «чернокостные, бедняки, хапуги» – выполняют характеризующую функцию и на фоне нейтральной лексики являются носителями речевой экспрессии стихотворного диалогического текста.

Лексика конкретно-бытового содержания, отличающаяся обилием тематических групп, в стихотворениях Д. Кугультинова передает особенности жизни и быта калмыков, изображает определенную ситуацию, на фоне которой герои живут и действуют. Это: наименования построек, посуды, одежды и обуви, продуктов питания, домашних животных («хаты, землянки, штоф, фляга, кружки, закуска, орешки (борцоки), одежда, подол, дерюга, валенки, кисет, «козья ножка» (папиросы), фронтон, чудо-бляшки (о монетах), спички, гольши-птенцы, гуси, утки, бычок, телки, телушка, коровенка; арака, жратва» и др.). Некоторые слова имеют переносное значение, разнообразную эмоциональную окраску.

Важно отметить, что яркой чертой авторского идиостиля Д. Кугультинова является способность поэта мастерски соединять лексику абстрактного характера с конкретно-бытовой, придавая стихотворению неповторимый колорит «родимых мест». Так, в стихотворении «Арбуз калмыцких степей» слово «арбуз», относящееся к сфере быденного пищевого дискурса, органично вписывается в стихотворный ряд со словами иностилевого плана – высокими, книжными, терминологическими («ямб, дифирамб»), в результате – звучит своеобразный «гимн» арбузу:

О чудо-ягода родимых мест,

Отрада полыхающего дня!

Лишь тот, кто, соком обливаясь, ест

Тебя в жару, – лишь тот поймет меня!..

*А я, – в гостях, – перехожу на ямб
И, добровольный отменив запрет,
Слагаю в полный голос дифирамб
Тебе, арбуз, какому равных нет!* (с. 84)

В приведенных ниже строках мы видим, как автор умело употребляет разговорно-просторечную лексику («одёжа, дерюга») и на реальном фоне «чужой» жизни, например, в стихотворении «Объявление в музее Дели», в котором звучит призыв гуманно относиться к священным животным:

*Мы просим – одяние из кожи,
Другим принадлежавшей существам,
Мы молим – не носить такой одёжи,
Такое не пристало, люди, нам!
Представьте только: раньше или позже,
Быть может – завтра, может – через год,
И вы уйдете, вы умрете тоже,
И кто-то – жадный – кожу с вас сдерет.
Каков он будет? Для одежды гожа
Любая ткань – дерюга иль атлас.
Не кожа, нет! Она священна – кожа,
Хранящая дыхание жизни в нас!* (с. 63)

Однако, помимо собственно номинативной функции, конкретно-бытовые слова, и особенно те из них, которые имеют грубо просторечную окраску (слово «жратва»), служат у Д. Кугультинова и средством речевой характеристики персонажа, при этом лексический повтор как яркое средство разговорности стиха еще более усиливает его экспрессию:

*И тут же услышал Бата
Шулмусов гнусный вой:
– Жратвы!... Жратву давай сюда!
Сума-то со жратвой!* («Бата – всадник на быке», с. 278)

Включение в стихотворную канву стихотворений автором лексики с уменьшительно-ласкательными суффиксами («крылышки, рябинки, норки, холмики, бугорки, камешки, травинки, уютюжки, моторчики, клеточка, рядком») и обращений («милый; погляди; друзья, друг, голубчик, вояка») создает разговорность и лиризм, задушевность поэтических строк одновременно, подчиненных эстетическому замыслу. Так, в стихотворении «Мальчик» слова «ручонки, голосок, ручеек, глазенки» передают ласку и любовь матери к сыну:

*Сжал игрушку пухлую ручонкой
Он – еще не знающий беды.
Голосок звенит – высокий, звонкий,
Плещет ручеек живой воды...
А пока он подбегает к маме,
Черными глазенками блестя,
И крылами теплыми – руками
Осняет мать свое дитя.* (с. 138)

А в стихотворении «Я помню прошлое. Я помню...» обращение «бабушка, родная» становится олицетворением нежности любви и добра, благодарности к чужой женщине, протянувшей руку помощи голодному ребенку. Конкретно-бытовые реалии

«кусок хлеба, ломоть; карман» олицетворяются с абстрактной лексемой «добро», воплощенной во фразе «существование добра», при этом действует прием семантического столкновения разноплановых понятий:

*Я помню прошлое. Я помню
Свой голод. Большие я не мог.
И русская старушка,
Помню,
Мне хлеба сунула кусок.
Затем тайком перекрестила
В моём кармане свой ломоть
И быстро прочь засеменила,
Шепнув: «Спаси тебя господь!»
Хотелось мне, её не зная,
Воскликнуть: «Бабушка, родная!»
Хотелось петь, кричать «ура!»,
Рукой в кармане ощущая
Существование добра. (с. 42)*

Широкое распространение в стихотворениях Д. Кугультинова получает глагольная лексика, семантически разноплановая и многозначная. Это глаголы движения с разной степенью интенсивности («примчаться, трусить (идти), драпать, притопнуть, вспорхнуть, кружить, шнырять»), воздействия («схватить, выдрать, прикончить»), речи и мысли, состояния, поведения («примолкнуть, спянуть, деться, разрезвиться»). При этом часто ритмический ход стиха совпадает с разговорной интонацией, создаваемой глаголом, служит своеобразным семантическим центром мысли:

*А на рассвете силами полка
Мы поднялись в атаку! И вплотную
Ударили по немцу.
В тот же час дивизия развернутой ладонью
Атаковала с фронта.
На плечах
Захватчика, затертого атакой,
Мы шаг за шагом вышли на равнину
И, слившись со своими, нанесли
Отчаянный удар!
Припертый враг,
Просачиваясь юшкой меж ладоней
Крутых полков,
Рассеялся по снегу
И драпал, оставляя минометы. («Три дня», с. 203)*

Впечатление разговорности стихотворного текста Кугультинова создается также атмосферой непосредственности и простоты, создаваемой такими разговорно-просторечными оборотами и фразеологизмами, как «чего-чего нет; день-деньской; нехитры труды; совсем еще дитя; не порти крови; да что ж такое; кой-как, по-свойски, с маху; сам черт не страшен; не руби плеча; черт возьми; дать передышку; павья походка; тугие пути; прости-прощай покой; стали жить да поживать; поддать жару; за пазуху; шипы-колючки жизни; все пошло вверх дном; денег нету – вот беда; будет худо; сызмалу, рядом, далече; неполадки; всласть; ничком» и др.). Подобного рода выражения пронизывают многие из стихотворений поэта:

*А люди ждали сумерек, тоскуя,
Чтоб в степь уйти, ничком в траву упасть
И в одиночку выплакаться всласть.*

(«Перешагнув жестокости предел», с. 39).

Разговорность стиха поддерживается и специфическими синтаксическими конструкциями разговорной речи – экспрессивными оборотами, восклицаниями, риторическими вопросами («*Что было раньше – Дело или Слово?*»; *Вы – о мудрый! О Ираклий!*», с. 143), разного рода эллипсисами, конструкциями разговорного синтаксиса с просторечными союзами, добавлениями, плеонастическими местоимениями («*Ан у войны была другая думка / И вышло по её*», с. 193; «*Змея – она батыру лучший друг*», с. 293), повторами, релятивами-реакциями («*А там – передовая! Да ну и что же!*», с. 179), номинативными предложениями («*Борьба... Сопроотивленье... Убийства. Взрывы. Снова – кровь рекою.*», с. 129), стиховыми переносами, создающими разговорные интонации («*И с высоты / Летит, летит – за пазуху Баты*», с. 280; «*Лежат они рядом и поджидают / Гостей*», с. 199). При этом важную роль играет лексическая наполняемость стихотворных строк, взаимодействие книжной лексики с конструкциями экспрессивного синтаксиса, прямым диалогом, метафорическими образами и именами:

Бата молчит, остолбенеv.

А бык вскричал: – Молю!

Прочь, удивление и гнев!..

Скорей зови Эвлю!

Так старец повелел тебе

При мне, быке Омбе.

На языке земли родной

Зови ее домой!..

(«Бата – всадник на быке», с. 280)

Диалог, построенный на «прямом разговоре», поддерживаемый рифмой и ритмом стиха, – это яркая черта поэтического идиостиля Д. Кугультинова и в других стихотворениях данного сборника: «*– Как думаешь, всего за пару дней / Так привязаться, будто знаешь вечно... / Возможно ли, скажи?*»; «*Не сомневайся. Так бывает. Знаю. Мой друг однажды так же полюбил*» («Три дня», с. 197–198).

Таким образом, в стихотворных произведениях Д. Кугультинова широко используются стилизованные лексические и синтаксические элементы разговорной речи, выполняющие разнообразные художественно-эстетические функции.

Наличие стилистически маркированных средств не только не привело к снижению общей тональности поэтического дискурса, но, напротив, способствовало ее усилению и обогащению, послужив определенного рода катализатором в проявлении эмоциональных свойств иностилевой лексики.

Существенным фактором является авторское своеобразие, влияющее на отбор лексических и синтаксических средств, а также умение поэта использовать богатейшие возможности русского разговорного языка в раскрытии целой гаммы поэтических образов, создании правдоподобного диалога.

Список литературы

1. Кугультинов Д. Всадник на быке: Стихи. Пер. с калм. – М.: Советский писатель, 1987. – 304 с.

2. Котяева Е.С. Слово в поэзии Д. Кугультинова // Величие личности. Доклады и материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 80-летию Народного поэта Калмыкии Д.Н. Кугультинова. – Элиста, 2003. – С. 67–76.

3. МАС: Словарь русского языка: в 4-х т.т. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. – М.: «Русский язык», 1985.

4. Олядыкова Л.Б. Безэквивалентная лексика и фразеология в поэтической картине мира Давида Кугультинова (на материале произведений в русском переводе). – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. – 326 с.

5. Розенблум Ю.Б. Давид Кугультинов. – М.: Сов. Россия, 1969. – 156 с.

6. Слово о Давиде Кугультинове / Сост. Д.Б. Дорджиева, З.Б. Бадмаев. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1983. – 175 с.

7. Ханинова Р.М. Давид Кугультинов и Михаил Хонинов: диалог поэтов. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. – 195 с.

8. Поэты-фронтовики: Давид Никитич Кугультинов. <https://kalmgu.ru/news/poety-frontoviki-david-nikitich-kugultinov-1922-2006-gg/>

9. <https://lit-ra.su/david-kugultinov/>

10. <https://poezosfera.livejournal.com/7172.html>

11. Новый мир. № 12. 1963. – М.: 1963. <https://www.kalmlib.ru/kugultinov/2/rus2/13.pdf>

12. <https://www.calend.ru/persons/2212/>

13. <https://www.kalmykiatour.com/kugultinov-david-nikitich/>

14. <https://www.kalmlib.ru/articles/100-let-kugultinovu>

15. <https://souzpisatel.ru/k-100-letiyu-poeta-davida-kugultinova/>

Э.Б. Манджиева, Э.В. Эрдниева

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ ПОВСЕДНЕВНОЙ КОММУНИКАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ КАЛМЫКОВ)**

В статье анализируется национально-культурный компонент некоторых речевых жанров повседневного коммуникативного пространства калмыков-билингвов, а также определяется функциональная специфика калмыцких вербальных и невербальных проявлений в русском разговорном дискурсе двуязычных информантов с учетом жанрового своеобразия языкового материала.

***Ключевые слова:** коммуникативное поведение, речевой жанр, повседневная коммуникация, языковая личность, национальный характер, национальный компонент, разговорный дискурс.*

E.B. Mandzhieva, E.V. Erdnieva

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

**NATIONAL-CULTURAL SPECIFICITY OF SPEECH GENRES
OF EVERYDAY COMMUNICATION
(ON THE EXAMPLE OF SPEECH BEHAVIOR OF KALMYKS)**

The article analyzes the national-cultural component of some speech genres of the everyday communicative space of Kalmyk bilinguals. The authors also determine the functional specificity of Kalmyk verbal and non-verbal expressions in the Russian colloquial discourse of bilingual informants, taking into account the genre specificity of the language material.

***Key words:** communicative behavior, speech genre, everyday communication, linguistic personality, national character, national component, colloquial discourse.*

Межкультурное и межнациональное общение – интереснейшая сфера, привлекающая внимание ученых, работающих в русле антропоцентрического направления лингвистики (неолингвистики). Переориентация с традиционного сопоставления языковых систем на выявление национально-культурной специфики речи в разных ситуациях, сферах общения с принятием во внимание ментальных ценностей, национального характера языковых личностей, открыла обширные перспективы для обнаружения и изучения особой коммуникативной компетенции индивидов.

Наблюдения доказывают, что присутствие в русской речи нерусских национального компонента есть ее устойчивая характеристика, проявляющаяся с разной степенью активности и обнаруживающая себя на разных языковых уровнях (фонетическом, лексическом, грамматическом). Подобного рода наблюдения (явления интерференции) представлены в научной литературе полно и подробно [15].

Неолингвистика же обратилась к коммуникативной компетенции языковой личности, объединив в своем пространстве прагма-, психо-, социо-, когнитивную и дискурсивную лингвистику, неориторику и многие другие, что дало возможность развитию новых ее направлений. Так появилась генристика (жанроведение), теория речевых жанров (ТРЖ) как конкретное направление дискурсивной лингвистики. По мнению К.Ф. Седова, речевой жанр (РЖ) – одно из «ключевых понятий, структурирующих новую научную

парадигму». Универсальность данной категории, ее инструментально-методологический потенциал дают возможность вести речь о жанровом пространстве коммуникации (в том числе и повседневной) «как о зоне самопрезентации и самораскрытия» идиостиля личности, ее коммуникативной компетенции, в том числе и жанровой [1, с. 3–4].

Цель статьи заключается в выявлении функциональной специфики национального компонента в неофициальной устной русской речи калмыков, то есть информантов, «принадлежащих к иной коммуникативной культуре» [13, с. 47]. Под коммуникативным поведением понимается «поведение (вербальное и сопровождающее его невербальное) личности или группы лиц в процессе общения, регулируемое нормами и традициями общения данного социума [13, с. 42]. Особенностью языковой ситуации калмыцкого региона является объективное функциональное доминирование русского языка практически во всех сферах его жизни [8].

Анализ идет с опорой на предложенную Ю.А. Прохоровым и И.А. Стерниным ситуативную модель описания коммуникативного поведения, что в вербальном плане предполагает учет конкретных коммуникативных ситуаций и сфер [14, с. 3]. Стандартные коммуникативные ситуации (например, благодарность, знакомство, поздравление, комплимент, соболезнование) предполагают и коммуникативные сферы (общение с друзьями, старшим поколением, знакомыми или незнакомыми и т.п.). В работе принята классификация РЖ, представленная в «Антологии речевых жанров» [1].

РЖ признается в качестве одного из наиболее эффективных объясняющих механизмов при исследовании разных ситуаций использования языка, процессов порождения и интерпретации речи с учетом ряда важнейших параметров (сферы, ситуации, стиля, интенциональности, формы речи, стратегии и тактики ведения коммуникации). «Жанровое оформление коммуникативного поведения», – по утверждению В.В. Дементьева, – «один из основных постулатов коммуникативной лингвистики» [5, с. 7]. Отметим, что в жанровое оформление во многом вносит свою специфику национально-культурная составляющая коммуникативного (речевого) поведения индивида. Однако в современной лингвокультурологии «РЖ – явление скорее периферийное или малопредставительное» по той причине, что на уровне речи, в отличие от уровня языка, концептуализация значений и значимостей не достигает такой степени завершенности, представительности и убедительности [5, с. 270].

Любой дискурс имеет интерактивную природу, проявляющуюся в национально-этнической, социально-типической (жанровой), речемыслительной, формально-структурной и других особенностях. Каждая из них может стать основанием для выделения конкретного аспекта анализа дискурса языковой личности. В соответствии с поставленной целью представляет интерес интеграция двух аспектов – жанрового и национально-культурного.

Обращение к разговорному дискурсу не случайно: устный по форме, это самый быстрый способ выражения информации и обмена ею, по своей природе спонтанный, непосредственный, он обнаруживает реальные механизмы коммуникативного поведения человека, представляющего национально-этнический социум, ситуативный по характеру общения, он дает коммуникантам значительную свободу в построении внутриянровой интеракции.

Каждый национальный язык представляет когнитивные структуры и словесно оформляет концепты в характерной только ему форме, отражающей совокупность знаний культурно-языкового плана этноса в разных своих функционально-стилевых разновидностях. Прежде всего, это фразеологические единицы, занимающие особое место в концептосфере каждого национального языка: во-первых, подобно любому

концепту, это единицы, отражающие социальный опыт и мировосприятие народа, когнитивную, мыслительную, творческую деятельность людей, уводящую в древность; во-вторых, они обладают ярко выраженным национальным своеобразием вербальной объективации окружающей действительности, реальности: это подлинное «богатство памяти, унаследованное личностью и племенем, бодрствующее сознание которого напоминает и предостерегает» [9, с. 131]. Очевидность ценностных этнолингвистических компонентов в семантике фразеологических единиц бесспорна [17].

В последнее время в теории концептов наблюдается интеграция функционального и когнитивного подходов. Удобной теоретической базой для таких исследований может стать ТРЖ. «Без использования понятия речевого жанра когнитивная лингвистика не может выполнить свою главную задачу – осмысление языкового и коммуникативно-речевого сознания»: жанр – «содержательно ориентированная единица», он важная часть «тех смыслов, которые включаются в концепт» [4, с 9].

Рассмотрим жанр *семейной беседы* (субжанр *убеждение*), характеризующийся наличием прецедентных текстов (ПТ). Вряд ли это случайно: «именно в семейном общении, как ни в каком другом, наблюдается повышенное внимание к речи», «именно в семье начинается процесс обучения языку» [7, с. 290; 16, с. 272].

Участники диалога: А. (тетя) 68 лет, Б. (племянница) – 28 лет.

Б: Я буду увольняться/ постоянно притирается этот ... начальник отдела/ я типа ничего не делаю в срок// А кто делает?// Думает, я молчать буду!! Не буду!! Только меня и видит...

А: Подожди, куда пойдешь?// Сначала найди работу!!/ ... Работы нет, все уезжают...

Б: Да не могу уже// Поругалась с ним...

*А: Так нельзя, подумай/ где-то лучше? Вряд ли... На других посмотри/ терпеть надо// ради детей... Подумай, **цө кел, ол сан** (меньше говори, больше думай)// *Может ты сама виновата?/ Вот ругаешься/ залу күн* (мужчина) *он же/ **Килниц*** (грех) *на...// мужчину кричать ...//**

Б: Ну Вы даёте! Молчать что ли?// А я женщина, нечего на меня орать!!/

*А: **Келэн бүлүдсн гергн маля үздг*** (женщина, точащая ляды, получит кнута), *понимаешь?// (Утхан бүлүдсн залу мах иддг, **келэн бүлүдсн гергн маля үздг** – Мужчина, точащий нож, будет есть мясо, **а женщина, точащая ляды, получит кнута**).*

Б: Вы так думаете?.../ Пока потерпеть?...//

Очевидно, что это статусно-неравноправное одностороннее Вы-общение, подчиненное определенным социальным нормам, достаточно строгим и обязательным. Исходя из того, что фреймы речевой фатикой в значительной мере определяются культурными традициями, овладение которыми – главным образом, «результат воспитания, следствие социального опыта говорящего», можно утверждать, что здесь имеем дело с социально-культурным стереотипом речевого поведения [3, с.77]. Тема беседы – конфликт на работе. Со стороны старшей собеседницы исходит нравственное начало: она, преследуя определенную коммуникативную цель – побудить племянницу изменить свое решение и более – поведение, транслирует доброжелательную, социально-этическую тональность, подводя к кооперативной коммуникации (паузы, вызванные подбором слов, формы побуждения *подожди, посмотри, подумай*). В ситуации убеждения старшая собеседница приводит рациональные прямые, оценочные (*килиц* – грех, нельзя так) и не прямые аргументы (дети, которых надо содержать; нет работы, все уезжают в ее поисках, надо потерпеть). Происходит обращение к коллективному опыту – прецедентным единицам, концептуализирующим культурно маркированные

понятия *мужчина–женщина* с точки зрения их социальной значимости. В калмыцкой лингвокультуре концепт *залу* (мужчина) имеет особую коннотацию с ценностными компонентами «самостоятельность», «мужественность», «честь» и т.п. В патриархальной калмыцкой семье глава семьи, будучи кормильцем, имел непререкаемый авторитет. Женщина же, хранительница очага, обязана была проявлять исключительное терпение, неизменную скромность, что находит отражение в поговорке (Жүүкн күн бүгү эс болсн хөөн – ду угань сэн – Девушке, если она не скрытна, лучше быть молчаливой) [2, с. 184].

Образная основа фразеологизмов отражает уникальные народные традиции, ценности, в том числе и этикетного свойства, потому приведенные ПТ – изначально поучительные жанры: дают косвенную (имплицитную) этическую оценку обсуждаемой ситуации (уважай мужчину, будь мудрой, проявляй терпение в любой ситуации). Это рационально-эвристический тип коммуниканта, привычно опирающегося на здравый смысл как ценностную базу межличностного общения, а оценочные ПТ дают четкое представление об отношении старшей родственницы к сложившейся ситуации: она реализует нарративную стратегию преимущественно фатического общения с установкой на кооперативную коммуникацию. В калмыцкой семье авторитет старших родственников был высок. Детей же традиционно воспитывали на своем примере. Жаловаться было не принято ни при каких обстоятельствах. Показательно, что до сих пор на традиционное приветствие «ямаран бээнэт?» (как живёте?) калмыки, как правило, отвечают «гем уга» / «му биш» (хорошо) и т.п. [11, с. 140]. Об особом «этикете уважения» в калмыцкой семье писал И.А. Житецкий: «Подобным требованиям обычая следуют и все члены семьи, наблюдая во всем старшинство» [10, с. 34]. Вероятно, дидактический характер статусно-неравноправной коммуникации (старшие–младшие) является традиционно общепринятым, а ПТ в данном типе общения можно определить как элементы «ритуализованного дискурса», так называемые «явления речемыслительного стандарта» [12, с. 192]. Безусловно, в современной действительности моральные ценности претерпевают изменения далеко не в лучшую сторону, но наблюдения подтверждают, что в общем «этикет уважения» в калмыцкой среде скорее соблюдается, чем нет.

Коммуникативной целью жанра «осуждение» является отрицательная, негативная оценка объекта (лица, факта, события). Так, в диалоге дается оценка человеку, его неблагоприятным качествам. Информант – женщина 60-ти лет, образование высшее: *Когда учился, так приходил постоянно// Мама его кормила/ обстирывала, когда и ночевал... А сейчас ни слуху ни духу// Как-то видела, мимо прошагал// Да-а...// «мал асрхла – амн тоста, кү асрхла – толһа цуста»//* (Когда воспитываешь скотину – рот в масле, когда воспитываешь человека – голова в крови).

Здесь ПТ – аргумент, выражающий эмоциональное отношение к неблагоприятному человеку, противопоставляемому полезной скотине: структура поговорки представляет собой антитезу и направлена на реализацию коммуникативной цели высказывания.

В этикетном жанре *поздравление* (близком к национальному фольклорному жанру *йорял-благопожелание*) калмыки нередко используют понятие *цаһан хаалһ* (белая дорога). Данный жанр – реакция на событие, и его коммуникативной целью является усиление позитивного эмоционального состояния адресата. Например: *«Я поздравляю тебя с днем рождения... и как у нас говорят, цаһан хаалһ (белой дороги) всегда и во всем»*. Это фразеосочетание в конкретной конституции вербально выражает один из двух базовых концептов калмыцкой лингвокультуры – *дорога* (путь) и *судьба* (жизненный путь). Ценность последней метафоры обоснована культурой «движущегося этноса» [6, с. 50]. Они концептуализируют суть понятия *благополучие* с устремленностью в будущее. В калмыцкой культуре белый цвет сакрален – это олицетворение

счастья, благополучия, чистоты, благородства, честности, добра, почета и высокого положения в обществе [11, с. 201]. Дорога (и в первом, прямом, и во втором, метафорическом, значениях) олицетворяет движение в будущее, в целом «белое», чистое, – без препятствий. В пространстве повседневной коммуникации фразеосочетание *цаһан хаалһ* представлено 1) как самостоятельный этикетный жанр пожелания и 2) как тактика (субжанр) в рамках последнего:

1) *Счастливого пути тебе, белой дороге!!!*;

2) *Поздравляю с новосельем вас, дорогие!!! Поздравляю от души/ мы все долго ждали исполнения этой заветной мечты/ крыша над головой// это же здорово!!! Своя крыша!.. желаем от души белой дороги вам в этом прекрасном доме!/ Цаһан хаалһар йовтн гем-шалтг уга* (идите белой дорогой без болезней и неприятностей) *Пусть дом будет полной чашей/ пусть исполняются все желания...//*

Субжанр *пожелания* довольно часто обнаруживает себя в жанре *болтовни*. На наш взгляд, эта тактика довольно типична для калмыков и может быть реакцией на любое приятное событие в жизни собеседников:

А.: *Какой я у тебя супер просто кошелёк!!!*

Б.: *О! Доча подарила на день рождения/ это «Кочинелли», Италия, кажется//*

А.: *Сян (хорошо)/ үүнэс улм сээниг авч йовхичн олн деедс хээрлжэ йовтха!* (пусть еще лучше этой вещи ты будешь иметь с благословения бурханов)//

Б.: *Ой, байрлжсанав, тигтхэ!* (радуюсь, да будет так)//

Пожелание в подобных случаях можно определить как этикетный РЖ, являющийся реакцией на событие/ситуацию с так называемой футуральной перспективой, как правило, транслируемой глаголом-перформативом *желаем (-ю)*. Предшествующее пожеланию положение дел располагается в сфере адресата и «непосредственно с ним связано» (значимое событие, предстоящая поездка и т.п.). Чаще это субжанр в жанре *поздравления* [6, с. 51].

РЖ *ссора* представляет в вербальных и невербальных формах ситуацию бытового социально-психологического конфликта. Механизм ссоры несложный: отправной точкой, как правило, служит состояние психологического дискомфорта (фрустрация) одного из коммуникантов, возникающее по причине невозможности реализации некой цели [1, с. 259]. Охваченный чувством обиды, раздражением, возмущением и т.п., он ищет разрядку, достигаемую через речевую агрессию, направленную на собеседника. Понятно, что следует ответный выпад и ситуация накаляется. В бытовой ссоре речевая агрессия встречается или в виде субжанра (самостоятельного жанрового образования), или внутрижанровой тактики (сюжетного поворота) в развитии речевой интеракции. Так, реализуя тактику *инвективы* (оскорбления), характерную для кульминации конфликтного общения, инициатор обращается к соответствующей национальной лексике – от зоосравнений до табуированной: 1) *Что тебе повторять бесконечно одно и то же?!/ Все равно не понимаешь или делаешь вид/ или тупой, а? Махлата мал!!!* (букв.: «скотина в шапке», то есть тупица, недалекий, недотёпа); 2) *Ты не мужик, надень юбку!! Ноха кевтэхэр* (как собака) гавкаешь, хуже бабы...//; 3) *Да ты вообще шора* (пыль) *под ногами на самом деле/ только одни понты...//*

Тактика *отсыла* в резкой форме встречается чаще у информантов помоложе, у старшего поколения она может быть не столь агрессивна: 1) *Хватит! Уга бол цааран!!!* (букв.: «уйди прочь»); 2) *Ну все, все/ Уга бол цааран//* (примерно эквивалентно фразе «ну тебя»).

Тактика *грубого прерывания* имеет устойчивые вербальные национальные формы: 1) – *Аман ха!* (закрой рот, заткнись)/ *Дотуры* (внутренности) *застудишь!!!*; 2) – *Бичэ хуцада!* (*груб.*: не гавкай); 3) – *Ду таср!!!* (букв.: «перви голос, замолчи»).

Тактика *возмущения* характерна для фазы начала ссоры, обычно это негативная реакция на действия, поступки собеседника: 1) *Ты вообще что несешь?! Адржанац?!* (с ума сходишь, взбесился); 2) *Тебе неудобно, видите ли???? // Ичлгод!!!* (от *ичх* – стесняться, примерно «ишь, застеснялся!»).

Тактики *упрека, обвинения* близки, но различаются степенью негативной интенции, усиливающейся тактикой *оскорбления*: 1) *Ты как всегда/ очень удобно/ в своем репертуаре, типа не помню, не говорила ... чикн уга толһа* (букв.: «голова без ушей», примерно «в одно ухо влетело, в другое вылетело»); 2) *Я могу сказать тебе,/ что происходит/ ты гемтә* (больной)!/ *Не смей пить!/ Не понимаешь, что эркд оржанац, гад такой!!!!* (в пьянство втягиваешься, становишься пьяницей).

В данных тактиках конфликтной природы усугубление эмоционально-психологического состояния собеседника ожидаемо, прогнозируемо. Имеет место прямая речевая агрессия как результат нескрываемого негативного посыла, выражаемого в том числе и эмоционально-оценочными национальными языковыми единицами (лексемами, фразеологизмами), возможно, воспринимаемыми говорящим как наиболее экспрессивные по сравнению с русским эквивалентом или же просто являющимися этническими маркерами.

Отметим, что приведенные примеры диссонансной фатики также имеют этнокультурологическую специфику: это статусно-равноправное взаимодействие (с женой/ мужем, братом/сестрой и т. п., но не со старшими по возрасту и статусу). Последние более сдержанны в проявлении негативных эмоций, причем с их стороны заметна тенденция изначального и далее неоднократного обращения к тактике *прерывания коммуникативного контакта* при конфликтном общении, особенно со стороны мужчин, например, в ссоре с супругой: – *Болх говорю!* (хватит)...! *Болх, болх!* Не надо ... *айстан* (попусту) всякое болтать...!

Женщины старшего возраста часто прибегают к тактике *семантического молчания*, транслирующей обиду/упрек. Это типично именно для пожилых информантов, воспитывавшихся в строгом соответствии с национальным семейным этикетом. Так, в ойратском литературном памятнике «История Усень Дебесекрту-хана» перечислены пятнадцать признаков высоко нравственной женщины, среди которых есть следующие: «стыдлива, немногословна», «не докучает соседям», «умеет размышлять и хранить тайну», «совершенна в деяниях, помыслах и почитает мужа, как бога» и т.п. [13, с. 5–6]. До сих пор во многих калмыцких семьях актуально ВЫ-общение с главой семьи, прагматика которого представлено в калмыцкой поговорке (*Та гисн таалснала эдл, чи гисн чичснал эдл* – «Вы» звучит как ласка, «ты» – как толчок).

Такое поведение представителей старшего поколения опирается на народные нравственные идеалы, здравый смысл, ответственность за произнесенное слово и действие: буддисты по вероисповеданию, калмыки осознавали кармическую ответственность за мысли, речь и действия. Кроме того, такое поведение поддерживается традиционным семейным этикетом, принципом воспитания на собственном примере подрастающего поколения, что и определило преобладание рационально-эвристической стратегии речевого поведения пожилых калмыков. Отметим, что грубой, нецензурной лексики в их речевом поведении практически нет. В традиционной калмыцком общении (вплоть до революции) табуированная лексика отсутствовала, да и позже любители крепкого словца были далеко не в почете. Калмыки верили в магию слова и считали, что подобная лексика имеет силу проклятья и привлекает несчастья не только к сквернословящему человеку, но и ко всей семье, роду в целом.

В конфликтном же общении молодежи, являющемся статусно-равноправным, превалирует инвективная стратегия (зоонимы, брань): *Молчи, нохан баасн* (собачий помёт)// и т.п. Статусно-неравноправный конфликт, как правило, имеет пассивную форму демонстрации агрессии со стороны младшего (жанр *ссора*, статусно-неравноправное общение (родители (А,Б) – сын (В)):

А: – Где ты был?

В: – ...

А: – Я тебя спрашиваю! На часы смотрел?/ Позвонить нельзя было?//

В: – Разрядился//

В: – Еще бы не разрядился!/ Целый день и полночи гулять!/ Как так можно?//

В: – ...

А: – Так где был?//

В: – Ну все. Больше не буду. Хватит//

В: – И с кем?/ Мы тут переживаем, что случилось// Хоть бы извинился//

В: – Ну все, извините, ладно//

А: – Извините, видите ли!/ Как будто на ногу наступил/ извините ему...//

В: – ... (тактики *молчания* до конца).

Коммуникантом выбраны две тактики – прерывание контакта и трансляция нежелания в него вступать (молчание как проявление неловкости от чувства вины, нежелания погружаться в конфликт). В традиционной калмыцкой семье детей воспитывали в исключительной строгости и духе исключительного почитания старших [10; 13, с. 6, 164–165].

Таким образом, присутствие национального компонента (вербального и невербального) в жанрах повседневной коммуникации, реализуемых калмыками-билингвами, направлено на реализацию коммуникативной цели речевого жанра и усиление интенциональной составляющей речи (воздействие на жизненную ситуацию собеседника, побуждение к правильным действиям, объективная оценка создавшегося положения, актуализация позитивных/негативных эмоций, трансляция национальной этикетной, гендерно обусловленной специфики речевого поведения коммуникантов и т.д.), усиливая прагматику дискурса и создавая его самобытность.

Список литературы

1. Антология речевых жанров / под общей редакцией К.Ф. Седова. – М.: Лабиринт, 2007. – 319 с.
2. Бичеев Б.А. Свадебный обряд как отражение представлений о смерти // VI конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. – СПб: МАЭ РАН, 2005. – С. 184.
3. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – М.: Лабиринт, 2004. – 316 с.
4. Дементьев В.В., Фенина В.В. Когнитивная генристика: внутрикультурные речевые ценности // Жанры речи – 4: Сб. науч. статей. – Саратов: Издательство ГОС УНЦ «Колледж», 2005. – С. 5–34.
5. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. – М.: Знак, 2010. – 594 с.
6. Джушкинова К.А. «Белая дорога как прецедентный знак калмыцкой лингвокультуры» // Вестник калмыцкого института гуманитарных исследований РАН – Элиста, 2013. – С. 48–52
7. Дьякова Л.Н., Стернин И.А. Жанр разговора по душам и русская авторская песня // Жанры речи – 4: Сб. науч. статей. – Саратов: Издательство ГОС УНЦ «Колледж», 2005. – С. 273–292.

8. Есенова Т.С. Русский язык в межкультурном общении. – Элиста: АПП «Джангар», 2005. – 366 с.
9. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Зарубежная лингвистика в 3 т. – М.: Прогресс, 1999. – Т.1. – С. 131–256.
10. Житецкий И.А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884 – 1886 гг. – М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1893. – 75 с.
11. Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии: культура, традиции, символика. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. – 248 с.
12. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000. – С. 191–206.
13. Күүкн эрднь. Девушка-драгоценность (Идеал женщины в калмыцком фольклоре) / авт.-сост. И.О. Дензинова. – Элиста: Изд-во Калмыцкий научный центр РАН, 2020. – 176 с.
14. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. – М.: Флинта–Наука, 2011. – 326 с.
15. Речевое общение в условиях языковой неоднородности / под ред. Л.П. Крысина. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 221 с.
16. Шалина И.В. Коммуникативно-речевая дисгармония: ее причины и виды // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург, 2000. – С. 272–287.
17. Blum-Kulka S., House J., Kaspar G. Cross-cultural pragmatics. – Norwood, 1989.
18. Lazarsfeld P.F. Personal Influence, the Part Played by People in the Flow of Mass Communications / P.F. Lazarsfeld, K. Elihu. – N-Y: Transaction Publishers, 1966. 400p.

В.В. Понарядов¹, В.Н. Мушаев²¹Коми НЦ УрО РАН²Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова**СИНТЕТИЧЕСКОЕ И АНАЛИТИЧЕСКОЕ ПОДЧИНЕНИЕ
В МАМЛЮКСКО-КЫПЧАКСКОМ ВОЕННОМ ТРАКТАТЕ
«МУНЬЯТ АЛ-ГУЗАТ»***Исследование выполнено по внутривузовскому Гранту КалмГУ
«Монгольское и тюркское языкознание: традиции и инновации»*

Статья посвящена изучению синтетических и аналитических средств подчинения в полипредикативных конструкциях в написанном в XIV в. мамлюкско-кыпчакском военном трактате «Муньят ал-гузат». После краткой характеристики данного письменного памятника последовательно рассматриваются различные представленные в нём полипредикативные конструкции, классификация которых проводится по семантике и по способу построения. Выявляется частое синонимическое употребление различных форм. Полученные результаты важны для изучения истории тюркского гипотаксиса и для определения позиции языка исследуемого памятника в кыпчакской подгруппе.

Ключевые слова: мамлюкско-кыпчакский язык, мамлюкско-кыпчакская военная литература, средневековые письменные памятники, «Муньят ал-гузат», полипредикативные конструкции, подчинение, синтез и анализ.

V.V. Ponaryadov¹, V.N. Mushaev²¹Komi Scientific Center of the Russian Academy of Sciences²Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov**SYNTHETIC AND ANALYTICAL SUBORDINATION
IN THE MAMLUK-KIPCHAK MILITARY TREATISE
“MUNYAT AL-ĞUZĀT”**

The article is devoted to the study of synthetic and analytical means of subordination in polypredicative constructions in the Mamluk-Kipchak military treatise “Munyat al-Guzāt” that was written in the XIV century. After a brief description of this written monument, various polypredicative constructions that are present in it are described by order, and classified by semantics and means of composition. The frequent synonymous use of various forms is detected. The results obtained so far are important for study of the history of the Turkic hypotaxis and for determining the position of the language of the monument under consideration in the Kipchak subgroup.

Key words: Mamluk-Kipchak language, Mamluk-Kipchak military literature, medieval written monuments, “Munyat al-Ğuzāt”, polypredicative constructions, subordination, synthesis and analysis.

«Муньят ал-гузат»¹ – военно-технический трактат, написанный в Египте на кыпчакском тюркском языке, по-видимому, в XIV в. и сохранившийся в рукописи середины XV в. Нам уже приходилось уделять ему внимание в общих обзорах мамлюкской тюркской литературы [8, с. 396-397; 9, с. 9–10]. Являясь в средневековой тюркской военной литературе наиболее объемным и содержательным, он содержит главы, посвященные верховой езде, работе копьём, рубке мечом, стрельбе из лука, а

¹Или «Муньяту-л-гузат». Варианты названия отражают разные традиции арабского произношения.

также игре в човган (конное поло). Рукопись этого произведения, имеющая объем 116 листов, хранится сейчас в Стамбуле в библиотеке дворца Топкапы, где зарегистрирована под номером 3468 в отделе Ахмеда III.

Оставшийся неизвестным составитель этого трактата во вступительной части излагает обстоятельства его создания следующим образом. Когда он поступил на службу к начальнику султановой стражи Темур-бегу, Темур-бег сказал: «У нас есть одна арабская книга об оружии. Если ты переведёшь ее на тюркский язык, то тюрки, сражающиеся за веру, получают от этого пользу, а тебе будет вознаграждение». Результатом этой переводческой работы и явился трактат «Мунйат ал-гузат».

Исследователи, изучавшие «Мунйат ал-гузат», высказывали разные мнения о его арабском первоисточнике. По мнению Х. Риттера, Я. Экманна и К. Озтопчу, этот трактат восходит к сочинению арабского автора VIII в. Мухаммеда Ибн Я'куба Ибн Ахи Хизама (в некоторых источниках Хаззама) «Китаб ал-фурусийа ва-л-байтара» [14, с. 319; 18, с. 1; 19, с. 125; 20, с. 10]. Ф.Э. Каратай полагает, что источником послужил другой арабский трактат под названием «Ал-фурусийа фи рамй ал-джихад» [16, с. 619].

По-видимому, первая версия ближе к истине. Проведенное нами сравнение «Мунйат ал-гузат» с «Китаб ал-фурусийа ва-л-байтара» Ибн Ахи Хизама¹, а точнее, с его военной частью, которая часто выступает отдельно под названием «Китаб ал-фурусийа», показало глубокое сходство содержания текстов. В «Мунйат ал-гузат» отличается вводная часть и исключены не имеющие прямого практического значения отрывки, связанные с религией, с отсылками к арабской поэзии и т.п., которыми эрудированный арабский автор счёл нужным разбавить свое произведение. С другой стороны, в двух рукописях «Китаб ал-фурусийа», с которыми мы смогли ознакомиться (Ayasofya Kütüphanesi MSS 2898; Staatsbibliothek zu Berlin MS 5555), отсутствует находящийся в тюркском трактате последний раздел про игру в конное поло, а в первой из них и раздел про стрельбу из лука. Будущие исследования должны показать, попал ли раздел о поло в «Мунйат ал-гузат» из другого источника, или в двух этих рукописях «Китаб ал-фурусийа» он утрачен. Как бы то ни было, в остальном «Мунйат ал-гузат» полностью повторяет схему построения «Китаб ал-фурусийа», рассматривая те же самые темы в том же самом порядке. Всё же сличение текстов позволяет заключить, что «Мунйат ал-гузат» является скорее не переводом «Китаб ал-фурусийа», а весьма точным пересказом содержания этой книги: хотя в «Мунйат ал-гузат», за исключением некоторых сокращений, сохраняются практически все смысловые моменты, использованные языковые средства отходят от арабского источника намного дальше, чем это обычно бывает в переводческой деятельности².

Стиль научно-технических текстов предполагает широкое использование подчинительных конструкций в синтаксисе. Они могут быть аналитическими, как союзные и бессоюзные сложноподчиненные предложения, обычные для индоевропейских и семитских языков, и синтетическими, в которых подчинение осуществляется через постановку глагола зависимой предикации в причастную или иную инфинитивную форму, часто с дополнительным оформлением падежными показателями в соответствии с

---

¹Ибн Ахи Хизам жил в IX в. и был начальником конюшен при аббасидских халифах Ал-Му'тасиме, Ал-Мутаваккиле и Ал-Му'тадиде. Подробнее о нём и его сочинениях см. [12, с. 148-152; 15; 17].

²В немногих случаях в «Мунйат ал-гузат» обнаруживаются смысловые ошибки, которые показывают, что тюркский автор не всегда мог правильно представить техническую реализацию действий, рассматриваемых в исходном арабском тексте. Это, видимо, означает, что он, будучи представителем тюркской письменной культуры, не был тренированным в военном деле мамлюком.

выполняемой синтаксической функцией¹. Последний способ весьма характерен для тюркских и других алтайских языков, хотя аналитическое подчинение во многих из них тоже часто встречается. Иногда конструкция может быть смешанной синтетико-аналитической, когда гипотаксис осуществляется постановкой сказуемого зависимой предикации в инфинитивную форму при одновременном использовании служебных слов, указывающих на подчинение.

Сочетание двух предикаций в составе сложного или осложненного предложения позволяет говорить о полипредикативности. Тема полипредикативности в тюркских языках, начавшая интенсивно разрабатываться в рамках составления описательных грамматик отдельных тюркских языков в середине XX в., в последние десятилетия получила особое развитие в трудах представителей Новосибирской лингвистической школы, которые в основном строили свои исследования на материалах языков, распространенных в Сибири [4; 5; 6; 7; 10; 11]. Новосибирская лингвистическая школа вслед за более ранними исследователями тюркского синтаксиса [1; 2; 3] при изучении подобных конструкций идет от формы к значению, что в случае наличия в языке синонимичных конструкций для выражения определенных значений не дает достаточно ясного представления об их соотношении. В настоящей работе мы предпочитаем вести описание от значения к форме, т.е. последовательно выявлять все морфологические и синтаксические средства, с помощью которых выражаются определённые грамматические значения.

Существование в тюркских языках синтетической и аналитической подчинённой предикации приводит к тому, что синтетические и аналитические конструкции могут оказываться синонимичными, т.е. одно и то же подчинительное значение может выражаться и синтетически, с помощью осложняющего оборота, и аналитически, с помощью придаточного предложения. Однако такая синонимия возможна, разумеется, не всегда: в некоторых случаях грамматические законы языка накладывают на неё ограничение, и определённые значения могут быть переданы или только синтетически, или только аналитически. Независимо от своей синтетической или аналитической природы, подчинённые предикативные единицы могут быть, в зависимости от их соотносимости с различными членами простого предложения, семантически классифицированы по обычной схеме, применяемой для придаточных предложений, которые являются их частным случаем. Таким образом, выделяются следующие семантические типы подчинённой предикации: подлежащая, сказуемая, дополнительная, определительная, сравнительная и различные обстоятельственные – времени (с подвидами одновременности, предшествования, следования и предела), условия, цели, причины, образа действия, меры и степени. Иногда в подчинённой предикации наблюдается семантическая синкретичность, вследствие чего она может одновременно обладать, например, временным и условным значениями, однозначный выбор между которыми не может быть сделан даже в контексте.

На материале трактата «Мунйат ал-гузат» проследим, как употребляются синтетические, синтетико-аналитические и аналитические подчинительные конструкции в зависимости от их синтаксической семантики.

¹ В тюркской лингвистике не достигнуто единства в понимании природы таких подчинительных конструкций. Некоторые исследователи считают их особой разновидностью придаточных предложений, другие – осложняющими оборотами в составе простого предложения, третьи – некими промежуточными образованиями [3, с. 94-98]. Не претендуя на решение этого вопроса, мы, исходя из их более синтетического характера по сравнению с «обычными» придаточными предложениями, используем для них представляющийся нейтральным термин «синтетическая подчинённая предикация». Соответственно для «обычных» придаточных предложений используется термин «аналитическая подчинённая предикация».

Подлежащая подчинённая предикация.

– Синтетическая: *Ammā eyärdü körklüg olturmaqlıq ol turur kim, boyuñni tüz tutup tik olturmaq, hēç egilmägäy taqı kögsin asrı kermäyin, taqı ayaqlarınıñ üzäñüdə uçqaru basqay sän qıyıştura* ‘А красиво сидеть в седле – это держать шею ровно и сидеть прямо, никуда не наклоняясь и не выпячивая грудь чрезмерно, и упираться в стремя частью ступни ближе к носку, разворачивая ноги’; *İllä ançası bar turur kim, eyärniñ ilgürü qaşın sağ eli birlä tutup minmäk mänim qatında yağşıraq turur* ‘Но всё-таки, по моему мнению, лучше *садиться, держась правой рукой за переднюю луку седла*’; *Keräk kim qılıçnı çıqarganıñ çarğanıñ birgä bolğay libāqa birlä* ‘Надо, чтобы *то, как ты вынимаешь меч, и то, как ты рубишь*, было одним движением с ловкостью’.

– Синтетико-аналитическая: Нет примеров.

– Аналитическая: *Pas ma lüm boldı kim uzını qısqađın yağşı ermiş* ‘Таким образом, известно, *что длинные [стремянные ремни] лучше коротких*’; *Birärdä bolur kim duşman ‘alâ-ğafıa kişiniñ üstünä kelür* ‘Бывает вдруг, *что враг нападёт на человека неожиданно*’; *Agar sağ elin art qaşında bolsa, haıf turur kim aţ säkrisä minä bilmägü sän* ‘Если твоя правая рука будет на задней луке, есть опасение, *что ты не сможешь сесть*, если лошадь сорвётся с места’.

Сказуемая подчинённая предикация.

– Синтетическая: *Taqı bilgil kim, fārisliqniñ aşlı yügänni yağşı tutmaq turur, taqı sābit olturmaqlıq turur taqı libāqa turur* ‘И знай, что основа верховой езды – *хорошо держать повод, и сидеть неподвижно, и быть ловким*’.

– Синтетико-аналитическая: *Taqı ekinçi nav ‘da körklüg ol turur kim çavğänni artqaru sala bermäklük turur uzatıp aţniñ sağ qulağı haddindin quyruğindin keçürä qulağına tegirtäyin* ‘И при втором способе красивым является *подавать [меч], замахиваясь клюшкой назад*, вытянув [eç] по линии правого уха лошади, проводя от хвоста, не задевая ухо’.

– Аналитическая: *Ammā vaşıyyat ol turur kim fāris keräk kim niyyatın ihlāş birlä Täñri yolunğa qılğay* ‘Но совет таков, *что всаднику следует осуществлять своё намерение на пути Бога с чистыми помыслами*’.

Дополнительная подчинённая предикация.

– Синтетическая: *Yaydaq aţ minmäklükini ögrängil* ‘Научись *ездить на лошади без седла*’; *Davrni tar qılmaqni taqı tēz qayıtmaqni isti ‘māl qılmaslar illä hājat vaqtında ‘azım birlä* ‘*Делать круг узким и быстро поворачивать* не используют, кроме как решившись [на это] во время нужды’; *Agar aţqa süñü birlä minmäk tiläsän, yügänni sol elinđä eyärniñ qarbusı birlä birgä tuğil* ‘Если захочешь *сесть на лошадь с копьём*, держи повод в левой руке вместе с лукой седла’; *Üküş atgil tā āmāçda atğan kibi atğay sän, ammā saqlangil kim atmağıñni azdırmağay sän* ‘Стреляй много, пока не будешь стрелять так же [хорошо], как стрелял в цель, но остерегайся, чтобы не ухудшить *то, как стреляешь*’.

– Синтетико-аналитическая: Нет примеров.

– Аналитическая: *Sän qaçan tilärsän kim aţğa mingäy sän, aţniñ sol yanına turup, qatçıñni sol elinđä tutup, üzäñügä barābar yä azğına artqaruraraq tutup, mingil* ‘Когда захочешь *сесть на лошадь*, встань с левой стороны от неё, возьми плетёнку в левую руку, держа её на уровне стремени или немного сзади от него, и садись’; *Bilgil süñüniñ hılaları üküş turur* ‘Знай, *что хитростей с копьём много*’.

Определительная подчинённая предикация.

– Синтетическая: *Musulmānliqğa keräk bolğan hunar äyälärini hōş körgüçi* ‘[Он есть] привечающий ремесленников, *которые нужны мусульманской общине*’; *Qaçan tiläsän kim qayıtğay sän, davriñ izindin azğına çıqıl, qayıtıp izinü kirgün miqdärinča*

arqunluq birlä ‘Когда захочешь развернуться, немного выйди за след своего круга, медленно совершая поворот на [такую] меру, **которой можно войти в свой след**’; *Qaçan muhkam qılsañ bu vaşf qılğanlarımniñ jamı ‘isin sänin altıñdin taqı aṭniñ altıñdin, pas aṭiñni eyärlätgil taqı hizämniñni öz elin birlä çekgil* ‘Когда сделаешь крепким всё **то, что я описал**, под собой и под лошадыю, то оседлай лошадь и затяни подпругу своими руками’; *Sünjüniñ ucin aṭniñ sol yañaqına mulşaq qılğil, taqı sol üzäñü üzärä azğına takya qılğil eyäriñdin olturur yeriniñni taqı ayaqlarnı burunğı hālindin aynatmayın, tā yağriniñniñ başı taqı aṭniñ qulaqı taqı sünjüniñniñ uci barçası bir haṭ üzärä bolğay savā* ‘Конец копыя прижми к щеке лошади и немного обопрись на левое стремя, не смещая из седла место, **которым сидишь**, и ноги от прежнего положения, так чтобы край лопатки, ухо лошади и остриё копыя все были ровно на одной линии’.

– Синтетико-аналитическая: Нет примеров.

– Аналитическая: *Maşalda salñanat buldı oşol kim kördi humāy* ‘В сказке нашёл царство тот, **кто увидел птицу Феникс**’; *Qayu kim ersä kim bu fanlarnı yaşşı bilip, haṭat vaqtında ‘amalğa kelürsä, jihān içindä lä-nazır bolğay* ‘**Кто эти науки хорошо узнает и в час нужды претворит в действие**, будет на свете несравненным’; *Üküş kişilärni kördüm kim färisliq da‘vā qılurlar erdi, ‘Arabı aṭ üzä şabit döğül erkän, sünjü oyunağanda aṭdın yüqıldilar* ‘Я видел многих людей, **которые состязались в боевых искусствах**, не обладая твёрдой посадкой на арабской лошади, и при действиях копьём они падали’; *Andin soñra bir eyär algil kim ağaçı qavı bolsun, majlisi keñ bolsun taqı eki qaşı qatığ büyük bolmasun kim aṭ nāğāh säkrigändä alin qaşı kögsini urup ağırtmasun* ‘Затем возьми седло, **у которого ленчик будет прочным, сиденье широким, а две лука не очень большими**, чтобы передняя лука не ударила грудь при неожиданном прыжке лошади’; *Hañr uoq ol aṭda kim zıtrak bolmağay* ‘Нет проку в той лошади, **которая не будет смышлëной**’.

Сравнительная подчинённая предикация.

– Синтетическая: Нет примеров.

– Синтетико-аналитическая: *Qaçan eyärgä minsän, sağ ayağıñni sağ üzäñügä qoyğil, sol ayağıñni qoyğan kibi* ‘Когда сядешь в седло, вставь правую ногу в правое стремя **так же, как вставлял левую ногу**’; *Qaçan bu vaşf qılğanlarım kibi qılmasañ, yüziñ taqı kögsin açılğay* ‘Если не сделаешь **так, как я описал**, твоё лицо и грудь откроются’; *Ya ‘nı ol aṭ üzä sançışgil kim ol aṭ sänin tilägüniñ kibi qılınğay* ‘То есть сражайся на той лошади, которая лошадь будет выезжена **так, как ты хочешь**’; *Andin soñra andin yıraq ketip anı sağıña alıp aṭiñni qatığ çarğil oq atmağa çarpar kibi* ‘После этого отойди от него далеко, возьми его со своей правой стороны и быстро погони лошадь **так, как скачешь, чтобы стрелять из лука**’.

– Аналитическая: *Pas andin soñra aṭiñni söksüklämäklikkä qaytarğil mahmizniñ işaratı birlä neçük kim vaşf qıldım* ‘Итак, после этого подними свою лошадь, чтобы шла рысью, дав знак шпорами, **как я объяснял**’; *Qaçan tiläsän kim sağıña taşdıd qılğay sän, sağ elin birlä sünjü birlä yügänni birgä tutğil neçük kim sol elin birlä tuttuñ erdi* ‘Если захочешь нанести удар направо, правой рукой держи копьё с поводьями **так же, как держал левой рукой**’.

Обстоятельственная подчинённая предикация со значением времени, выражающая одновременность.

– Синтетическая: *Taqı aṭ säkrigändä eyärniñ art qaşı sinmaqđin imin bolmas* ‘И может сломаться задняя лука, **когда лошадь прыгает**’; *Taqı topni sürüp urğanda däimä üzäñüniñ yä hizämniñ barabarindin urğay* ‘И **когда будет знать и бить мяч**, всегда будет бить на уровне стремени или подпруги’.

– Синтетико-аналитическая: Нет примеров.

– Аналитическая: *Üküš kišilärni kördüm kim fārisliq da 'vā qılurlar erdi, 'arabī aq üzä şābit döğül erkän, süñü onagağanda aqđın yüqıldilar* ‘Я видел многих людей, которые состязались в боевых искусствах, не обладая твердой посадкой на арабской лошади, и когда действовали копьём, они падали’; *Süñüñni minär erkän aqıñniñ sağrısı üstündin sağ yanıña aylandurgıl, taqı sol qoluña alıp yügän birlä birgä tutğil* ‘Копьё, **когда садишься**, поверни над крупом лошади на правую сторону и, взяв левой рукой, зажми вместе с поводом’; *Taqı keräk kim yügänni minär çağda sağ yanındın biräzginä qısartğay sän kim üzäñü aqđın yırağ bolmağay* ‘И нужно во время, **когда садишься**, немного укоротить повод с правой стороны, чтобы стремя не оказалось далеко из-за лошади’.

Обстоятельственная подчинённая предикация со значением времени, выражающая предшествование.

– Синтетическая: Нет примеров.

– Синтетико-аналитическая: *Taqı tamām mingändin soñra yügänni tutup aq başın köndärgil* ‘И **после того, как ты полностью сядешь**, возьми повод и выровняй голову лошади’; *Ökçäñni aşağaraq tutup, taqı ayaqlarıñni üzäñüdä ihtiyā etgil kim başğandın soñra tepränmägäy* ‘Держи пятку ниже, и проверь ноги в стремянах, чтобы они не двигались **после того, как упрутся**’.

– Аналитическая: *Čün bu za'ıf qul ol maliklär mañlayı, Hāşakılär Hāşiniñ hizmatıñğa yetti ersü, bu za'ıf qulni anvā '-i talañtuf birlä hōš taptı* ‘**Когда этот ничтожный раб поступил на службу к начальнику султановой стражи, первому среди правителей**, тот облагодетельствовал ничтожного раба различными милостями’; *Qaçan eyärgü minsän, sağ ayağıñni sağ üzäñügä qoyğıl, sol ayağıñni qoyğan kibi* ‘**Когда сядешь в седло**, вставь правую ногу в правое стремя так же, как вставлял левую ногу’; *Qaçan muħkam qılsañ bu vaşf qılğanlarimniñ jamı'isin säniñ altıñdın taqı aqıñ altıñdın, pas aqıñni eyärlätgil taqı hizmatıñni öz elin birlä çekgil* ‘**Когда сделаешь крепким** всё то, что я описал, под собой и под лошадь, **то** оседлай лошадь и затяни подпругу своими руками’.

Обстоятельственная подчинённая предикация со значением времени, выражающая следование.

– Синтетическая: Нет примеров.

– Синтетико-аналитическая: *Agar tiläsän kim eyärgü olturmasdın burun tüzätgil kim, fārislär munteg taqı qılmişlar turur, ammā mänim qatımda ol mustahsan töğül* ‘Если хочешь поправить **прежде, чем сесть в седло**, всадники так тоже делают, но, по моему мнению, это нежелательно’.

– Аналитическая: Нет примеров.

Обстоятельственная подчинённая предикация со значением времени, выражающая предел.

– Синтетическая: *Mustahsan bu turur kim yügänni tutğay sän eyär birlä minip aqça eyärdä mustaqırr bolğınča* ‘Лучше держаться за поводья с седлом, **пока не сядешь на лошадь и не утвердишься в седле**’.

– Синтетико-аналитическая: *Ammā qaçan gařım säniñ süñüñni tutsa, qoya bermägil, tā bişuqına kelmäyincä* ‘Но если враг схватит твоё копьё, не отдавай, **пока он не дойдёт до его середины**’.

– Аналитическая: *Üküš atğil tā amāçda atğan kibi atğay sän, ammā saqlangıl kim atmağıñni azdırmağay sän* ‘Стреляй много, пока не будешь стрелять **так же [хорошо], как стрелял в цель**, но остерегайся, чтобы не ухудшить то, как стреляешь’.

Обстоятельственная подчинённая предикация со значением условия¹.

¹Во всех случаях здесь выражается реальное условие. Примеров для нереального условия в исследуемом письменном памятнике не засвидетельствовано.

– Синтетическая: Нет примеров.

– Синтетико-аналитическая: Нет примеров.

– Аналитическая: *Agar 'uryān mīnmākni s̄ābit qīlmīš bolsay ol vaqtda minip, fārisliq 'amallari birlā Tānriğa s̄iğiniṗ, dušmanni radd qīlursin 'Если ты твёрдо усвоил, как ездить на неосёдланной лошади, в то время сядешь верхом и, полагаясь вместе со своим знанием боевых искусств на Бога, отразишь врага'; Agar aṗiñni eyārlig tapsay, hizāmīñni ihtiyāt qīlup mingil kim eyār ağmaqđin imin bolğay 'Если находишь свою лошадь осёдланной, садись [на неё], проверив подпругу, чтобы седло не могло съехать'; Agar aṗniñ yalı bolmasa, eyārniñ ilgärü qaşin içindin tutğil 'Если у лошади нет гривы, держи с внутренней стороны передней луки седла'; Agar aṗ tezğinsä, üzäñü saña yaqin kelğay 'Если лошадь повернётся, стремя приблизится к тебе'; Qaçan bu vaş qılğanlarim kibi qılmasay, yüziñ taqı kögsin açılğay 'Если не сделаешь так, как я описал, твоё лицо и грудь откроются'.*

Обстоятельственная подчинённая предикация с синкретическим значением времени и условия.

– Синтетическая: *Taqi aṗni söksüklügändü dāim ezār içindä qalaqda bolğay 'И когда/если он пустит лошадь рысью, будет постоянно болтаться в седле'; Taqi aṗ säkrigändü yiqılmaqđin imin bolmağay 'А когда/если лошадь прыгнет, он не будет в безопасности от падения'.*

– Синтетико-аналитическая: Нет примеров.

– Аналитическая: *Sän qačan tilärsäñ kim aṗğa mingäy sän, aṗniñ sol yanına turup, qatçıñni sol elinđä tutup, üzäñügä barābar yā azğina artıqaruraq tutup, mingil 'Когда/если ты захочешь сесть на лошадь, встань с левой стороны от неё, возьми плетъ в левую руку, держа её на уровне стремени или немного сзади от него, и садись'; Qaçan tiläsäñ kim sağıña taşdıd qılğay sän, sağ elin birlä süñü birlä yügänni birgä tutğil neçük kim sol elin birlä tuttuñ erdi 'Когда/если захочешь нанести удар направо, правой рукой держи копьё с поводьями так же, как держал левой рукой'.*

Обстоятельственная подчинённая предикация со значением цели.

– Синтетическая: *Pas andin soñra aṗiñni söksüklämäklikkä qaytarğil mahmizniñ işarati birlä neçük kim vaş qıldim 'Итак, после этого подними свою лошадь, чтобы шла рысью, дав знак шпорами, как я объяснял'; Andin soñra andin yıraq ketip anı sağıña alıp aṗiñni qatığ çarğıl oq atmağa çarpar kibi 'После этого отойди от него далеко, возьми его со своей правой стороны и быстро погони лошадь так, как скачешь, чтобы стрелять из лука'.*

– Синтетико-аналитическая: Нет примеров.

– Аналитическая: *Taqi keräk kim yügänni minär çaqda sağ yanindin biräzginä qışqartğay sän kim üzäñü aṗdin yıraq bolmağay 'И нужно во время, когда садишься, немного укоротить повод с правой стороны, чтобы стремя не оказалось далеко из-за лошади'; Süñüniñ ucin aṗniñ sol yanağına muşaq qılğil, taqi sol üzäñü üzärä azğina takya qılğil eyärinđin oturur yeriniñni taqi ayaqlarnı burunğı hālındin aynatmayın, tā yağriniñniñ başı taqi aṗniñ qulağı taqi süñüniñniñ uçı barçası bir haṗ üzärü bolğay savā 'Конец копыя прижми к щеке лошади и немного обопрись на левое стремя, не смещая в седле место, которым сидишь, и ноги от прежнего положения, так чтобы край лопатки, ухо лошади и остриё копыя все были ровно на одной линии'; Taqi saqlanğil munda 'alam yüziñä aṗ yüziñä çulğaşmasun kim yel anı birärdä alay qılur 'И остерегайся здесь, чтобы флаг не намотался на лицо тебе или на морду лошади, потому что ветер иногда так делает'; Bilğil süñüniñ hılalari üküş turur, valakin biz bu kitābda zıkr qılmaqlıqni karıh*

kördük, tã kitãb uzanmasun tep, kiři erikmäsün tep ‘Знай, что хитростей с копьём много, но мы сочли лишним отмечать [их] в этой книге, **чтобы книга не затянулась и человек не заскучал**’.

Обстоятельная подчинённая предикация со значением причины.

– Синтетическая: *Agar bu řarıqa urup ura bilmäsä, ařinij qatig yügürmäkindin bolgay, yãhöz řopı maydännij bir yanına tüšmäkdin bolgay kim anı bu řıfat üzärä urnaqlıqqa čära tapmağay* ‘Если, ударяя этим способом, не сможет ударить, это бывает **от того, что лошадь слишком быстро бежит, или что мяч улетел на край поля**, так что ударить по этому способу возможности не найдёт’.

– Синтетико-аналитическая: *Taqı řarıslar alay buyurup tururlar kim ğarimniñ elindin süñüsin ala körgil tep, ammã män anı üküř vaqtlarda karıř körär män, anij birlä mařğul bolğay üčün* ‘И всадники говорят: «Попробуй выхватить копьё из руки врага», но я в большинстве случаев считаю это неудачным, **потому что будешь этим занят**’.

– Аналитическая: *İllã ančası bar turur kim, eyärniñ ilgärü qařın sağ eli birlä tutup minmäk mänim qatımda yařřırağ turur, anij üčün kim agar ař minär erkän säkrisä, taqı sağ elin ilgärü qařında bolsa, minmäk sändin qurtulmas* ‘Но всё-таки, по моему мнению, лучше садиться, держась правой рукой за переднюю луку седла, **потому что** если лошадь во время посадки сорвётся с места, и твоя правая рука будет на передней луке, **неудачи с посадкой у тебя не случится**’; *Taqı saqlangil munda ‘alam yüziñä ař yüzinä čulğaşmasun kim yel anı birärdä alay qıur* ‘И остерегайся здесь, чтобы флаг не намотался на лицо тебе или на морду лошади, **потому что ветер неожиданно так делаем**’; *Taqı arqağ birlä eginläriñni anij kibi tüz tutğil kim Täñri ta‘älã säni yaratdı tüptüz* ‘И также держи свою спину и плечи прямо, **потому что Бог Всевышний тебя сотворил совершенно прямым**’.

Обстоятельная подчинённая предикация со значением образа действия.

– Синтетическая: Нет примеров.

– Синтетико-аналитическая: *Bu iři üküř minmäk birlä řabit qılğil kim, yařři ‘amallardın birisi taqı bu turur kim, üküř řarıslar bu iřni bilmäslar* ‘Научись этому **через то, что много едшишь**, потому что таково одно из важных умений, которого многие всадники не знают’.

– Аналитическая: Нет примеров.

Обстоятельная подчинённая предикация со значением меры и степени.

– Синтетическая: *Taqı bir muddat beğlar tapığında eli tegdükkä ol kitãbgã mařğul boldi* ‘И в течение некоторого времени, **насколько позволяла служба господам**, занимался этой книгой’; *Küči yetgänčä körklü tartıb beri, altı fan üzärä tařır qıldı* ‘**Насколько хватило сил**, придал ей красивый порядок, составив по шести наукам’.

– Синтетико-аналитическая: *Arqurı tutğandın soñra, süñü ‘amallarına bařlağil imkãniñ yetgän qadarınča* ‘После того как ты взял [копьё] наперевес, начни копейные упражнения, **насколько у тебя хватит возможности**’.

– Аналитическая: *Agar tiläsän kim bular üzärä arturğay sän, ne qadar köñlüñ tiläsä anča arturğil* ‘Если хочешь увеличить [количество стрел] больше этого, **насколько твоя душа захочет**, настолько увеличь’.

В таблицу 1 сведены морфологические и синтаксические средства, используемые в рассмотренных подчинительных предикативных конструкциях разных типов. Для экономии места в таблице все суффиксы с сингармонически вариативным вокализмом даются в виде нормализованных заднерядных алломорфов; их переднерядные алломорфы не приводятся. Если в составе синтетических форм присутствуют лично-притяжательные аффиксы, они даются только в форме 3 л. ед.ч.

Таблица 1

Типы подчиненной предикации	Синтетические средства	Синтетико-аналитические средства	Аналитические средства	
Подлежащая	<i>...-maqlıq, ...-maq, ...-ğanı</i>	–	<i>kim ...-ğay, kim ...-r, kim ... ermiş</i>	
Сказуемая	<i>...-maqlıq turur</i>	<i>kim ...-maqlıq turur</i>	<i>kim ...-ğay</i>	
Дополнительная	<i>...-maqlıqñı, ...-maqlıqıñı, ...-maqñı, ...-maqıñı, ...-mağıñı, ...-maq</i>	–	<i>kim ...-ğay, ... turur</i>	
Определительная	<i>...-ğan, ...-r</i>	–	<i>kim ...-dī, kim ...-r, kim ...-sa, kim ...-sun</i>	
Сравнительная	–	<i>...-ğan kibi, ...-ğanı kibi, ...-r kibi</i>	<i>neçük kim ...-dī</i>	
Обстоятельственные	времени (одновременность)	<i>...-ğanda</i>	–	<i>... erkän, ...-r erkän, –r çaqta</i>
	времени (предшествование)	–	<i>...-ğandın soñra</i>	<i>qaçan ...-sa, qaçan ...-sa pas, çun ...-sa</i>
	времени (следование)	–	<i>...-masdın burun</i>	–
	времени (предел)	<i>...-ğınça</i>	<i>tā ...-ğınça, tā ...-mayınça</i>	<i>tā ...-ğay</i>
	условия	–	–	<i>agar ...-sa, qaçan ...-sa, ne yerdä kim ...-sa</i>
	цели	<i>...-maqlıqqa, ...-mağa</i>	–	<i>kim ...-ğay, ...-sun, kim ...-sun, tā ...-sun, tā ...-sun tep</i>
	причины	<i>...-maqlıqdın, ...-maqlıqındın</i>	<i>...-ğay üçün</i>	<i>anıñ üçün kim ...-r, anıñ üçün kim ...-mas, anıñ üçün kim ...-dī,</i>
	образа действия	–	<i>...-maq birlä</i>	–
	меры и степени	<i>...-ğança, ...-duqça</i>	<i>...-ğan qadarınça</i>	<i>ne qadar ...-sa</i>

Как видим, во многих случаях синтетические, синтетико-аналитические и аналитические подчинительные конструкции употребляются синонимично, допуская при передаче одного и того же значения большую вариативность. Исконными для тюркских языков являются синтетические и синтетико-аналитические средства выражения подчиненной предикации; аналитические средства развиваются в них позднее под влиянием иносистемных языков – в средневековую эпоху главным образом

персидского и арабского. Результаты исследования показывают, что в языке мамлюкско-кыпчакского трактата «Мунйат ал-гузат» старые синтетические и синтетико-аналитические средства полностью сохраняются, и в то же время новые аналитические тоже получили широкое распространение. Сопоставление их реализации с реализацией в других тюркских языках должно иметь большое значение как для изучения путей развития синтаксического гипотаксиса в истории тюркской лингвистической общности, так и для выяснения позиции языка «Мунйат ал-гузат» в кыпчакской подгруппе.

Список литературы

1. Баскаков Н.А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. – М.: Наука, 1975.
2. Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. – М.: Наука, 1973.
3. Гаджиева Н.З., Серебренников Б.А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис. – М.: Наука, 1986.
4. Зыкин А.В. Модели полипредикативных конструкций изъянительного типа в шорском языке // Вестник Башкирского университета. – 2007. – Т. 12. – № 4. – С. 75–80.
5. Зыкин А.В. Полипредикативные конструкции актантного типа в шорском языке. Дис. ... канд. филол. наук. – Новокузнецк, 2008.
6. Зыкин А.В. К вопросу о выравнивании парадигмы в модус-диктумных полипредикативных конструкциях с коннектором-аккузативом в шорском языке // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2013. – № 1. – Т. 1. Серия филология. – С. 118-124.
7. Невская И.А. Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Дис. ... д-ра филол. наук. – Новосибирск, 1997.
8. Понарядов В.В. Мамлюкско-тюркская военно-техническая литература // Материалы II Форума гуманитарных наук «Великая степь» (Астана, 26 мая 2017 г.). Т. II. – Астана: «Ғылым» баспасы, 2017. – С. 395–400.
9. Понарядов В.В. Средневековые письменные памятники тюркских и монгольских языков и актуальность сравнительного изучения их лингвистических особенностей // Сравнительно-типологические исследования на материале монгольских и тюркских языков. – Элиста: Издательство Калмыцкого университета, 2021. – С. 6–15.
10. Шамина Л.А. Полипредикативные синтетические предложения в тувинском языке. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.
11. Шамина Л.А. Система бипредикативных конструкций с инфинитными формами глагола в тюркских языках Южной Сибири. Дис. ... д-ра филол. наук. – Новосибирск, 2004.
12. Al-Sarraf, Shibab. Mamluk Furūshyah Literature and its Antecedents // Mamlūk Studies Review, VIII (1). – Chicago, 2004. – P. 141–200.
13. Cunbur M. Münyetü'l-guzat (Tıpkıbasım). – Ankara, 1967.
14. Eckmann J. The Mamluk-Kipchak literature // Central Asiatic Journal, Vol. 8, 1963, № 4. – P. 304-319.
15. Erk N. Dokuzuncu yüzyıla ait “Kitab al-hayl val-baytara” üzerinde bir inçese me // Ankara Üniversitesi Veterinerlik Fakültesi Dergisi, 8 (4), 1962. – S. 367-386.
16. Karatay F.E. Topkapı Saray Müzesi Kütüphanesi Katalogu. I. – İstanbul, 1961.
17. Nicolle D., Al-Sarraf Sh. Ibn Akhi Hizam, Muhammad Ibn Ya'qub al-Khuttali // Philosophers of War: The Evolution of History's Greatest Military Thinkers / Edited by D. Coetzee and L.W. Eysturlid. – Santa Barbara, 2013. – P. 59-65.

18. Öztopçu K. *Munyatü'l-Ghuzāt. A 14th-Century Mamluk-Kipchak Military Treatise* (Sources of Oriental Languages & Literatures 13). – Cambridge, Mass, 1989.

19. Ritter H. *La Parure des Cavaliers und die Literatur über die ritterlichen Künste // Der Islam.* – Berlin; Leipzig, 1939.

20. Uğurlu M. *Münyetü'l-Ğuzāt.* – Ankara, 1987.

R.R. Serdalieva

Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ЛИДЕР МНЕНИЯ» В СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Определяется понятие «лидер мнения» в сетевой коммуникации. Для лидеров мнения присущи такие признаки, как «знания и опыт в определенной сфере», «активность в социальных сетях и блогах», «аудитория», «репутация лидера мнения» и «стремление улучшить и развить свое влияние». Следует различать разные методы идентификации личности лидера мнения (социометрический метод, метод наблюдения, метод анализа социальных сетей и метод экспертной оценки). Лидеры мнения в сетевой коммуникации выполняют ряд функций и задач. Представляет интерес изучение лидеров, свободных и несвободных в высказывании своего мнения, локальных и космополитических, полиморфных и мономорфных. Показано, что эффективное использование лидеров мнения в социальных сетях способно предоставить возможность достижения поставленных целей в сферах лингвистики, политики, экономики и маркетинга.

Ключевые слова: лидер мнения, сетевая коммуникация, идентификация лидера мнения, социальный контент, общественное мнение, обратная связь.

R.R. Serdalieva

Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

ON THE DEFINITION OF THE CONCEPT OF “OPINION LEADER” IN NETWORK COMMUNICATION

The article deals with the concept of “opinion leader” in network communication. Opinion leaders are characterized by such features as knowledge and experience in a certain field, activity in social networks and blogs, audience, reputation as an opinion leader and the desire to improve and develop their influence. It is necessary to distinguish between different methods of identification of the opinion leader’s personality (sociometric method, observation method, social network analysis method and expert assessment method). Opinion leaders in network communication perform a number of functions and tasks. It is necessary to study the leaders that are free or not free to express their opinions (local, cosmopolitan, polymorphic and monomorphic opinion leaders). The effective use of opinion leaders in social networks can provide an opportunity to achieve goals in the fields of linguistics, politics, economics and marketing.

Key words: opinion leader, network communication, identification of opinion leader, social content, public opinion, feedback.

В современном мире становятся привлекательными для познания и изучения личности людей, способных оказывать влияние на массы людей последователей – фолловеров (followers), фанатов и просто тех, кого заинтересовали слова и высказывания таких людей. В английской культуре их называют лидерами мнений (opinion leaders). Обладая огромным потенциалом и авторитетом, такие люди делятся мнениями, воспринимающимися на веру и порой без особого критического чувства выражения своего собственного мнения и суждения по определенному вопросу.

Ведение и установление коммуникации с теми, кто разделяет мнение, является частью становления лидеров мнения и приобретения последними определенного статуса.

Данный процесс напоминает четкую структуру, в которой именно коммуникация оживляет процесс обмена информацией и отклика, в особенности в сетевой коммуникации в виде комментариев к высказыванию. Так возникает обратная связь в виде реакции последователей, фанатов или случайных слушателей на сообщение.

Как исторически сложилось, выделяются три компонента в коммуникации (по Аристотелю): оратор, речь и аудитория [1]. Следует согласиться с Э.В. Ротом, что «все три составляющие коммуникации Аристотеля присутствуют во всех описанных моделях коммуникации современности» [13]. Речь может быть как письменная, так и устная. Письменная речь представляется в виде сообщений разного размера тематических высказываний, которые могут быть аргументированы и подкреплены яркими примерами из авторитетного опыта лидера мнения. С развитием информационных технологий произошла одновременно и адаптация уже определенных моделей коммуникации к изменяющимся реалиям. От написанных и напечатанных на бумаге страниц выражение мнения прошло цифровизацию в сетевом пространстве. Ю.В. Береснева представляет коммуникацию как «информационное взаимодействие и обмен между людьми информацией, обеспечивающей их общение» [2].

В 1948 году в своей работе «Структура и функции коммуникации в обществе» Г. Лассуэлл, проанализировав взаимосвязь между массовой коммуникацией и эффективностью пропагандистского эффекта, выделил 5 компонентов процесса коммуникации. Они включали вопросы – кто говорит? (коммуникатор) – что сообщает? (сообщение) – кому? (реципиент) – по какому каналу? (канал) и с каким эффектом? (эффект) [16]. Интерес представляет сам коммуникатор как человек, передающий информацию. Анализ характеристик коммуникатора (как лидера мнения), факторов, способствующих улучшению восприятия и взаимодействия коммуникатора с реципиентами (последователями, подписчиками). Впоследствии была развита «теория многоступенчатой коммуникации» американским ученым У. Шраммом, который утверждал, что функционирование каналов массовой коммуникации проходит параллельно с общением между лидерами мнения, оказывающими авторитетное влияние на общество [15, с. 7]. Теорией «лидеров мнений» заинтересовались также отечественные ученые (М.К. Горшков [8], М.Ю. Загородняя [9] и другие).

Лидер мнения в сетевой коммуникации – это человек, который обладает значительным влиянием на свою аудиторию в социальных сетях или на других онлайн-платформах. Он может иметь большое количество подписчиков, комментариев, лайков и репостов, а также уметь эффективно использовать свою популярность для распространения информации или мнений. Лидер мнения может быть блогером, журналистом, экспертом в определенной области или просто человеком, который имеет свое мнение и готов делиться им с другими.

Теория лидеров мнения возникла в начале XX века в работах американского социолога Р. Макливерна. Он исследовал механизмы формирования общественного мнения и пришел к выводу, что важную роль в этом процессе играют лидеры мнения – люди, которые благодаря своему авторитету и влиянию на окружающих могут оказывать значительное воздействие на формирование общественных представлений. В дальнейшем теория лидеров мнения была развита и дополнена другими учеными, включая Э. Канмана, П. Лазарфельда, Р. Дальтона, Р. К. Мертона и других. Они выделили различные типы лидеров мнения, описали механизмы их воздействия на общественное мнение и разработали методы исследования этого явления. Сегодня теория лидеров мнения широко применяется в политической и социальной практике. Ее принципы

используются при проведении кампаний по формированию общественных представлений, при разработке стратегий в области маркетинга и рекламы, а также при анализе и прогнозировании социальных процессов и тенденций.

В опубликованной в 1955 г. книге П. Лазарсфельд и Э. Катц указали, что лидеры мнения существуют на всех уровнях общества и во всех демографических группах, из чего следует, что различаются они определенными чертами и характеристиками: активной жизненной позицией, разветвлённой сетью социальных контактов, стремлением распространять полезную информацию, уверенностью при формировании тренда и вовлечённостью в процесс решения проблем [17]. Так, Р. Мертон различал локальных и космополитических лидеров [12, с. 568], хотя в условиях современной глобализации требуется пересмотр сфер влияния лидеров мнения, разводя также такие виды, как мономорфные и полиморфные. Отличием данных видов лидеров мнения является именно сфера их влияния. Мономорфные лидеры являются специалистами в узких сферах в рамках своей определенной профессиональной компетенции. В свою очередь, полиморфные лидеры мнения оказывают влияние на общественность в разных сферах принятия решений и выражения мнений, используя свои межличностные связи и контакты, занимаясь разнообразными видами деятельности.

Интерес стала представлять языковая личность лидера мнения. С.Г. Тер-Минасова [14, с. 32], Г.И. Богин [4 с. 32] и Ю.Н. Караулов [11, с. 32], Е.Н. Галичкина [6, с. 26] рассматривают языковую личность через призму многоаспектность и многослойность парадигмы личностей.

Обладая высокой экспертизой и авторитетом в определенной области, лидер мнения посредством сетевой коммуникации способен влиять на мнение других пользователей. Он может выступать как инициатором, так и реципиентом сообщений, обладает большим количеством подписчиков и активных участников, которые следуют за его мнением и рекомендациями. Так, основными признаками лидера мнения следует считать знания и опыт в определенной области, которые помогают выстраивать свою экспертизу и убеждать других в правильности своих рекомендаций. Одним из примеров лидеров мнения, который делился своими знаниями и опытом в области бизнеса и предпринимательства, был Стив Джобс, основатель компании Apple. Он стремился к инновациям и качественным продуктам, а его идеи и подходы вдохновили многих предпринимателей. Еще одним примером лидера мнения может быть Илон Маск, основатель SpaceX и Tesla Motors. Он является экспертом в области электромобилей и космических технологий. Его видение будущего в этих областях привлекает внимание многих людей. Также можно упомянуть Билла Гейтса, основателя Microsoft, который стал одним из ведущих экспертов в области информационных технологий и филантропии.

Следующим признаком лидера мнения следует считать активность в социальных сетях и блогах, т.е. регулярное опубликование контента (статей, видео, фото), комментирование и общение с другими пользователями. Так, среди российских лидеров мнения, которые активны в социальных сетях и блогах, выделяются: Антон Носик (писатель, журналист и общественный деятель, активно выражающий свои взгляды в социальных сетях и блогах), Алексей Навальный (российский оппозиционный политик и активист, который использует социальные сети и блоги для распространения своих идей), Екатерина Шульман (российский политический аналитик и общественный деятель, которая часто выступает в качестве эксперта в телевизионных программах и использует социальные сети для обмена мнениями и информацией) и другие. Среди зарубежных лидеров мнения следует отметить Дональда Трампа (бывшего президента США), Джастина Трюдо (премьер-министра Канады, активно использующего социальные сети, чтобы поддерживать свою кампанию и общаться с избирателями),

---

Ангелу Меркель (бывшего канцлера Германии), Эммануэля Макрона (президента Франции, который также использует социальные сети, чтобы обмениваться мнениями и идеями с населением).

Немаловажными являются такие признаки, как сама аудитория, репутация лидера мнения и стремление улучшить и развить свое влияние. Аудитория, состоящая из активных и заинтересованных пользователей, следит за активностью и рекомендациями лидера мнения. Например, аудитория Нарендры Модии (премьер-министра Индии) составляет миллионы подписчиков. Репутация формируется на основе качественного контента, честности и надежности. За это лидер мнения получает доверие и уважение своей аудитории. А стремление к улучшению и развитию своего влияния помогает ему оставаться актуальным и интересным для своей аудитории.

Возникает интерес в идентификации лидера мнения. Различаются методы идентификации личности лидера (социометрический метод, метод наблюдения, метод анализа социальных сетей и метод экспертной оценки) [3, с. 3–6]. Так, метод социометрии заключается в опросе группы людей и выяснении, кто из них наиболее влиятельный и авторитетный. Этот метод позволяет выявить лидеров мнения и их влияние на группу. Метод наблюдения позволяет выяснить, кто из пользователей социальных сетей наиболее активен в общении, кто чаще высказывает свое мнение и насколько его мнение влияет на других. В свою очередь, метод анализа социальных сетей позволяет выяснить, кто является центром общения в сетях, кто наиболее влиятельный и кому доверяют другие пользователи по количеству и характеру оценки высказываний. С помощью метода экспертной оценки можно выяснить мнение экспертов о том, кто является лидером мнения.

Одним из эффективных методов идентификации лидера мнения в сетевой коммуникации является метод анализа социальных сетей. При этом методе изучаются связи между пользователями, частота их общения, темы обсуждений и репутация каждого участника. Другим распространённым методом является анализ контента. При этом изучаются тексты сообщений, комментарии и отзывы пользователей, а также их реакции на них [5, 7]. Это позволяет выделить наиболее влиятельных пользователей, чьи мнения оказывают наибольшее влияние на других участников сети.

Следует отметить, что инструменты идентификации лидера мнения включают в себя различные программы и сервисы для анализа социальных сетей и контента. Среди наиболее популярных компаний по разработке пакетов социальных сетей, предоставляющих сведения по анализу потребителей и управлению социальными сетями, такие как Brandwatch, Hootsuite, Talkwalker и другие. Они позволяют автоматизировать процесс анализа и выделить наиболее важных и влиятельных участников сети. Таким образом, такие инструменты не только идентифицируют лидера мнения, но и способствуют его продвижению в социальных сетях:

Brandwatch helped me to quickly identify and understand my brand's target audience within minutes. It's a powerful source of real-time insight (Linda Hoebings, Data scientist, Unilever People Data Centre).

Лидер мнения в сетевой коммуникации выполняет ряд функций и задач. Для лидера мнения характерно влияние на мнение аудитории. Лидер мнения имеет большой авторитет среди своих подписчиков и может влиять на их мнение и поведение. Примером лидера мнения, влияющего на мнение аудитории, может быть известный блогер или видеоблогер с большим количеством подписчиков, который регулярно публикует контент на интересующие его темы. Также это может быть известный политик, спортсмен, актер или другой общественный деятель, чье мнение имеет большой вес

для многих людей. Зарубежным лидером мнения считается Мишель Обама. Она является знаменитой защитницей прав женщин и детей, а также борется за образование и здоровье. Обама имеет широкую аудиторию и большое количество последователей, которые могут быть заинтересованы в решении проблем. Ее авторитет и голос могут убедить больше людей присоединиться к борьбе за лучшую жизнь для всех.

Также лидер мнения может быстро распространять интересную и полезную информацию в своих социальных сетях, блогах или форумах. Это может быть блогер или влиятельный пользователь социальных медиа, имеющий большое количество подписчиков. Одним из примеров влиятельных зарубежных пользователей социальных медиа является Ким Кардашьян. Ее аккаунты в социальных сетях имеют миллионы подписчиков, и она использует свою популярность для продвижения своих брендов и продуктов. Она также активно занимается благотворительностью и использует свое влияние, чтобы привлечь внимание к социальным проблемам.

Лидер мнения может помочь установить контакты между людьми, которые имеют общие интересы или профессиональные цели. Организуя встречи и мероприятия, такой лидер дает советы по установлению контактов, направляет людей на нужные ресурсы и помогает расширять свой круг общения. Лидер мнения может помочь повысить узнаваемость бренда, если он пишет положительные отзывы о товарах или услугах. Одним из примеров лидера мнения, который пишет положительные отзывы о товарах и услугах, является блогер и инфлюэнсер Анна Литвинова. Она известна своими обзорами и рекомендациями по красоте, моде, здоровому образу жизни и путешествиям. Ее отзывы о продуктах и услугах часто влияют на выбор покупателей. Среди зарубежных лидеров мнения следует выделить Брайана Дина. Он является известным блогером и экспертом в области технологий, а также автором нескольких книг о мобильных устройствах и приложениях. Брайан Дин часто рассказывает о своем опыте использования различных гаджетов, программ и сервисов и дает рекомендации своим читателям. Он также работает с различными компаниями и тестирует их продукты, чтобы поделиться своими впечатлениями с остальными. Благодаря своей экспертизе и честности в отзывах Брайан Дин является авторитетным лидером мнения в сфере технологий и помогает людям сделать правильный выбор.

Лидер мнения может помочь привлечь внимание к какой-то общественной проблеме или инициативе, например, к сбору средств на благотворительность. Один из примеров такого лидера мнения может быть известный телеведущий или журналист, который имеет большую аудиторию и влияние на мнение людей. Также могут быть политические деятели, общественные деятели, представители бизнеса, известные актеры или спортсмены и другие знаменитости, которые могут поднять важный вопрос и привлечь внимание к нему. Однако важно, чтобы лидер мнения был заинтересован в проблеме и имел четкое понимание ее сути. Одним из примеров зарубежных лидеров мнения, которые могут помочь привлечь общественное внимание к проблемам, считается Грета Тунберг, шведская школьница, активистка и защитница окружающей среды. Она стала известной благодаря своим выступлениям на международных форумах и акциях протеста, в которых призывала к более серьезному отношению к климатическим изменениям и защите природы. Ее голос был услышан миллионами людей по всему миру, и она продолжает бороться за свою цель – привлечь внимание общества к экологическим проблемам и добиться действий со стороны правительств.

В целом, лидер мнения в сетевой коммуникации является важным фактором для формирования общественного мнения и поведения людей в сетевой среде. Они могут повлиять на восприятие определенных тем и событий, а также на то, как люди относятся к определенным продуктам, услугам и маркам. Лидеры мнения могут создавать

контент, который становится вирусным и распространяется в сети, а также оказывать влияние на различные сообщества и группы людей. Они являются важными фигурами в маркетинге и рекламе, поскольку могут помочь компаниям достичь большего успеха в продвижении своих продуктов и услуг.

Один из примеров успешных кампаний с использованием лидеров мнения в сетевой коммуникации – это сотрудничество между косметическим брендом L’Oreal Paris и блогером Кристенем Джонсом. Блогер рассказывал о продуктах бренда в своих социальных сетях и в своем блоге, делясь своими впечатлениями и советами по использованию. Эта кампания привела к росту продаж и увеличению узнаваемости бренда.

Еще один пример – это кампания бренда Nike в социальных сетях, в которой участвовали известные спортсмены. Они делились своим опытом и тренировочными программами, используя продукцию Nike. Эта кампания помогла бренду укрепить свою позицию на рынке и привлечь новых покупателей.

Илон Маск является лидером мнения во многих областях, таких как технологии, бизнес, наука и энергетика. Его влияние проявляется в различных сферах, включая автомобильную промышленность, космическую отрасль, электронику и другие. И. Маск известен своими амбициозными проектами и инновационными идеями, которые часто становятся тенденциями в отраслях, в которых он действует. Его влияние на мнение общества проявляется в том, что он стал символом новой эпохи, когда технологии и наука стали главными двигателями прогресса человечества. Благодаря И. Маску стало модным интересоваться космосом и инженерными науками, а также понимать, насколько важна экология и переход к устойчивым источникам энергии. Его речи и высказывания о будущем человечества вызывают интерес и восторг у многих людей, которые видят в нем лидера мнения.

Безусловно, возможны ограничения распространения своего влияния и для лидеров мнения. Одним из основных ограничений в сетевой коммуникации является невозможность контроля за сообщениями. Лидеры мнения могут нести ответственность только за свои собственные слова, но не за мнение других людей, которые могут использовать их сообщения для распространения ложной информации, провокации или дезинформации. Кроме того, использование лидеров мнения может привести к созданию эхо-камеры, в которой поддерживаются только определенные мнения и идеи, а другие точки зрения игнорируются или даже подавляются. Также следует учитывать, что лидеры мнения могут быть подвержены влиянию чужих интересов, что может повлиять на их сообщения и рекомендации. Наконец, использование лидеров мнения может ограничивать свободу выбора и самостоятельного принятия решений, поскольку люди могут полагаться на мнение лидеров без собственной оценки информации и анализа ситуации.

Лидеры мнения очень полезны в сетевой коммуникации. Они могут быть не всегда свободными от обязательств и мнений, поскольку, будучи влиятельными и известными в определенных кругах, могут помочь продвигать продукты, услуги или идеи, а также могут стимулировать общение и взаимодействие в сообществах. Однако при использовании таких лидеров мнения необходимо учитывать несколько важных моментов. Во-первых, необходимо тщательно выбирать лидеров мнения для продвижения своего продукта или услуги. Они должны быть экспертами в данной области, иметь большое количество подписчиков и хорошую репутацию. Этим, безусловно, руководствуются крупные компании при выборе тех, кто будет представлять их товар или услугу. Желательно подходить к лидерам мнения с уважением и давать им свободу действий. Нельзя диктовать им, что делать или что говорить.

Чтобы поддерживать взаимодействие с лидерами мнения и правильно расценивать их влияние и вклад, приходится давать им информацию о продукте или услуге, а также предоставлять им возможность задавать вопросы и получать ответы. Важна будет правильная оценка эффективности использования лидеров мнения.

Лидеры мнения могут быть очень полезны в сетевой коммуникации, но необходимо использовать их с умом и тщательно подбирать. Они влияют на суждения, действия, оценку событий, явлений, определенных групп людей [6, 7]. Отличаясь лучшей информативностью и высоким социальным статусом, лидеры могут формировать общественное мнение. Их активность, контактность, заинтересованность, уверенность и вовлеченность в процессы развития общества делает их по-настоящему инструментами формирования общественного мнения, способного повлиять на эффективность достижения целей, поставленных как самим лидером мнения, свободным от обязательств, так и несвободным лидером, выражающим мнение и желания заинтересованных лиц в достижении определенных целей.

Список литературы

1. Аристотель Поэтика. Риторика. – СПб.: Азбука, 2015. – 320 с.
2. Береснева Ю.В. Становление понятия «коммуникация» в социально-гуманитарном познании: содержание, структура, функции коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Философские науки. – 2017. – №4. – С.6–20.
3. Беспалов Д.В. Проблемы психологического исследования лидерства в малых группах // Лидерство и социальная активность российской молодежи как стратегический ресурс развития общества. Материалы Международной молодежной научно-практической конференции «Лидерство и социальная активность российской молодежи как стратегический ресурс развития общества». – Курск: ООО «АПИИТ «Гиром», 2012. – 150 с.
4. Богин Г.И. Исследования речевого мышления в психолингвистике. – М.: Наука, 1985. – С.32.
5. Галичкина Е.Н. Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство: дис. докт. филол. н., 10.02.19. – Астрахань, 2012. – 374 с.
6. Галичкина Е.Н. Жанровые характеристики компьютерного дискурса / Е.Н. Галичкина // Языковая личность: жанровая речевая деятельность. Тезисы докладов научной конференции. 1998. – С. 26–27.
7. Галичкина, Е.Н. Прагмалингвистические характеристики жанра Чат в компьютерном общении / Е.Н. Галичкина // Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика, Н. А. Красавского. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 161–167.
8. Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. – М.: Политиздат, 2018. – 244 с.
9. Завгородняя М.Ю. Теории Пола Лазарсфельда вне «Власти времени» / М.Ю. Завгородняя, Н.В. Дергунова // Власть. – 2014. – № 8. – С. 123–126.
10. Ильиных Е.М. Лидеры мнений как инструмент формирования общественного мнения в период избирательных компаний (Ильиных Е.М.) Вопросы студенческой науки Выпуск №9 (37) сентябрь 2019. – С.113–116.
11. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
12. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М.: Хранитель, 2006. – 871 с.

13. Роот Э.В. Содержание, особенности и функции феномена коммуникации. Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. No 1(34). – С.235-239.

14. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 264 с.

15. Шрамм У. Природа коммуникаций между людьми // Процесс и эффекты массовых коммуникаций. – М.: 2003. – С.7.

16. Lasswell. The structure and function of communication in society // The Communication of Ideas. N.Y.: Harper and Brothers, – 1948. – P.37.

17. Lazarsfeld P.F. Personal Influence, the Part Played by People in the Flow of Mass Communications / P.F. Lazarsfeld, K. Elihu. – N-Y: Transaction Publishers, 1966. 400p.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

А.Х. Джураев

Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ, МАССОВОЙ, ГЛОБАЛЬНОЙ И ГЛОБАЛИСТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья обращает внимание на расширяющийся понятийный аппарат анализа новых культурных явлений в связи с потребностью обозначения оттенков, нюансов позитивных и негативных последствий глобализации. В ней подчёркивается, что в рамках исследования проблемы национальной культуры в процессе глобализации есть необходимость исследования сложных явлений, отражаемых, с одной стороны, традиционными понятиями: национальная культура, мировая культура; и складывающимися понятиями: глобальная культура, массовая культура, глобалистская культура в контексте глобализационных процессов мира. Подчеркивая все возрастающую роль массовой и глобалистской культуры в социализации человека, автор указывает на пути противостояния негативным последствиям глобализации культуры через сохранение субъектности нации, которая проявляется в способности к избирательному подходу в освоении ценностей, предлагаемых глобальной культурой.

Ключевые слова: *глобализация, национальная культура, мировая культура, глобальная культура, массовая культура, глобалистская культура, информационная технология, информационное общество, антиценности.*

A.H. Juraev

Tajik State University of Law, Business and Politics

NATIONAL CULTURE IN THE CONTEXT OF WORLD, MASS, GLOBAL AND GLOBALIST CULTURE

The article draws attention to the expanding conceptual apparatus of the analysis of new cultural phenomena in connection with the need to designate shades, nuances of the positive and negative consequences of globalization. It emphasizes that within the framework of the study of the problem of national culture in the process of globalization, there is a need to study complex phenomena reflected, on the one hand, by traditional concepts: national culture, world culture and emerging concepts: global culture, mass culture, globalist culture in the context of the globalization processes of the world. Emphasizing the ever-increasing role of mass and globalist culture in human socialization, the author points to ways to counter negative consequences of the globalization of culture through the preservation of the subjectivity of the nation, which manifests itself in the ability to take a selective approach in mastering the values offered by global culture.

Key words: *globalization, national culture, world culture, global culture, mass culture, globalist culture, information technology, information society, anti-values.*

Процессы, связанные с глобализацией культуры, вызывают кардинальные изменения в понимании культурных явлений в масштабе мировой и этнонациональной культур.

Понятийный аппарат анализа новых культурных явлений расширяется в связи с потребностью обозначения оттенков, нюансов позитивных и негативных последствий глобализации, в том числе в культурной сфере. В рамках исследуемой проблемы национальной культуры в процессе глобализации есть необходимость исследования

сложных явлений, отражаемых традиционными понятиями: «национальная культура», «мировая культура»; и складывающимися понятиями: «глобальная культура», «массовая культура» и «глобалистская культура».

Как видно, к традиционным понятиям добавляются понятия «глобальная культура» и «глобалистская культура», все чаще используемые наряду с «массовой культурой», которая отражает наиболее распространяемое с непомерной скоростью явление глобализации, и чаще всего они интерпретируются как побочные явления глобализационных процессов для этнонациональной культуры. (Мы специально добавляем к понятию «национальный» – «этно», отходя от чрезмерно нейтрального по отношению к этническим особенностям понимания нации как лишь гражданство). И это требует особого исследовательского внимания. Нельзя сказать, что нет исследований по каждому из этих явлений и по понятиям, отражаемым их. Наоборот, обширна литература в этом направлении, в которой указываются на их особенности. Однако их понимание в связанном контексте помогает выявлять наиболее существенные черты этих явлений. Как отмечает Г.Б. Шамилли, «смысл той или иной категории или термина постигается в ее связности с другими категориями и терминами, и только так можно обнаружить фактор, который не допускает множественности прочтения термина, помогая найти его единственно верное значение» [11, с. 29].

Соотношение национальной культуры и мировой культуры традиционно рассматривается в рамках философских понятий частное и общее. Самобытные, уникальные ценности, опыт, идеи, способ деятельности, формируясь в теле отдельной нации как результат культурных взаимодействий между народами, приобретают также общие с другими культурами черты – интернациональные. Эти черты сближают, обогащают культуры, создают почву для взаимопонимания культур как способ их сосуществования и развития. Национальное в культуре – это, прежде всего, самосознание народа, нации, личности, выраженное в языке, искусстве, религии, обычаях и обрядах, в национальных ценностях. Осознание национальной культуры происходит при соприкосновении с другими культурами и определяется как «свое и чужое». Отношение к особенностям других культур может проистекать двояко: традиционно, другая культура может восприниматься через собственную культуру, и это очень часто приводит к выводу об исключительной правильности своей по отношению к другой. С другой стороны, встреча с другой культурой может также привести к пересмотру некоторых черт собственной культуры, заимствованию привлекательных моментов иной культуры, что следует рассматривать как взаимообогащение культур при их взаимодействии.

В советское время это явление интерпретировалось таким образом: национальная по форме и интернациональная по содержанию. Эта формула, в которой выражалось соотношение национального и интернационального, означает, что культуры могут отличаться друг от друга только по форме, а по содержанию могут быть интернациональными – общими, как будто отличие может касаться исключительно формы, а не содержания. Между тем, особенность культур проявляется и в форме, и в содержании, потому что содержание облекается в определенную форму. Если мы говорим об особенностях культур и их общих чертах, то мы должны подразумевать и форму, и содержание отдельной культуры по отношению к другой культуре.

Речь может идти о существовании в форме и в содержании национальной культуры наряду с этническими и национальными характеристиками универсальных систем оценок и связей, что приводит к признанию всего ценного, что существует в культурах других народов. Но как бы культурные продукты ни имели нечто общее с

другими культурами, они принадлежат к творчеству конкретного субъекта культуры (народов, стран). В этом заключается суть многообразия образцов мировой культуры, связанной с их привязанностью к национальной специфике.

И с аксиологической точки зрения, национальная культура, субъектом которой является нация, может содержать в себе нечто такое, что указывает на общечеловеческую значимость опыта и результатов творчества, представляет собой смысловую и эстетическую ценность для всех народов и наций нашей планеты, несмотря на ее принадлежность их к отдельно взятой нации. Она может рассматриваться как продукт мировой культуры. Тем самым определяется культурная ценность, значимость накопленного опыта, на базе которого субъектом культуры созданы духовные, научные, материальные продукты культуры. Национальная культура сохраняется, если сохраняется связь поколений, в ней держится устойчивая система ценностей, и в то же время имеет возможность обогащения за счет взаимодействия с другими культурами.

Таким образом, продукты мировой культуры на самом деле – это те же продукты национальной культуры, но по степени значимости, приравненные к мировой, соответственно признанию мировым сообществом, другими этнонациональными общностями, как имеющими определенную ценность, могущими служить всему человечеству для материального и духовного развития. Несмотря на признание их как продуктов мировой культуры, их отличительной особенностью является то, что они указывают на национальные корни, на субъект культуры, на его историю, территорию обитания, религию, нравственные и ментальные особенности и т.д.

Сегодня наряду с понятием мировая культура все чаще говорят о формировании глобальной культуры в связи с повсеместной глобализацией мира. Если понятие «мировая культура» отражает наиболее высокие достижения той или иной эпохи, того или иного субъекта культуры с точки зрения выражаемых в них универсальных ценностей, идей и форм деятельности, то понятие «глобальная культура» указывает на всеохватность, распространённость культуры по всему миру независимо от распространяемого содержания, благодаря технологическим возможностям современного мира. По словам Антони Кинга, происходит «поиск глобального измерения культурного продукта» без весьма конкретной исторически, географически и социологически обоснованной концептуализации «мира в целом...» [15, с. 4–5]. Глобализация выводит взаимодействия и взаимовлияния культур на качественно новый уровень коммуникативных условий, усиливающих контакты между культурами, придавая им характер, навязанный извне для отдельных культур. Такая ситуация обусловлена приоритетным положением западноевропейского информационного общества по отношению к другим частям мира и повсеместного распространения их культурных ценностей. «Под глобальной культурой понимают культуру, существующую на огромных пространствах и, безусловно, имеющую свои достоинства и недостатки», – пишет Н.В. Розенберг [10, с. 6]. Глобальная культура делает доступным для мирового сообщества не только продукты мировой культуры с точки зрения их общечеловеческой значимости, уникальности их творца, но и менее значимые в этом отношении продукты для широкого потребления без учета национальной специфики.

К числу явлений, возникших вместе с индустриализацией общества и постепенным возникновением так называемой глобальной культуры, относится массовая культура. Она уходит своими корнями в Европу 17 и 18 вв. Первые исследователи этого явления Хосе Ортега-и-Гассет («Восстание масс»), Карл Ясперс («Духовная ситуация времени»), Освальд Шпенглер («Закат Европы»), Жан Бодрийяр («Фантомы современности»), П.А. Сорокин («Человек. Цивилизация. Общество») обнаружили

наиболее существенные черты массовой культуры, к числу которых отнесли тенденцию к коммерциализации культуры и омассовлению и неминуемые последствия на человеческое поведение и культуру общества в целом. Массовая культура есть продукт индустриализации общества, которая кардинально меняет отношение людей к продуктам культуры, ее жизнеспособность и ее востребованность определяется не глубиной проникновения в суть вещей, уникальностью презентуемого субъектом культуры творческого начала человека, а способностью большего охвата разных слоев населения и национальностей.

Говоря об истоках возникновения массовой культуры, связанных с усилением рыночных отношений, появления, помимо государства, новых субъектов, влияющих на состояние культуры и ее направления развития, известный советский философ-культуролог В.М. Межуев пишет: «Зависимость от власти сменяется его зависимостью от частных компаний и фирм, дающих ему определенный заказ или торгующих продуктами его труда. И такая зависимость для художника подчас не менее обременительна, чем прежняя: вспомним судьбу многих из них, получивших признание после своей смерти и умерших в нищете. Большинство находит выход в том, что приспособливает свое искусство к требованиям массового потребителя, реагирует исключительно на спрос, даже если он не во всем соответствует канонам высокого художественного вкуса. Так рождается массовая культура» [8, с. 80]. Адаптация на потребность и вкусы массового потребителя становится основным условием производства массовой культуры.

Эта культура проникает в массы в силу возможности ее большего тиражирования, дешевизны, доступной широкой массе людей и как позитивный результат, демократизация культурной жизни общества. Масса получает культурную информацию, наряду с элитой, но особого качества, связанного с упрощением контента, внешней привлекательностью, однако не требующей особых интеллектуальных усилий для ее освоения. Эта культура помогла эмансипации человека, но и создала широкие возможности манипуляции и оболванивания сознания большого количества людей, тем, кто заинтересован в использовании ее возможностей для пропаганды тех или иных идеологем.

Она начинает играть определяющую роль в аккультурации человека, все более и более проникая во все ее сферы жизни всех народов и наций без исключения. В то же время в результате формируется потребитель, по словам Хосе Ортеги-и-Гассета, «масса – всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, «как и все», и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью» [13]. Если продукты мировой культуры отбираются национальной культурной элитой из образцов национальных культур мира, по определенным критериям, массовая культура теряет национальную специфику, национальные корни, идентичность. Как отмечает В.А. Корецкий, «глобализация по своей сути исключает разнообразие, заменяя ее массовой культурой западного образца... Массовая культура угрожает главному атрибуту государственного суверенитета – национальной идентичности» [6, с. 28–29]. Созданная Западом техническая рационализация сфер жизни изменила основу его существования. Как отмечает Карл Ясперс, «это наиболее глубокий надлом, когда-либо известный Западу; однако, поскольку он создан самим Западом в его духовном развитии, здесь он находится в континууме мира, к которому принадлежит. Ко всем другим культурам этот надлом приходит извне как катастрофа» [14], поэтому реакция разных уголков мира на процесс технизации планеты и соответствующих условий для распространения массовой культуры требует неожиданных действий и умений, чтобы ориентироваться в современном мире.

В то же время в осмыслении и оценке распространения массовой культуры мы должны исходить из объективных и субъективных факторов, обуславливающих усиливающую роль массовой культуры в социализации человека в масштабе всего мира. Во-первых, никакая волюнтаристская сила не может противиться объективному процессу интеграции человечества как результата научно-технических преобразований мира и распространения культурной информации, завозимой из одной части в другую на базе все возрастающей мощи информационной технологии.

Иммануил Валлерстайн, рассматривая глобализацию вообще, считает ее естественно-историческим процессом, он пишет: «Давайте рассмотрим два противоположных способа объяснения этого явления, которые неоднократно выдвигались. Один – это тезис о линейной тенденции к единому миру. Первоначально, согласно этому тезису, земной шар содержал очень большое количество различных и отличительных групп. Со временем мало-помалу сфера деятельности расширилась. Группы слились, и постепенно, с помощью науки и техники, мы пришли к единому миру – одному политическому миру, одному экономическому миру, одному культурному миру. Мы еще не там, но будущее ясно вырисовывается перед нами» [12, с. 93].

Нельзя не согласиться с утверждением о том, что это объективный необратимый процесс, что подчеркивают многие исследователи. Как отмечает В.А. Корецкий, «понимая объективность глобализации как естественно-исторического процесса, предстоит выявить движущие силы и субъекты – носители идеологии нового мирового порядка» [6, с. 32].

Проблема заключается в том, что в усилении этих тенденций с учетом ее позитивных или негативных последствий могут быть заинтересованные стороны, эти процессы подвержены влиянию субъективных сил, государств, которые через массовую культуру выдают свой стиль жизни, форму поведения, жизненные ориентиры, моду как универсальные и открывают им широкую дорогу для их распространения. Так что все дело в том, чьи ценности, образ жизни, стиль жизни и мышления становятся объектом освоения, потребления и развития. В силу неравномерного развития стран, регионов можно определить центры и периферии глобализационных процессов. Один из исследователей глобализации А.А. Зиновьев пишет: «Происходящий процесс объединения человечества в единое целое является в реальности покорением всего человечества западным миром как единым целым. С этой точки зрения он может быть назван процессом западизации человечества. Поскольку в западном мире доминирует США, поскольку они распоряжаются большинством ресурсов Запада и планеты, этот процесс можно назвать американизацией человечества» [5, с. 289].

Если мы говорим о глобальной культуре, то мы подразумеваем некую замену продуктов этнонациональной культуры на массовую в масштабе всего мира, если не полностью, то в значительной степени. Она рассчитана на массовое потребление, она доступна, легка для освоения, развлекательна, недорога. Рыночные отношения, ставя во главу угла извлечение прибыли из всех доступных сфер деятельности человека, проникают и в сферу культуры. Опираясь на существующий запрос различных слоев населения к продуктам культуры вообще и за счет массовости ее распространения независимо от территории, среди народов, этносов – наций, различных рас мира, рода занятий и социального статуса, извлекают прибыль. Они ориентируют производство продуктов культуры ко вкусам большинства – массы. Массовая культура не приемлет преемственности. Она ситуативна в том плане, что приспосабливается к меняющимся вкусам масс. Если это модно, то это красиво. Эта тенденция и есть проявление глобальной культуры. Это приводит к унификации потребности посредством

культурной информации широкого потребления. Следовательно, в формировании глобальной культуры играет большую роль массовая культура. На первых порах возникновения массовой культуры, черта массовости ограничивалась пределами отдельных государств, регионов, наиболее развитых по степени внедрения технологических средств массового распространения культурной информации. Глобализация расширяет возможности распространения массовой культуры, массовость выходит за пределы пространства отдельных государств, усиливая процесс формирования глобальной культуры.

Несомненно, у истоков глобализации всех сфер общественной жизни стоит экономическая интеграция с целью усиления механизмов обогащения, концентрации мировых ресурсов для воспроизводства капитала в руках развитых стран. Проблема заключается в том, что мир развивается неравномерно, есть отсталые и развитые страны, в плане технико-технологических возможностей, однако они включены одновременно в эти процессы. Всегда в выигрыше остаются технологически развитые страны, чьи культурные ценности в преобладающем объеме распространяются по всему миру, осуществляя культурный империализм. Массовая культура и глобализация идут рука об руку. «В глобально целостной системе этносы не обогащают друг друга, а взаимопоглощаются, культуры не получают импульс для самораскрытия, а нивелируются, страны не коэволюционируют, сотрудничая, а унифицируются», – отмечает В.А. Кутырев [7].

Массовая культура приспосабливает свои продукты на массу, у которой нет времени и средств углубленного освоения продуктов национальной культуры, тем самым масса оказывается перед фактом наличного опыта, навязанного средствами информационной технологии, идущего из той части света, которая обладает большими высокотехнологическими ресурсами, то бишь западные страны, особенно США.

Характеризуя фундаментальную суть массовой культуры, авторы книги «Современная глобализация: состояние и перспективы» Л. Зеленов, А. Владимиров, Е. Степанов отмечают: «Весьма наглядным является также такое проявление новой зарождающейся глобальной культуры, как средства распространения массовой культуры, которую тиражируют коммерческие предприятия всех видов (такие как Adidas, McDonalds, MTV и др.). Хотя контроль над этими предприятиями осуществляется элитами, массовая культура проникает в широкие слои населения в мире. Массовая культура делает людей похожими друг на друга, убивает то, что так ценится в человеке – его индивидуальность. Безусловно, большая часть этой массовой культуры имеет поверхностный характер, а значит, не оказывает большого влияния на взгляды, систему ценностей и поведение населения конкретной страны» [4, с. 171]. Однако следует сказать, что молодое поколение, к сожалению, ассоциируя массовую культуру с современными образцами мировой культуры, осваивает предельно упрощенные формы культуры, тем самым отгораживает себя от полноценного глубинного освоения ценностей национальной культуры. Возьмем сегодня хотя бы гаджеты с мультипликационными фильмами, они, визуально приобщая детей к миру, становятся средствами развлечения, успокоения и даже убаюкивания детей. Дети получают первые знания о мире через визуальный мир, получают зачатки мировоззрения, намного интереснее по сравнению с тем, что они могли бы видеть их в реальности или услышать от уст родителей. В этом состоит причина приглушенных чувств и эмоций детей при виде реальной природы и окружающей действительности, близких и родных людей. Процесс воспитания приобретает технологический характер. Он приводит к потере душевной связи матери и ребенка, выражаемой в словах, мимике, желании матери,

связанной с будущностью ребенка. Традиционно эта связь душевна, самобытна и неповторима, что составляет ядро этнонационального воспитания. Массовая культура распространяет новые образцы этих взаимоотношений как универсальных, стирая из памяти нового поколения выработанные предшествующим поколением тонкие жизнеутверждающие послылы родителей для нового поколения. Массовая культура наносит чувственный удар на глубоко проработанные и исторически выработанные традиции, превращая людей в безликую массу. Отдавать молодое поколение на откуп глобальной культуре означает сломать прочность традиций, на чем зиждется воспитание (на базе основ национальной культуры). А. С. Панарин отмечает: «Под влиянием америкоцентричного либерализма статус древних культур на всех континентах непрерывно занижается, и все они становятся под подозрение в качестве помехи наступающей экономической и политической революции, которую несет миру американский авангард» [9, с. 101]. Борьба добра и зла, и победа добра над злом является идейным лейтмотивом религиозной и светской этики на протяжении веков, и она присутствует в социально-когнитивном измерении практически в каждой древней культуре. Лишая возможности молодого поколения приобщиться к нравственным истокам нашего бытия, мы выводим из рамок воспитания нравственные постулаты, выработанные веками древними культурами религиозного и светского характера.

Современный капитализм в лице западных стран, выступая поборниками демократии, защитниками прав отдельного человека, продвигают свои ценности, свой образ мыслей и идеи по всему миру путем распространения массовой культуры, с большим желанием создать мир по своему образу и подобию, используют эту культуру в ожесточённой политической борьбе, происходящей в современном мире, ассоциируя западные ценности с универсальными ценностями человечества. Запад с большим натиском идет в направлении культурной экспансии мира.

Однако следует сказать, что в последние 10-15 лет Запад оказался в необычайно глубоком кризисе, потакая любое желание индивида, под лозунгом защиты прав отдельного человека. Пропагандируя антиценности, страны Запада оказываются на краю человеческой пропасти, нравственной деградации человека. Если святые сакральные ценности становятся предметом карикатуры и эти действия сравниваются со «свободой личного самовыражения», это означает размывание всяческих этических границ в межкультурных отношениях. При этом Запад выдает эти устремления как гуманистические и явно способствует выплескиванию низменных инстинктов человека, провозглашая «свободу любого самовыражения», приводящего к размыванию института семьи и брака. Анализируя ситуацию, сложившуюся в западной культуре, выше-названные авторы книги «Современная глобализация: состояние и перспективы» отмечают: «Единственное, что неизменно присутствует в ней, – это процесс усиления и распространения индивидуализации. Все сферы новой зарождающейся культуры способствуют независимости человека от традиций сообщества, в котором он живет, и от самого данного сообщества в целом. Хорошо известно, что модернизация разрушает в сообществе господство духа коллективизма и традиций, что автоматически делает человека более свободным и заставляет быть более самостоятельным. Очень часто такой вид «освобождения» ощущается его носителем как тяжкое бремя. Индивидуализм, как идеология, возможно, дает объяснение этому освобождению, помогая тем самым снять это бремя. И потому для тех, кто высоко ценит и дорожит своей личной свободой и пытается реализовать ее в полной мере, новая зарождающаяся глобальная культура выглядит очень привлекательно» [4, с. 171]. Между тем национальная культура опирается на общее коллективистское видение мира, на единые символы, ритуалы

и обычаи, на общий менталитет, на культурное наследие, на проверенные временем ценности, передающиеся из одного поколения к другому поколению, благодаря чему сохраняется определенность национальной культуры. Следует отметить, что в так называемых демократических государствах нарушен баланс между индивидуалистским и коллективистскими началами человеческой жизни в пользу абсолютизации индивидуалистского, что свидетельствует об игнорировании общественной сущности человека (Маркс). Нарушен баланс между индивидуальной и общественной сущностью человека, и как результат мы становимся свидетелями кризиса духовности, с которой сталкивается мировое сообщество, что является проявлением антикультурных явлений, приводящих к потере нравственного стержня человеческого бытия. К сожалению, экономические успехи Запада сопровождаются деструктивным воздействием на историко-культурное основание бытия иных народов и обществ через навязывание всему миру одного и того же стиля мышления, одних и тех же ценностных ориентиров. Противостояние этим негативным явлениям являются антиглобалистские движения, появляющиеся внутри западных стран (США, Франция, Венгрия), свидетельствует о том, что, по сути, происходит постепенное осознание мировым сообществом возникновения угрозы родовым качествам человека.

Наиболее остро на эти антикультурные явления, к примеру, легализации однополых браков «Брак для всех», идущих от Запада, направленных на разрушение базовых человеческих ценностей, выступила Россия. Это был голос разума и противостояние искажению человеческих ценностей, угрожающих человеческому бытию с его главными атрибутами. Россия посредством общенационального обсуждения и голосования законодательно закрепила те общечеловеческие ценности, которые должны быть незыблемыми. Появился серьезный очаг противостояния негативной тенденции, вызванной глобализацией – вестернизацией и американизацией. В.В. Путин внес свои поправки в Конституцию своей страны, «сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога» как фундаментальную ценность российских народов, в статьях 7, 38 и 72 сказано о защите и государственной поддержке семьи, материнства, отцовства и детства (11 марта 2020 г.). В этих поправках отражается фундаментальный выбор российского народа по защите и сохранению своей культурной самобытности, тем самым открыто отказывая западным странам быть эталоном для будущего духовно-нравственного развития народов России. Преемственность в системе ценностей, складывавшаяся столетиями, отныне выступает духовно-нравственным фундаментом этого общества. Эти тенденции, наиболее отчетливо проявляющиеся в процессах глобализации, на самом деле являются вызовами этнической культуре, ставящими угрозу многообразию культуры.

Сегодня все чаще используется понятие «глобалистская культура», которая отражает глубокий кризис духовной культуры. Глобалистская культура, включая в свое содержание массовую культуру, представляет собой некую культурную продукцию, появляющуюся в условиях исчезновения национальных границ и объективно разрушающую культурно исторические типы (Н.Я. Данилевский). Горелова Т.А. в своей статье «Цинизм как способ существования глобалистской культуры», связывая глобалистскую культуру как имеющую свойство разрушения традиционной культуры, считает, что «ядром данной культуры становится циническое мировоззрение, которое, проникая во все сферы современной жизни, действует не только как мировоззрение, но и как способ существования человечества» [3, с. 65]. В условиях глобализации культуры формируется особого рода общемировая система производства ценностей, которая идет от явления глобализма (А.А. Зиновьев), так называемая

глобалистская культура, обладающая, по мнению Гореловой Т.А., рядом характеристик, позволяющих выделить ее как специфическую культуру, которая игнорирует определенные этнические, национальные, государственные, политические, культурные традиции. Она выделяет четыре наиболее существенные черты глобалистской культуры:

Во-первых, глобалистская культура не имеет отечества, хотя она является прообразом Запада, ее границы размыты, она оторвана от традиций и без корней;

Во-вторых, массовидный характер глобалистской культуры. С ним связаны три тенденции: склонность к упрощению, социальная деструктивность, нацеленность на потребление. В рамках этой культуры теряется связь человека со смыслом, страстью, делом, чем питается настоящая культура;

В-третьих, эта культура отличается способом воздействия на человека. Если традиционная культура воздействует на чувства и разум конкретного человека, то глобалистская культура заражает людей, т.е. распространяется как вирус и как наркотик, и человек попадает под ее влияние поневоле;

В-четвертых, особенностью этой культуры является способность разрушить что-то определенное, что существует в народной культуре, как результат «...зависти безразличной культуры с размытыми определениями по отношению к культуре с четкими определениями, а также занимать чужую познавательную территорию, вытесняя все другие традиционные способы отношения к миру» [3, с. 65–89].

Все перечисленные характеристики глобалистской культуры направлены по существу против сохранения самобытности этнонациональной культуры и деформации этнокультурных ценностей. Однако по этому вопросу сложились две противоположные точки зрения. Одна с большой определенностью высказывает мнение об угрозе традиционным культурам как результат распространения глобалистской культуры. Кутырев В.А. отмечает: «И все-таки трактовка глобализации как потери культурного разнообразия недостаточно глубокая. Это пока драма. Трагичность положения культуры в глобальном мире в том, что она вырождается, исчезает вообще, вытесняется другим способом воздействия на духовную и социальную жизнь. Несмотря на споры по поводу определений, культура немислима без табу, норм и регламентаций, общего представления о долге, чести и совести, без опоры на моральные, религиозные и эстетические регуляторы» [7]. По его мнению, глобализация же не только стирает различия, которые могут стать причиной противоречий между различными нациями, но и уничтожает национальную культуру. Так было утеряно множество обрядов, песен, легенд различных народностей.

Другая более оптимистичная, в том смысле, что традиционная культура или этническая культура тоже воздействует на глобальную культуру, вовлекая свои продукты в пространство глобальной культуры, взаимодействует с ней. Однако, на наш взгляд, сюжеты, ритуалы, обычаи, становясь продуктами глобалистской культуры, постепенно теряют почву, где они выросли, и в дальнейшем относить их к этнонациональной культуре невозможно, в силу растворения в пространстве глобальной культуры. В этом заключаются некоторые особенности глобалистской культуры, и вот почему мы должны опасаться ее чрезмерного влияния на этнонациональную культуру. Однако крайности всегда опасны, либо оставаться и согласиться с происходящими процессами, либо уйти куда-то в небытие, т.е. в ключе «бегства от мира». Выжить национальной культуре в этих условиях – это значит осознать себя, найти свое место в этом сложном, противоречивом мире, защищать свою субъектность во всех областях, в том числе и в области культуры.

Таджикская культура, будучи древней культурой Центральной Азии, подверглась испытанию дважды: в пору формирования этнонациональной культуры в советское время – чрезмерная политизация и идеологизация содержательных форм отбора прошлой культуры привели к типу национальной культуры с весьма размытым, если не исчезающим сознанием национальной идентичности. Независимость дала таджикскому народу широкие возможности для освоения собственного культурного наследия, и в это время одновременно идет процесс формирования информационного общества и глобализации мира. В этом заключается противоречие нашей эпохи для этнокультурной судьбы таджикского народа. Как часть мирового сообщества, с одной стороны, мы имеем дело с необузданной свободой, которая проявляет низменные инстинкты человека, выдает эти антиценности как гуманистические. Это своеобразная наступающая идеология, осуществляющаяся через информационное общество, воздействует на сердца и умы через глобалистскую культуру. С другой стороны, авторитарные силы во имя защиты от негативного влияния и последствий так называемых демократических государств и во имя сохранения культурной самобытности отказываются от разумных установок демократии. Оправдывая автократические режимы, они тем самым способствуют созданию авторитарного общества. Нельзя не согласиться с мнением Т. Ахмедовой о том, что «постсоветские общества в силу перипетий исторического развития, лишивших их на время опыта собственного осмысления социокультурных демократических проблем, сегодня в начале прерванного пути. Лишь только освоив в отдельности проблемы собственного социокультурного и демократического развития, можно перейти к проблемам непротиворечивого перспективного синтеза двух этих начал» [1, с. 46].

В условиях глобализации этнонациональная культура не может быть замкнутой системой, она подвержена внешнему влиянию, и в этом заключается противоречивость культурной ситуации в мире, что идет непрестанная борьба между устойчивостью и изменчивостью в культуре. Однако этнонациональная культура, указывая на свои корни, обладает неким иммунитетом, который надо сберечь и усилить, если мы хотим сохранить национальную культуру. Возможности широкого распространения материальных и духовных ценностей усиливает процесс взаимопроникновения и взаимодействия культур, и он ставит перед нами задачу формирования способности избирательного подхода к продуктам культуры.

В политическом отношении идея многополярного мира, а в культурном – защита «традиционных, специфических для данного общества форм искусства, образа жизни, быта – «различий», того, что делает их интересными друг для друга, создает основу для взаимного диалогического и дружеского существования», – отмечает Кутырев В.А. [7].

Национальная культура вращается вокруг своего ядра, она определяет себя и других, а для глобальной культуры нет своего и чужого, нет общего и специфического, нет своего лица и лиц других. Человек обезличен, нет своеобразия. Принципиальная особенность национальной культуры сегодня состоит в том, что она имеет два различных пласта бытия: национальный и глобальный. Необходимо в новом ключе интерпретировать уже сложившиеся культурные ценности и представления, с учетом национального и глобально ориентированного бытия, принципов соотнесения открывшегося мира с исконно национальным своеобразием. П. Бергер подчеркивает: «В условиях зарождающейся глобальной культуры это означает поиск неких средних позиций между принятием и агрессивным сопротивлением, между глобальной однородностью и провинциальной изоляцией» [2, с. 23]. В настоящем мире, где играют по правилам глобального мира, национальные государства должны выработать меры по государственной безопасности как результат глобализации культуры.

Список литературы

1. Ахмедова Т. Социокультурный аспект трансформации постсоветских государств в эпоху глобализации // Феномен глобализации в контексте диалога культур. – М. «Канон» +РООИ «Реабилитация», 2010. – С.35–46.

2. Бергер Питер Л. Введение. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 1–24.

3. Горелова Т.А. Цинизм как способ существования глобалистской культуры // Культура и общество, 2018 – № 1. – С. 65–89.

4. Зеленов Л., Владимиров А., Степанов Е. Современная глобализация: Состояние и перспективы. – М.: ЛЕНАНД, 2010. – 304 с.

5. Зиновьев А.А. Великий эволюционный перелом: становление глобального сверхобщества, триединство западнизации, американизации и глобализации // Ленинская теория империализма и современная глобализация. Кн.2 СПб: ПАНИ, – 203. С. 289.

6. Корецкий В.А. Глобализация: Вопросы теории и методологии. – М.: 2007. – 188 с.

7. Кутырев В.А. Культурологический смысл глобализма / https://www.perspektivy.info/book/kulturologicheskij_smysl_globalizma_2010-11-02.htm (дата обращения 06.09.2022).

8. Межуев В.М. Государство и культура. // ЛИЧНОСТЬ. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. 2009. Вып. 1 (№ 46 – 47), С.77–89.

9. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Русский национальный фонд, 2000 – 374 с.

10. Розенберг А.В. Философские аспекты осмысления понятия «глобальная культура» / Вестник ТГУ, выпуск 3(3), 2015. – С.5–9.

11. Шамилли Г.Б. Философия музыки. Теория и практика искусства maqam – М. 2020. – 552 с.

12. Immanuel Wallerstein the National and the Universal: Can There Be Such a Thing as World Culture? // Culture, Globalization and the World-System / Contemporary Conditions for the Representation of Identity/Edited by Antony D. King. University of Minnesota Press Minneapolis, 2007. – P.91-105.

13. <https://mybook.ru/author/hose-ortega-i-gasset-2/vosstanie-mass-2/citations/?page=4> (Дата обращения 20. 09.2002).

14. <https://libking.ru/books/sci-/sci-philosophy/24506-11-karl-yaspers-duhovnaya-situatsiya-vremeni.html#book> (Дата обращения 20. 09.2002).

15. King Anthony. Introduction: Spaces of Culture, Spaces of Knowledge// Culture, Globalization and the World-System / Contemporary Conditions for the Representation of Identity/Edited by Antony D. King. University of Minnesota Press Minneapolis, 2007. – P. 1-18.

Н.Ц. Манджиев

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

**РАССКАЗ В.А. ЗАКРУТКИНА «ПОДСОЛНУХ»
В ДИСКУРСЕ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
СВОЕОБРАЗИЕ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ**

В философии культуры или философии литературы основным вопросом становится культурно-антропологический генезис, в котором категориальным предметом является символический текст, его интерпретация (понимание) и значение (смысл). С таких позиций, как представляется, внимание исследователей может привлечь интерпретация рассказа В.А. Закруткина «Подсолнух». При обращении к литературному наследию писателя можно увидеть интересные художественно-эстетические явления, дополняющие и раскрывающие смыслы, таившиеся в повествовании рассказа.

Среди проблем, открывшихся по-новому, с позиций современного литературного дискурса, к ним следует отнести вопросы герменевтики, в частности интерпретации истории создания текста, жанрового определения произведения, проблемы художественного пространства или места действия, т.е. локации, этнического происхождения героя, его прототипов, а также необходимо добавить и проблемы философии культуры. Если быть точнее, то указанные проблемы существуют в самом тексте в совокупности, выступая в синкретическом единстве как своеобразная авторская философия культуры. Однако, чтобы понять специфические культурные коды, требуется расшифровать текст, разбив для этого целостность повествования.

В рассказе действуют герои, представляющие два народа – русские и калмыки. Писатель Валентин Закруткин показал в рассказе «Подсолнух» своеобразие бытия этих народов. В его древних проявлениях возникает в повествовании картина мира славянской духовной культуры и калмыцкой культуры в тенгрианском (добуддийском) и буддийском аспектах. Как известно, культура – это концептуализированная форма бытия, представленная как определённая картина мира народа, духовное содержание которой имеет жизненные ценности, сформулированные в философии как культурные универсалии. Сущность исторического пути народа имеет свои этнические истоки, предстающие как единичное, и в то же время выступающие как общее, и тем самым как типическое в развитии мировой культуры. Так возникает особая философия культуры, не только раскрывающая богатство духовных смыслов бытия русского и калмыцкого народов, но и образующая диалог культур.

Бытие народа может быть специальным предметом научного познания или стать картиной мира художественно-эстетического освоения в творчестве писателя. Культурные универсалии в художественном тексте осмысливаются как концепты, выражающие содержание философии культуры народа, выработанного в процессе бытия человека и мира, в богатстве их взаимодействия и взаимосвязи отношений.

В произведении В.А. Закруткина «Подсолнух» на дистанции времени проявляются скрытые смыслы текста, которые содержат традиции мировой литературы, связанные с новеллистическим жанром, и народные основы философии культуры двух российских этносов – русской и калмыцкой.

Ключевые слова: *художественный текст, главный герой, Отец, память о сыне, прототип, бытие, рассказ, новелла, пуант, война, депортация, духовная культура, культурные универсалии, диалог культур.*

N.Ts. Mandzhiev

Kalmyk state university named after B.B. Gorodovikov

THE STORY “SUNFLOWER” BY V.A. ZAKRUTKIN IN THE DISCOURSE OF WORLD LITERATURE: PECULIARITY OF THE PHILOSOPHY OF CULTURE

The main issue in the culture philosophy and the philosophy of literature is the cultural-anthropological genesis. A symbolic text, its interpretation (perception) and meaning (significance) are categorical subjects. From this point of view the story “Sunflower” by V.A. Zakrutkin can attract researchers. The study of literature heritage of this writer can show interesting esthetic phenomena which reveal the meaning of the story.

Among the problems that have opened up in a new way, from the standpoint of modern literary discourse, they include issues of hermeneutics in particular, the interpretation of the history of the creation of the text, the genre definition of the work, the problem of artistic space or scene of action, i.e. location, ethnic origin of the hero, his prototypes, and it is also necessary to add the problems of the philosophy of culture. To be more precise, these problems exist in the text itself in the aggregate, speaking in syncretic unity, as a kind of author’s philosophy of culture. However, in order to understand specific cultural codes, it is necessary to decipher the text, breaking the integrity of the narrative for this.

The main characters of the story represent two peoples – Russians and Kalmyks. The writer Valentin Zakrutkin showed the uniqueness of these peoples in his story “Sunflower”. In its ancient manifestations, a picture of the world of Slavic spiritual culture and Kalmyk culture in Tengrian (before Buddhist) and Buddhist aspects appears in the narrative. It is a well-known fact that culture is a conceptualized form of life represented as a certain picture of the world of the people, the spiritual content of which contains vital values shaped in the philosophy as cultural universals. The essence of the historical path of the people has its own ethnic origins appearing as a single, and at the same time acting as a general, and thus, as a typical in the development of world culture. This is a way to appear a special philosophy of culture that reveals the wealth of spiritual meaning of lifestyle of the Russians and Kalmyks and shaping the dialogue of cultures.

The lifestyle of different peoples can be a subject matter of scientific knowledge or become a picture of the world for the writer. Cultural universals in a fiction are regarded as concepts that express the philosophy of culture of people developed during the life of a person and the world, in the richness of their interaction and interconnection of relations.

The work of V.A. Zakrutkin “Sunflower” show the hidden meanings of the text that appear at a distance of time which contain the traditions of world literature associated with the novelistic genre and folk foundations of the philosophy of culture of two Russian ethnic groups – Russian and Kalmyk.

Key words: *fiction text, protagonist, father, memory of son, prototype, life, story, shortstory, pointe, war, deportation, spiritual culture, cultural universals, dialogue of cultures.*

Утверждение, что каждое поколение читателей видит в давно существующем произведении новые эстетические явления и смыслы, находит подтверждение и при обращении к известным художественным произведениям, получившим всеобщее признание как среди читателей, так и среди специалистов литературной науки. Интерпретация художественных текстов в современном литературном дискурсе не только показывает таившиеся смыслы и значения, раскодированные арсеналом литературоведческих исследований, но и представляет новые эстетические свойства и приемы. В данном контексте исследований большой интерес может вызвать рассказ Виталия Александровича Закруткина «Подсолнух», жанровое своеобразие которого с первой публикации было определено как рассказ. Как известно, произведение впервые напечатали в двух номерах (31 декабря 1956 года и 1 января 1957 года) газеты

«Правда», являвшейся центральным печатным органом коммунистов. Затем рассказ в виде книги небольшого формата вышел в свет в редакции этой же газеты серии «Библиотека «Правды» в 1958 году [1]. Вместе с данным рассказом в книге напечатали и рассказ «Млечный путь», в котором среди персонажей были калмыки, проживавшие в Ростовской области. Герои книги строят Цимлянскую ГЭС. Для калмыков, которые только начали возвращаться из сибирской ссылки, публикация рассказа В.А. Закруткина «Подсолнух» стало огромным моральным подспорьем. Впереди были еще политическая, юридическая реабилитация ложно обвиненного в измене Родине народа, отдавшего защите Отечества более 20 тысяч жизни своих сыновей и дочерей. Для 140-тысячного по численности народа, у которого в рядах защитников Родины, фронтовиков и партизан, сражались 32 тысячи человек, это была немалая цифра.

Модусы герменевтики позволяют вводить в современное прочтение текста В. Закруткина те особенности толкования, что не могли быть привлечены в свое время по разным мотивам и обстоятельствам. Так, советское литературоведение не затрагивало факт биографии писателя, связанный с его арестом и отбыванием наказания за участие в монархической организации. В 1925 году семнадцатилетний В. Закруткин приехал в Одессу, чтобы продолжить образование, здесь он вступил в монархический кружок. Вскоре все члены организации были задержаны и преданы суду. Оказавшийся самым младшим по возрасту, Виталий Закруткин получил больший, чем остальные члены организации, срок заключения. Освободили его после обращения к руководителю социалистического государства в 1929 году [2]. Данное обстоятельство послужило причиной переезда семьи, отец будущего писателя обратился в Министерство просвещения и был назначен директором сельской школы в Амурской области, а несостоявшийся «монархист» стал работать в школе учителем. Вектор времени менялся, в стране наступали суровые времена, вскоре на восток потянулись эшелоны с репрессированными гражданами по политическим, социальным и другим мотивам. Возможно, именно эти события повлияли на замысел рассказа «Подсолнух». Человек, испытавший неволю, мог проявить сочувствие незаслуженно подвергнутому наказанию народу и посвятить ему свое произведение. Виталий Закруткин так оценивал это деяние против народа: «Какая же это подлость – ссылаясь целый народ. Мне хотелось выразить отношение русского человека к этому акту» [3, с.7]. Рассказ «Подсолнух» был тепло встречен читателями и критикой. В произведении находили много общего с повестью Э. Хемингуэя «Старик и море» и эпическим рассказом М.А. Шолохова «Судьба человека». Перед читателями предстал зрелый мастер слова, отличавшийся собственным почерком, видением мира. Критики отмечали обостренный интерес к судьбе человека, историческое видение и философский подход к изображаемым явлениям бытия. Критики относили произведение к новой волне советской литературы, талантливо и громко заявившей о себе в очерках и рассказах авторов, произведения которых были посвящены «человеку на земле» и получили название «деревенская литература» [4]. В этой литературе явственно прозвучала тема связи человека с природой, позже социально остро представленная у писателей, поднявших экологические проблемы (С. Залыгин, Вл. Чивилихин и др.).

В критике и литературоведении того периода новелла рассматривалась как разновидность жанра рассказа. Такова была традиция отечественной литературной науки, которая не видела различия между ними. Жанровая природа произведения В.А. Закруткина «Подсолнух» не привлекала внимание критиков и литературоведов. С первой публикацией произведения за его жанром закрепилось определение рассказ.

Противоречивые оценки высказывал о рассказе «Подсолнух» В. Закруткина доктор филологических наук Ал. Дымшиц, высоко ценивший творчество и личность писателя. Литературовед, считавший, что в произведении нет литературных традиций, в то же время отзывался о писателе как отличном новеллисте, рассказчике, поэте в прозе [5, с.11]. Хотя литературовед некоторые положения второго тезиса, в частности мысль о новеллисте, не развил, однако наметил вехи для последующего глубокого анализа текста. Литературовед не видел разницы между новеллой и рассказом, что подтверждает перечислительный порядок, как он называет жанр произведения. Он следует здесь отечественной традиции, заложенной теоретиками советской литературы Е.М. Мелетинским [6], Б.В. Томашевским, который называет термин «новелла международным, а рассказ специфическим русским термином» [7, с. 243]. В одном из относительно последних изданий «Литературной энциклопедии терминов и понятий» [8] отдельное определение жанра новеллы отсутствует, оно относится к жанру рассказ. Есть авторы, которые находят различия между данными жанрами. Согласно «Литературному энциклопедическому словарю» (под ред. Кожевникова В.М. и Николаева П.А.), новелла, поэтизируя случай, предельно обнажает ядро сюжета – центральную перипетию и доводит жизненный материал в фокус одного события. Далее отмечается, что «она сопоставима по объему с рассказом, но отличается от него острым центростремительным сюжетом, нередко парадоксальным, отсутствием описательности и композиционной строгостью» [9]. При этом, несмотря на близость жанров, у них есть свои особенности.

Главными отличительными признаками новеллы от рассказа в отечественной литературе были интрига, занимательность сюжета, неожиданная развязка. Существует множество гипотез относительно отличия и сходства новеллы от русского рассказа. В учебном пособии Е.А. Шкурской, кроме указанных выше особенностей, дана таблица общих и отличительных признаков [10, с. 6–9].

Интерпретация произведения В. Закруткина «Подсолнух» как рассказа широко применяется в школьной практике. В размещаемых в соцсетях учителями русской литературы методических разработках по изучению произведения «Подсолнух» художественные особенности анализируются как присущие жанру рассказа [11]. Современный литературный дискурс даёт более широкое представление о картине мира произведения В. Закруткина «Подсолнух». Наблюдения над его жанровыми особенностями показывают, что в традиционно признаваемом как рассказ произведении есть характерные черты новеллы. Для данного жанра характерны предельная краткость, нейтральный стиль изложения, отсутствие психологизма, действие развивается только на основе интуиции, в которую попал герой, острый, даже парадоксальный сюжет [10, с. 7–12]. И причем в сюжете явственно просматривается «теория сокола», введенная Паулем Хейзе [12]. «Вещественный символизм», обозначавший «соколиную теорию», стал «золотым правилом» сюжета новеллы, которое обязательно должно содержаться как главный художественный признак жанра. Специфический прием, выступающий как «сокол», им могла быть вещь, деталь, определенная как пуант, концентрировал все события в произведении. «Соколиная теория» оказала сильное влияние не только на исследователей времен П. Хейзе. В отечественной науке М.А. Петровский [13] и М. Эйхенбаум [14] считают пуант основным, характерным признаком для новеллистического жанра. Современный исследователь И.О. Шайтанов дополняет состав «вещественности символов» новеллы, принимая «сокола» за хороший метафорический образ. Он считает, что, как и всякая метафора, традиционный образ противится буквальному прочтению: не всегда образ предстает как отчетливый символ, его роль может выполнять «остроумная и своевременная фраза» [15, с.124].

Так расширяется список пуантов. И, таким образом, в совокупности предложенный исследователями новелла предстает как «набор технических приемов», к которым относятся невиданное происшествие, поворотный пункт и персонажи, подчиненные игре судьбы.

Думается, в складывающихся традициях понятия «художественный текст» есть основания связать жанровые особенности произведения «Подсолнух» с новеллистическими традициями, характерными для мировой литературы. Данный подход раскрывает В.А. Закруткина перед читателями и отечественным литературоведением как писателя, продолжившего традиции русской литературы, начатой А.С. Пушкиным.

Подсолнух выступает как пуант, вокруг которого разворачиваются события. Память о сыне, погибшем на войне, хранит семя подсолнечника, который возвращает Отец воина.

Можно ли найти названные выше жанровые особенности в произведении В. Закруткина «Подсолнух»? Можно ли читать рассказ без напряжения, можно ли считать, что действие развивается неспешно? Почему повествование держит читателя в напряжении, в непредсказуемости событий и результатов деятельности героя? От чего зависит судьба созревающего растения: от воли Отца, своеволия, случайных действий людей, от состояния природы: дождя, зноя, холода, суховея и от многих других причин? Является ли пуантом подсолнух, выращенный Отцом? Можно ли считать развязку обыкновенным для произведения: люди прикладывали усилия, выхаживали, оберегали растение, здесь раскрывались истории людей, а какой-то прохожий взял да и оборвал жизнь подсолнечника? Ответив на эти и другие вопросы, тем самым интерпретировать произведение в дискурсе новеллистических жанров? При этом следует отметить, что данный набор приемов, характерных для новеллы, в произведении может быть представлен неполно.

Методологической основой такой интерпретации могут послужить мысли отечественных литературоведов. Например, Е.М. Мелетинский подчеркивал: «Малый формат делает новеллистическую литературу весьма обозримой и дает возможность на её материале представить в миниатюре всемирно-исторический процесс» [6, с.5]. В таком случае определение жанровой природы произведения «Подсолнух» как новеллы позволяет рассматривать этот богатый художественно-эстетическими смыслами текст не только в традициях русской литературы, но и в дискурсе мировой литературы. Новелла – широко распространенный жанр зарубежной литературы. Как и в новелле, переводимой с итальянского языка новость, содержащее новое, чего раньше не было. В рассказе «Подсолнух» действие содержит много нового для героев, соответственно, и для читателей. Так, интенции автора охватывают темы войны и личной судьбы человека: Отца и его сына; калмыка Бадмы, помощника чабана, оказавшегося в ссылке; Доньки, так зовут подпaska в бригаде чабанов. При этом автора интересует не психологическое состояние персонажей, а события, которые разворачиваются вокруг подсолнуха, вызревающего из семени подсолнечника, обнаруженного Отцом в телогрейке сына, погибшего на Зееловских высотах в Германии, на долгом победном пути к Берлину. Поступок Отца, посадившего в безводной степи найденное семя растения, является основной новостью в повествовании. Ранее никто не сажал подсолнечник. Отношение к подсолнуху становится катализатором действий персонажей, даже чувства друг к другу, оказывается, связаны с участием в судьбе подсолнуха. Много лиц задействовано в процессе выращивания подсолнуха. Участие в уходе за растением принимают и зоотехник, и чабан Фока, не веривший в успех дела, персонаж, отсылающий читателя к символической фигуре Фока-неверующего; другие чабаны, оберегая подсолнух, тырлюющие овец (оставляя животных) подальше.

Здесь следует отметить, что новизна в повествовании содержится и в том, что отражена политическая ситуация, сложившаяся в период написания произведения. XX съезд коммунистов вернул в родные места депортированные в восточные районы страны народы, восстановил их государственно-территориальные образования. Были депортированы и калмыки, которые только начали возвращаться из ссылки. В. Закруткин в своих произведениях «Подсолнух» и «Млечный путь» изобразил их равноправными героями, такими же тружениками, как и персонажи из донских степей. Это была огромная моральная поддержка для преступно и несправедливо обвиненного народа.

Подсолнечник как вид аграрной культуры выращивается на юге. Если определить локацию событий произведения В. Закруткина, то она располагается в калмыцких степях. Именно здесь находятся те природные условия, которые предстают со страниц рассказа «Подсолнух». На Дону подсолнечник, хотя и не главная культура в растениеводстве, но приспособлен для выращивания. Данному обстоятельству способствуют благоприятные природные условия. В рассказе калмыцкая степь словно сошла со страниц отчетов попечителей Управления калмыцким народом [16], или с этнографических картин авторов XIX века [17]. В этих документах степь представлена в летнюю пору как опаленная зноем, без капли дождя, с суховеями, несущими песок. Не укрыться в степи, так же как и в зимний буран, налетавший на степь без снега одним только пронизывающим ветром.

Рассказ «Подсолнух», посвященный, казалось бы, труду тружеников сельского хозяйства, менее всего можно было бы отнести к произведениям с необычным сюжетом. Но художественный текст держит всех в напряжении. Именно растение является причиной и одновременно основным событием рядом в суровом быту степняков, полной ожиданием чуда, которое возникает поистине неожиданно. Для самого Отца неожиданным событием, чудом, стало семечко подсолнуха, которое держал в руках его сын. Ожидание держит в напряжении не только действующих лиц, но и читателей, что же произойдет с семечком: взойдет ли оно в засушливой степи? что будет с ростком без влаги? Выдержит ли взошедшее растение суровые условия природы? Поэтому рядовое, обыденное для донских степей явление выглядит необыкновенным для персонажей произведения. Слух об Отце, посадившем семечко подсолнуха, распространился по всей округе.

Подсолнух в центре внимания действующих лиц и читателей. Каждое действие персонажей направлено на поддержку и спасение растения. Неожиданным событием предстает цепь действий, связанных с подсолнухом. И настоящим чудом стал созревший подсолнечник, наполнивший степь золотым цветом, видимый издалека. Отец воскресил память о сыне, а подсолнух высветил скрытые человеческие возможности, проявил достоинство, целеустремленность и богатство природы человека, с которыми мог быть погибший сын.

Это прием необыкновенного, который необходим для новеллы. Так автор «Подсолнуха», не касаясь психологических нюансов поведения, внутренних переживаний, авторских оценок характеров, с помощью необычного события, каким предстает процесс вегетации растения, достигает цели. Само растение, таким образом, оказываясь в центре сюжета, принимает на себя роль «вещественного символа» – пуанта.

Вводя в повествование главную особенность новеллы – «соколиную теорию», писатель наполнил содержание произведения этническими мотивами, незнакомыми для европейского читателя. Своеобразный поэтический прием создал элемент неожиданности и необыкновенности в произведении «Подсолнух», что характерно для

жанра новеллы. И в то же время обогащается стилевая атмосфера, создается романтическая окраска будничных дней, создавая сложный нарратив. Калмыцкие праздники, Цаган Сар (Белый месяц) – праздник Весны, Хонин Сар (Месяц овцы) встречаются в конце мая, продолжается в июне, словно одухотворяют безводную степь, где растительность появляется только на короткое время весной, а летом царит жаркое солнце, обдавая знойным дыханием степных обитателей, осенью дуют сухие ветра, наматывая песок, а зимой пронизывая стужей. В основе мифопоэтики этих разных по верованиям народов лежит нечто общее и незыблемое – преклонение перед силой Природы, природными стихиями, любовь к родной Земле, единение с Природой человека. В рассказе несколько уровней: реалистический, романтический, символический, трагический и оптимистический. В произведении словно живут два символических плана, первый из которых предстает в сравнении автором сына с лазоревым цветком, тюльпаном, который распускается на степных просторах калмыцких и сальских степей. Второй план возникает из образа подсолнуха, который похож на солнце, символизирует художественный образ мирового дерева. Здесь следует заметить, что донские казаки называли калмыков-казаков солнышко. Рассказ «Подсолнух» был переведен на калмыцкий язык в 1959 году и называется «Нарн», что означает «Солнце».

Мы, калмыки, исповедующие буддизм, в то же время сохраняющие традиции поклонения Вечному Синему Небу, можем говорить о смыслах рассказа, рассматривая содержание с позиции тенгрианства. Заметим, что к образу Неба В. Закруткин обратится ещё раз, назвав другой рассказ «Млечный путь». Представляется, что рассказ «Подсолнух» – это произведение с философским подтекстом, причем двух мировых культур – христианской и буддийской. И, когда мы говорим о взаимодействии культур и литератур народов, проживающих в Калмыкии, должны вовлекать в контекст разговора обязательно рассказ Виталия Закруткина «Подсолнух».

Дальнейшее исследование рассказа выявляет новые особенности, характерные для новеллистического жанра. В сюжете новеллы нет дополнительных героев и событий, которые в случае необходимости вводятся так же, как и вставные эпизоды. Данное условие читатель наблюдает в рассказе. По существу герой один – Отец, что соответствует жанру рассказа, а не только новеллы. Но в качестве дополнительного события мы можем назвать эпизоды, связанные с Донькой и Улей. Не желавшая иметь ничего общего с парнем, девушка меняет свое отношение к нему в процессе ухода за подсолнухом. А краткое знакомство с историей злключения Доньки – это пунктиром отраженный эпизод из его жизни, едва не искалеченной судьбы, отражающий период бездумной ранней молодости, человека без жизненного опыта. Образ Бадмы, с которым в повествование входит тема калмыцкой народной культуры [18, с. 118], расширяет дискурс, углубляя гуманистический смысл произведения, создавая самобытное пространственно-временное пространство. В воспоминаниях Бадмы возникает картина пребывания калмыцкого народа в Сибири в годы ссылки. Донские степи, раскинувшиеся на огромных просторах вокруг Дона и прилежавших к нему водоемов, были заселены вольным людом, русскими и калмыцкими казаками, которые на протяжении многих веков мирно соседствовали друг с другом. Однако произведение В. Закруткина следует рассматривать в дискурсе Прикаспийской и Нижневолжской литературы, так как действие происходит именно на землях, примыкающих к этому региону. Художественная локация проистекает на пастбищах Черных земель, расположенных в калмыцких степях, сюда пригоняли на зимовку свои отары животноводы соседних областей, в том числе из Ростовской области.

В автобиографической прозе «От земли к земле. Страницы о себе» (1972–1977) В.А. Закруткин рассказал об истории замысла и создания рассказа «Подсолнух». На Чёрных землях в Калмыкии, куда он прибыл на охоту с друзьями, он увидел засохший ствол подсолнуха, плод был срезан. Чабаны, на чьей стоянке они остановились, рассказали, что старый чабан, в это время он попал в больницу, вырастил подсолнух. Семечко он нашел в телогрейке сына, погибшего на войне. Писатель говорил, что его не покидала мысль написать об этой истории. Так родилось удивительное произведение, наполненное глубокой любовью к человеку, памятью о войне. Сам писатель был корреспондентом фронтовой газеты, участвовал в боевых действиях, брал Берлин в рядах наступающих войск. Награда его не обошла, получил заслуженно орден Красного знамени.

Остается ещё одна неразгаданная проблема. И всё же кем был по своей этнической принадлежности главный герой рассказа «Подсолнух», которого все звали Отец, кто был прототипом старика-чабана. В школьной практике учителя-словесники относят действие рассказа к Ростовской области [19]. Однако учитель русского языка и литературы Л.В. Токарева в методической разработке урока «Мифопоэтические образы и символы в рассказе В. А. Закруткина «Подсолнух» считает, что «по сюжету герои произведения – калмыцкие чабаны (главные герои – Отец, чабан Бадма) и их русские товарищи» [20].

Т. И. Кулинич в своей статье «Незабытая встреча», опубликованной в ежегоднике «Донской временник» за 2012 год (рубрика «Жизнь и творчество донских писателей»), пишет, что прототипом главного героя рассказа «Подсолнух» был Александр Григорьевич Макаренко, чабан из донской станицы Мостовской, которой сейчас нет [21].

Данному вопросу уделила внимание в своей работе д.ф.н. Р.М. Ханинова. Она идентифицирует рассказ с калмыцкой степью и пишет о главном герое как о русском человеке [18, с. 118]. Доктор филологических наук Л.П. Егорова, несмотря на неоднократную идентификацию места действия с калмыцкой степью, тему калмыцкой степи связывает с чабаном Бадмой [22, с. 120]. В 1989 году в Москве Воениздат выпустил произведение «Подсолнух» В.А. Закруткина, в котором издание было представлено как рассказ о судьбе старого калмыка-чабана [23, с. 405–429].

Однако вопрос о прототипе героя оставался открытым. Что касается этнической идентификации главного героя, в рассказе «Подсолнух» есть некоторые детали, которые, как известно, в произведении имеют существенное значение. Так, в повествовании, когда Отец вспоминает сына, перед ним всплывают белесые волосы малыша, явный признак русского происхождения, а в степи слышны дальние звуки колокола, характерные для православной культуры. В. Закруткин не дал четкого определения, какой этнос представляет Отец.

Имеет ли значение вопрос об этнической идентичности? Для читателей произведения высокого художественного мастерства, каким является и рассказ «Подсолнух», значения не имеет, такова природа художественного творчества, общечеловеческого смысла содержания текста в силу ее гуманистического предназначения, пронизывающего чувства человека независимо от его национальной принадлежности. Однако литературная наука должна отвечать и на такие вопросы.

Рассказ «Подсолнух» напоминает историю возникновения песни «Журавли», получившей всенародное признание. Известно, что в тексте слов Р. Гамзатова вначале пелось о джигитах, аварских парнях, не пришедших с полей сражений Великой Отечественной войны. Среди них были два брата Расула Гамзатова. Марк Бернес, певец, прочитав

стихотворение в журнале «Новый мир», восхитившийся его энергетикой, решил записать песню. Бернес обратился к переводчику Гребневу и предложил ему заменить несколько слов в тексте поэта. В частности, вместо «джигитов» певец предложил использовать слово «солдаты», расширяя таким образом аудиторию слушателей, у каждого из которых на Великой Отечественной войне погибли родственники, защищая Родину. Наум Гребнев связался с автором. Расул Гамзатович, у которого не вернулись с войны два брата, согласился с коллегой, и так появился канонический текст, ставший реквиемом о павших солдатах Великой войны. Сам Р. Гамзатов говорил, что на него произвели впечатление два артефакта памяти: журавли как символ жертв атомной бомбардировки в Японии и памятник братьям семьи Газдановых в Северной Осетии, не вернувшимся с полей сражений Великой Отечественной войны, на котором тоже изваяны эти птицы. Песня «Журавли» О. Фельцмана на стихотворение Расула Гамзатова обрела символическое звучание, её поёт не одно поколение потомков воинов той войны.

Есть и другой пример, образ Христа, ставший символом христианства, независимо от конфессиональной направленности. В истории мировой культуры есть одна книга, называемая «Новый завет», благодаря которой образ Мессии, принадлежавший одному народу в книге «Ветхий Завет», стал достоянием многих народов и стран. Этот мессия стал называться Сыном Человеческим. Словно следуя совету этой Книги, в отечественной художественной культуре появились образы и смыслы, ставшие символическими, общими для народов страны, которая называлась Советский Союз. Этот образ воплощал в себе образ защитника Отечества, образ Отца – предтечи Матери в повести В.А. Закруткина «Матерь человеческая» (1965), благословившего детей своих на святое дело – защиту Родины.

Нечто подобное мы видим в рассказе «Подсолнух», в произведении нет указания национальности Отца. Главный герой стал воплощением славянского Небесного и Тенгрианского символа отцовства. Он утверждает смысл жизни человека на Земле, которым является его деятельность. Объект этой деятельности Подсолнух, воспринимаемый как олицетворение Солнца, возвращенное влагой, которую добывает на Земле человек, буквально, его потом/трудом и влагой, даруемой Небом. Так возникает единство Неба и Земли, пространства Солнца и Степи, Человека и Природы, Отца и Сына, Семени и Ребенка, Труда и Плода трудов человеческих, которое и есть бессмертие Жизни. Уходит человек, рождается новое поколение. Жизнь продолжается. В делах, памяти. Произведение утверждает человеческие возможности, упорство, преодоление, сострадание, целеустремленность, порядочность, веру. Это глубоко философское произведение, которое содержит культурные универсалии и смыслы которых предстают в аксиологических концептах независимо от национальной и конфессиональной принадлежности.

В произведении неожиданна развязка. Случайный прохожий срезает головку подсолнуха и, доставляя радость себе, идет дальше. При этом его не интересует, как в степи появился подсолнечник, ему важно, что растение дало плоды. Но с точки зрения непрерывности процесса жизни – семя продолжение процесса природы. Возможно, семена созревшего подсолнуха были бы выклеваны птицами или перенесены ими и ветром на другую почву, какая-то часть семян упала бы на землю, и опять же при благоприятных условиях эти семена могла бы взойти и вырасти. Все указанные процессы есть часть природных процессов. В художественном тексте природный процесс приобретает символический характер и предстает в философском дискурсе.

Отношение Отца к поступку прохожего и реакции на поступок паренька Доньки вписывается в данный дискурс. Отец посадил семечко в память о сыне. Он не знаком с теоретическими вопросами бытия, но он хорошо знает философию самой жизни.

Отец останавливает возмущенного и готового наброситься на прохожего подпаса, впервые обратившись к нему, называя полным именем Евдоким [24, с. 429]. Старый чабан настроенно встретил в своей бригаде парня, осужденного за драку, но мягчел, когда Донька зимой спас ягнят. Отец разломил головку подсолнуха, отдал половину незнакомому прохожему, а другую половину оставляет. Он говорит, что на будущий год они вновь посадят семена подсолнечника, что людям польза будет [24, с. 429–430], к ним относится и случайный прохожий, доставляющий радость себе. А сын Отца погиб ради жизни многих, если не сказать, ради мира на земле, то есть всего человечества. Сын утверждает бессмертие – смертью смерть поправ. Психологическая реальность и фаталистическая неизбежность – вот два символических завершения судьбы сына и подсолнуха. Вот он смысл рассказа: польза/благо для людей и постоянство процесса природы и труда, олицетворяющего непрерывность жизни. И эта жизнь протекает в неразрывном единстве человека и природы, повседневности бытия, одухотворенной памятью человеческой. Философский по своей сути смысл произведения. На отечественной почве произведение, прочитанное в дискурсе современной литературы, предстает новаторским.

Таким образом, произведение В.А. Закруткина «Подсолнух» относится к малому повествовательному жанру, в котором через изображение неожиданного, необычного события раскрыта гуманистическая сущность главного героя – Отца, его товарищей, как старшего, так и младшего поколения. В произведении присутствует пуант, им выступает подсолнух, вокруг которого разворачивается действие. «Соколиная теория» раскрывает смысл произведения – предназначение человека, посветившего себя служению народу, Родине. Историческая память является связующим звеном между поколениями. Повествование имеет поэтический подтекст, два символических плана объединяют идею взаимосвязи человека и природы, прошлого и настоящего, таят в себе зерна будущего. Содержание рассказа, которое можно интерпретировать и как новеллу, несет в себе глубокий гуманистический и философский смысл: утверждение ценности жизни, природы и человека, обязанность сохранения исторической памяти. Выразительное мастерство В.А. Закруткина, создавшего самобытный художественный текст, наполненный культурными ценностями, позволяет говорить о диалоге культур народов, внесших свой вклад в мировую цивилизацию. А рассказ В. Закруткина «Подсолнух» может свидетельствовать о продолжении в отечественной литературе новеллистической традиции, рожденной и развивающейся в дискурсе мировой литературы.

Творчество писателя Виталия Александровича Закруткина предстает как самобытная авторская философия культуры, которая вписываясь в дискурс отечественной литературы, вступает в культурный диалог народов мира.

Список литературы

1. Виталий Закруткин. «Подсолнух» / «Библиотека журнала «Огонёк» (№ 20). – М., 1958.
2. [Электронный ресурс]: www.chaltlib.ru
3. Николай Манджиев. Сыны степей в творчестве Виталия Закруткина. – Хальмг унн, 2023. – № 38 (18877). – С. 7.
4. В.А. Закруткин. – Библиография. <http://zakrutkin.ru/content/view/9/18>

5. Виталий Закруткин в книгах и жизни. // Закруткин В.А. Собр. соч.: в 4-х т. – Ростовское кн. изд-во. 1977. – Т.1. – 95 с.
6. Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. – М., 1990. – 279 с. – [facetiae//ru](#)
7. Томашевский Б.М. Теория литературы: поэтика. – М., 1996. – 334 с.
8. Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М., 2001. – 1595 с. – [Электронный ресурс]: <http://www/student.ru/view?nikolyykin-an-glan-red-literaturnaia-enziklopediya-terminov-ponyatiy-9c8cafal11f8chtml>
9. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, Н.П. Николаева. – М., 1987. – 752 с. – [Электронный ресурс]: <http://niv.ru/doc/enciklopediya/literature/index>
10. Шкурская Е.А. Новелла в русской и зарубежной литературе. [Текст]: учебное пособие / Шкурская. – Элиста, изд-во Калм ун-та, 2017 – 156 с.
11. [Электронный ресурс]: https://infourok.ru/konspekt_uroka_po_literature_na_temu_zakrutkin_v_a_podsolnuh-16251.htm
12. Ващенко В.И. Теория новеллы в творчестве Пауля Хейзе. – с.169-171. [Электронный ресурс]: [ttp://cyberleninka.ru/article/v/teoriya-novellya-v-tvorchestve-paulya-heyse](http://cyberleninka.ru/article/v/teoriya-novellya-v-tvorchestve-paulya-heyse)
13. Петровский М.А. Морфология новеллы. «Ars poetika / Сб. статей, под ред. А. Петровского, изд. ГАХН. – М. – 1927. – 100 с.
14. Эйхенбаум Б. «О. Генри и теория новеллы». – [Электронный ресурс]: uchebana5.ru / Статья публикуется по изданию: Б.М. Эйхенбаум. Литература. Теория. Критика. Полемика. – Л.: Прибой. – 1927. – 166–209.
15. Шайтанов И.О. Зарубежная литература: эпоха Возрождения. – М. – 1997. – 399 с.
16. Костенков К. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. – С.-Петербург, 1870. – 171 с.; НА РК, Ф-9, оп-1, д. 25, л. 50; Ф-9, оп.1, д.83, л.2 (об.); Ф-1, оп.1, ед.хр. 16, л. 12.
17. Пармен Смирнов. Путевые заметки по калмыцким степям Астраханской губернии. – Элиста: АПП «Джангар», 1999. – 248 с.; [Электронный ресурс]: <http://pravmission-pravorg.ru/files/2013/02/2014-03-16-14-01-18.pdf>
18. Ханинова Рецепция и репрезентация калмыцкой культуры в русской литературе XIX-XX веков. – Элиста: Закруткин В.А. Изд-во Калм. ун-та, 2012. – 220 с.
19. см. напр.: Чернова Е.В. Идеино-художественное своеобразие рассказа В. Закруткина «Подсолнух» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: – <http://festivalю.1september.ru/articles/586397/>.
20. <https://lit.na5bal.ru/kultura/16108/index.html21>.
21. Кулинич Т. И. // Незабываемая встреча. Год 2012-й / Дон. гос. публ. б-ка. Ростов-на-Дону, 2011. Вып. 20. С. 222-223. URL:
22. Егорова Л.П. В семье единой: русская советская проза в её связях с жизнью народов СССР: учебное пособие. – м.: Просвещение, 1986. – с. 120.
23. Закруткин, В. Повести и рассказы / Виталий Закруткин. – М.: Воениздат, 1989. – Из содерж.: Подсолнух: рассказ: [о судьбе старого калмыка-чабана]. – С. 405–430.
24. Закруткин Виталий. Подсолнух // Закруткин В.А. Собрание сочинений в 4-х т – Ростов-на-Дону: Ростовское кн. изд-во. – 1978. – Т.2. – с. 403–409.

М.С. Уланов, М.Е. Тюмидова

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

ФЕНОМЕН БУДДИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 19-18-00118, <https://rscf.ru/project/19-18-00118>*

Исследование посвящено феномену буддийского образования. Основные принципы буддийского образования остаются неизменными и всегда актуальными для человечества. Буддийское образование философски глубоко, но при этом богато практическими наставлениями. Руководствуясь проверенными временем аксиомами традиционного образования, оно считает нравственность основой для познания истины. Исторически сложилось так, что система буддийского образования начиналась с обучения в монастырях. Буддийское образование было тесно связано с монастырем как институциональной основой всей образовательной системы буддизма. Фактически все виды образования, религиозные и светские, в буддийских государствах находились в руках монахов. Установление системы монастырского образования и монастыря как своеобразного университета, несомненно, является одним из самых значительных вкладов буддизма в индийскую традицию образования. В знаменитых буддийских университетах Индии монахи обучались не только буддийскому учению, но и светским наукам и искусствам, благодаря чему в буддийской среде появились талантливые философы, поэты, деятели искусств. Центральная определяющая характеристика буддийского образования выражается в тройственном подходе к образованию, включающем в себя нравственность, медитацию и мудрость. Познание истины является результатом ясного и сосредоточенного ума, воспитанного длительной медитацией. Такая ясность ума и сосредоточенность, в свою очередь, естественным образом возникают из нравственности, обретаемой в результате ведения праведной жизни.

Ключевые слова: буддизм, образование, буддийское образование, монастырское образование, Индия, буддийские монастыри, Наланда, Четыре Благородные Истины.

M.S. Ulanov, M.E. Tuymidova

Kalmyk state university named after B.B. Gorodovikov

THE PHENOMENON OF BUDDHIST EDUCATION

The research is sponsored by Russian scientific fund № 19-18-00118, <https://rscf.ru/project/19-18-00118>

The article is devoted to the study of the phenomenon of Buddhist education. The basic principles of Buddhist education remain unchanged and are always relevant for humanity. Buddhist education is philosophically deep but rich in practical teachings. Guided by the time-tested axioms of traditional education, it considers morality the basis for knowing the truth. Historically, the system of Buddhist education began with teaching in monasteries. Buddhist education was closely associated with the monastery as the institutional basis of the entire educational system of Buddhism. In fact, all forms of education, religious and secular, in the Buddhist states were in the hands of the monks. The establishment of the system of monastic education and the monastery as a kind of university is undoubtedly one of the most significant contributions of Buddhism to the Indian tradition of education. In the famous Buddhist universities in India, the monks studied not only Buddhist teachings, but also secular sciences and arts, thanks to which talented philosophers, poets, and artists appeared in the Buddhist environment. The central defining characteristic of Buddhist education is expressed in the threefold approach to education, which includes morality, meditation and wisdom. The awareness of

truth is the result of a clear and concentrated mind, cultivated by prolonged meditation. Such clarity of mind and focus, in turn, naturally arise from the morality that comes from leading a righteous life.

Key words: *Buddhism, education, Buddhist education, monastic education, India, Buddhist monasteries, Nalanda, Four Noble Truths.*

В последние годы в нашей стране усилился интерес к теме образования и воспитания нового поколения на основе традиционных духовно-нравственных ценностей. Вопрос духовно-нравственного воспитания и образования молодежи сегодня имеет особую актуальность и является предметом озабоченности не только государства, но и широкой общественности. Тема традиционного образования и воспитания не только находит свое отражение в педагогических исследованиях, но и все чаще становится предметом оживленных дискуссий в обществе.

Важность духовно-нравственного возрождения российского общества актуализирует обращение не только к светским, но и к религиозным традициям отечественного образования, в частности, к опыту буддийского образования.

Основные принципы буддийского образования остаются неизменными и всегда актуальными для человечества. Оно философски глубоко, но при этом богато практическими наставлениями. Руководствуясь проверенными временем аксиомами традиционного образования, оно считает нравственность основой для познания истины. Такое «истинное знание», согласно буддизму, дает свободу и освобождение от страданий бытия.

Зарождение буддийского образования

Исторически сложилось так, что система буддийского образования начиналась с обучения в монастырях. Буддийское образование было тесно связано с монастырем как институциональной основой всей образовательной системы буддизма. Фактически все виды образования, религиозные и светские, в буддийских государствах находились в руках монахов. Изначально статус монаха-ученого, монаха-просветителя, был достаточно высок, и поэтому монашеская община привлекала в свои ряды немало творческих и талантливых людей.

Возникнув в Древней Индии, буддизм не мог не впитать некоторые добуддийские брахманистские элементы образования. Буддийская система образования в определенном смысле построена по образцу брахманистского образования. Например, как в брахманистской, так и в буддийской системах образования существовали близкие отношения между учителем и учеником, которые предвлялись специальной религиозной церемонией. Правила первого и последнего рукоположения (пабаджа и упасампада) применялись в буддийской системе образования по аналогии с системой брахманизма [14, р.394–397].

Однако, несмотря на отдельное сходство, между буддийским и брахманистским образованием существовали различия, касающиеся целей, курса обучения, а также организационной модели и т.д. Так, основой брахманистского образования была домашняя система образования, при которой ученики жили со своим учителем в его доме. Традиция буддийской системы образования – это прежде всего традиция монастырская, хотя система домашнего образования в буддизме также существовала, но была связана главным образом с тантрической практикой. В целом же буддийская система образования функционировала в рамках режима монастырской жизни. Это привело к тому, что в рамках индийской буддийской традиции сформировалась своеобразная система образования, которая привлекала студентов из разных уголков Азии [подр.: 15]

Фактически буддийское монастырское образование началось с разрушения домашних связей как отправной точки. Итогом эволюции буддизма стало появление крупных образовательных учреждений, контролируемых коллективом учителей. В то же время необходимость домашней среды в рамках брахманистской модели образования не способствовала эволюции маленькой школы под руководством отдельного учителя в более крупные учебные заведения, как это было у буддистов. Именно в обучении монахов и послушников в монашеских организациях можно увидеть реальную систему буддийского образования. Учитывая изначально демократический характер буддизма, буддийское образование исключало дискриминацию по варно-кастовому, расовому или этническому принципу.

В то же время системы образования в монастырях и среди простого народа, естественно, имели отличия. Хотя Будда просил своих учеников проповедовать среди мирян, последних не принимали в монастырские школы. Они могли получить полное духовное образование, только приняв постриг. В то же время миряне в Древней Индии получали религиозные знания под руководством отдельных буддийских монахов. Однако эта практика не была широко распространена, что и стало одной из причин упадка буддизма в Индии. По мнению Г.Померанца, положение буддистов-мирян в Индии напоминало статус оглашенных в истории раннего христианства. Это были не столько буддисты, сколько люди, симпатизирующие или сочувствующие буддийскому учению. Их религиозная жизнь в миру получала достаточно условную, очень неполную санкцию [8, с.424].

Формирование системы монастырского образования

Крупные образовательные учреждения впервые возникли в древней Индии в тесной связи с буддийскими монастырями. Уже в раннем буддизме подчеркивалась жизненная важность систематического обучения молодых монахов, которые должны были обучаться в течение десяти лет не только духовным практикам, но и изучению священной литературы, что требовало хорошего знания языка (пали и санскрита), логики и философии.

Содержание и пожертвование буддийских монастырей как акт духовной заслуги осуществлялись королями, князьями и богатыми купцами Древней Индии. Благодаря их покровительству и щедрой поддержке многие буддийские монастыри смогли построить большие прекрасные здания, в которых можно было не только вести монашескую жизнь, но и проходить обучение.

Несомненно, очень скоро монастыри стали не только религиозными учреждениями, но и образовательными центрами. В учебной программе основное внимание уделялось двум вещам – нравственности и философии. Другими словами, в буддийском образовании преследовалась двойная цель: духовно-нравственное и интеллектуальное развитие. Ожидалось, что монашеская община будет следовать высоким стандартам нравственной дисциплины и обладать глубокими знаниями буддийской религиозной философии. Последнее было важно не только для духовного самосовершенствования монахов, но и для защиты буддийской традиции от оппонентов, поскольку в Индии была распространена практика философских диспутов, в ходе которых побежденный переходил в веру победителя.

В целом учебная программа монахов и монахинь основывалась на основных разделах буддийского канона, который включал в себя три раздела: Винаю, Сутру, и Абхидхарму. Сутры представляют собой непосредственные проповеди Будды. Они предназначались прежде всего для слушания, чтения и медитации. Виная представляет правила и предписания монашеской жизни. И, наконец, Абхидхарма являлась философско-метафизической интерпретацией буддийского учения. Абхидхарма представляла собой работы

ученых раннего индийского буддизма [5. С.32–33]. В древней Индии, вероятно, существовало несколько разных версий Абхидхармы, но со временем сохранились только две версии Абхидхармы – Сарваствивада Абхидхарма и Тхеравада Абхидхарма. Абхидхарма Сарваствивады связана с текстами буддизма Махаяны, а Абхидхарма Тхеравады – с текстами Тхеравады.

Постепенно буддийские монастыри превращались в крупные образовательные учреждения, а также в центры культуры и философии, которые соответствовали потребностям и интересам интеллектуальной элиты общества. Некоторые из них превратились в своеобразные университеты, ставшие первыми систематическими образовательными учреждениями в древней Индии. В знаменитых буддийских университетах Индии монахи обучались не только буддийскому учению, но и светским наукам и искусствам, благодаря которым в буддийской среде появились талантливые философы, поэты, деятели искусств. Кроме того, монахи должны были изучать логику, участвовать в философских дебатах, чтобы углублять свои знания и понимание буддийского учения [подр.: 7].

Установление системы монастырского образования и монастыря как своеобразного университета, несомненно, является одним из самых значительных вкладов буддизма в индийскую традицию образования. Самым известным центром обучения в эпоху раннего буддизма был город-университет Такшашила или Таксила, куда привлекались авторитетные ученые из самых разных и отдаленных частей Индии, таких как Бенарас, Раджагаха, Косала и т.д. Слава Таксилы произошла благодаря его учителям, многие из которых упоминаются в источниках как «всемирно известные». Первоначально Таксила был брахманистским учебным заведением, где обучали знанию Вед, грамматике, философии, медицине, астрологии, торговле, ведению сельского хозяйства и т.д. А в первые века н.э. Такшашила стал важнейшим центром буддийского образования, где сформировалась махаянская ветвь буддизма [подр.: 12].

Среди буддийских университетов средневековой Индии самым известным центром образования был монастырь Наланда. В университете Наланда жили и учились такие выдающиеся буддийские ученые, как Дхармапала, Дигнага, Дхармакирти, Джаясена и др. Курсы обучения в Университете Наланды представляли собой открытую систему образования. Программа обучения в Наланде охватывала широкий спектр дисциплин, там изучались все основные буддийские и небуддийские философские течения Индии, священные и светские предметы, различные науки и искусства. Это также был величайший образовательный центр для изучения буддийской логики и философии. Многочисленные ученики и преподаватели Наланды жили академической жизнью, были людьми большой учености, которые при этом строго соблюдали нравственные предписания и правила монастыря. Можно сказать, что университет Наланды представлял собой самое известное и авторитетное высшее учебное заведение в буддизме [10, с.199–201].

Вслед за Наландой в Индии стали появляться и другие буддийские университеты, в системе образования которых было достаточно много как религиозных, так и светских предметов. Так, университет Валабхи был центром изучения традиции хинаяны, который конкурировал с Наландой, где процветала махаяна. Ведущими буддийскими учеными университета были Стхирамати и Гунамати. Как и Наланда, Валабхи также давал высшее образование и по светским предметам. Кроме Наланды и Валабхи, известным центром образования был монастырь Викрамашила [13, р. 352–353].

В последующем в результате мусульманских набегов и завоеваний буддийские монастырские университеты Индии пришли в упадок. Однако система буддийского монастырского образования, выработанная здесь, не исчезла, а распространилась в

других странах. Прежде всего, это касается Тибета, в крупных монастырях которого изучались такие предметы, как философия, медицина, астрология, языкознание и т.д. Однако основное внимание все же уделялось изучению философии. Большой славой здесь пользовались философские факультеты четырех главных монастырей традиции Гелуг: Таши Лунпо, Дрепунга, Гандена и Сэра [подр.: 1]. Образовательная система тибетской традиции Гелуг позже распространилась в монгольском, бурятском и отчасти в калмыцком буддизме, где также существовали монастырские университеты и школы.

Специфика буддийского образования

В буддийской концепции образования обучение не является целью. Оно есть процесс, ведущий к духовной самореализации. При этом большое внимание уделяется индивидуальным способностям и наклонностям ученика. В соответствии с этим корректировался и учебный процесс. В этом смысле буддийское образование было не только универсальным, но и личностно-ориентированным.

В сутрах говорится о том, что Будда ученика наставляет так, чтобы тот направил определенный образом свое сознание. Обучение состоит в том, что учитель делится обретенными постижениями или «вдохновляет» ученика. Он доносит учение личным примером и личным состоянием. Образование в буддизме понимается как осуществление прирожденной потребности в счастье, как продвижение ученика от страдательного, омраченного состояния к состоянию безупречного счастья или просветлению. Данное продвижение и просветленное состояние не могут быть получены извне, как некий дар или благословение. Просветление – это прежде всего плод собственных усилий, оно должно быть осуществлено только самим учеником, которого вдохновляет и наставляет подлинный духовный наставник.

Очень важна была роль учителя. Система буддийского образования уделяет особое внимание почитанию учителя и гармоничным отношениям между учителем и учеником. Ученики обычно сопровождали учителя повсюду, помогая и прислуживая ему в повседневной жизни. Учителя стремились привить учащимся этикет, нравственную дисциплину и мудрость. В то время как формальное западное образование сосредоточено на отношениях между учителем и их учениками в течение определенного класса или периода, буддийская система образования делает упор на установление пожизненных отношений между учениками и их учителем. «В канонических текстах и религиозно-философских трактатах сложился образ духовного учителя как ключевого звена в процессе религиозного совершенствования» [11, с.128].

Четыре Благородные Истины как фундамент буддийского образования

Основной целью образования в буддийской традиции является обретение подлинного счастья или состояния, которое характеризуется полной трансформацией личности. В традиции Тхеравады такого рода состояние называют освобождением, в традиции Махаяны – просветлением. Чтобы обрести освобождение или просветление, необходимо выполнить определенные задачи, тесно связанные с учением о Четырех Благородных Истинах.

Во-первых, человек должен осознать реальное положение вещей в мире, понять, что жизнь характеризуется страданием. Страдания, согласно буддийскому учению, можно разделить на три типа: страдание от боли, страдание перемен и сложное, всепроникающее страдание. Страдание от боли – это то, что люди обычно считают телесным или душевным терзанием. Второй тип страданий называется страданием от перемен – это то, что обычно воспринимается как наслаждение. Буддизм исходит из того, что счастливые эмоции и приятные жизненные обстоятельства не вечны.

Изменяясь, это производит боль, страдание, несчастье. Третий тип страдания называется сложным, всепроникающим страданием. Он называется так, поскольку охватывает все формы сансарического существования. Данный вид страданий заключается в наличии «загрязненных» психофизических совокупностей, т.е. в обретении тела и сознания под властью кармы и неведения. Согласно буддизму, он является основанием для первых двух типов страданий. Отмечается, что данный тип страданий наиболее трудно распознать. Указывается, что нет никакого способа избавиться от этого типа страдания, кроме как пресечь цепь перерождений [3, с.20].

Далее человек должен провести анализ причин этого положения (Вторая Благородная Истина). Согласно традиции Тхеравада, основной причиной страданий является «жажда» (пал. *танха*) или страстная привязанность, проявляющая себя разными путями, которая дает рост всем видам страдания живых существ и их непрерывному проявлению. При этом привязанность понимается предельно широко. В данное понятие входит и отвращение как обратная сторона привязанности [9]. В махаянской традиции главной причиной страданий называют неведение. Указывается, что на основе неведения возникают и другие причины страданий, такие как гнев, привязанность, гордыня и т.д. [2, с.13].

Третья Благородная Истина утверждает о прекращении страдания. О ней в «Сутре запуска Колеса Учения» говорится, что пресечение – это «окончательное затухание и прекращение, отречение, отбрасывание, освобождение, и оставление именно этого пристрастия» [4]. В соответствии с ней человек должен осознать собственную идеальную цель как прекращение страданий.

И, наконец, в соответствии с Третьей Благородной Истиной человек должен встать на Путь, ведущий к освобождению от страданий. В традиции Махаяны задача освобождения от страданий распространяется на все живые существа. Для осуществления такого махаянского Пути используются специальные практики для зарождения любви и сострадания, которые необходимы для выработки бодхичитты – устремленности к состоянию просветления на благо всех живых существ.

Образование и учение о мудрости

Буддизм стремится к полной реализации человеческого потенциала через изучение и понимание ума и всех его состояний. Слово «Будда» переводится как «пробужденный или просветленный». Следовательно, буддизм – это теория и практика пробуждения, которое, в свою очередь, подразумевает под собой понимание вещей такими, какие они есть на самом деле, понимание их подлинной пустотной природы.

Парадигма, провозглашающая, что все существа обладают врожденной способностью к мудрости и просветленному разуму, лежит в основе буддийской мысли. Таким образом, цель обучения состоит в том, чтобы пробудить этот врожденный потенциал просветленности; реализовать врожденную мудрость – мудрость, которая характеризуется свободным от омрачений и заблуждений умом. При этом в Махаяне данная мудрость обязательно соседствует с сострадательным отношением ко всему живому.

Итак, ключевая задача буддийского образования – пробудить изначальную внутреннюю мудрость в человеке. Это достигается не столько получением учениками некоего набора внешних знаний, сколько предоставлением им инструментов, с помощью которых они активизируют свой собственный потенциал. Одним из таких инструментов для познания истины является медитация.

Медитация – это средство преобразования ума. За тысячелетия в буддийской традиции было разработано бесчисленное количество медитативных практик. Однако в основе всех них лежит культивирование спокойного и позитивного состояния ума [подр.: 6].

Таким образом, цель состоит не в том, чтобы диктовать и навязывать известные истины, а в том, чтобы обнаружить изначальную истину внутри себя. Такое образование не столько учит человека, сколько позволяет увидеть и устранить невежество, затемняющее благие качества ума. Короче говоря, буддийское образование должно обеспечивать средства и среду, которые способствуют самопознанию, поощряют подлинное, прямое понимание и воспитывают желание приносить пользу миру.

В буддизме отмечается, что у каждого человека есть потенциал для реализации состояния абсолютной мудрости, поскольку оно является неотъемлемой частью нашей природы, а не чем-то, что можно получить извне. Поэтому, если человек прорывается сквозь завесу неведения, он осознает абсолютную мудрость, которая является неотъемлемой частью нашей природы. Таким образом, буддизм – это образовательная система, направленная на восстановление нашей внутренней природы Будды.

Данная идея фактически утверждает абсолютное равенство всех людей и живых существ, поскольку каждое живое существо обладает потенциалом для того, чтобы познать высшую мудрость и стать Буддой. Следовательно, нет принципиальной разницы между людьми и даже всеми живыми существами.

Сострадательная забота обо всех живых существах – важная характеристика буддийского образования, потому что мудрость и сострадание в буддизме тесно взаимосвязаны. Считается, что мудрость без сострадания суха и ограничена; а сострадание, лишённое мудрости, часто бывает слепым. Таким образом, человек, получивший подлинное буддийское образование, отличается неослабевающей приверженностью работе на благо всех живых существ. Он отличается стремлением облегчить страдания и принести мир и счастье всем живым существам. Доброта, сострадание и умиротворённость – отличительные черты людей, воспитанных буддийским путем.

Таким образом, центральная определяющая характеристика буддийского образования выражается в тройственном подходе к образованию, включающем в себя нравственность, медитацию и мудрость. Познание истины является результатом ясного и сосредоточенного ума, воспитанного длительной медитацией. Такая ясность ума и сосредоточенность, в свою очередь, естественным образом возникают из нравственности, обретаемой в результате ведения праведной жизни. Итак, нравственность, концентрация и мудрость являются основой образования в буддийской традиции Востока.

Список литературы

1. Барадийн Б. Б. Буддийские монастыри // Альманах Orient. Вып. 1. Буддизм и Россия. – СПб, 1992. – С.61–120.
2. Геше Тубтен Нгаванг. Буддийское вероисповедание. СПб.: Ясный свет, 1993. 24 с.
3. Далай-лама XIV. Доброта, чистота помыслов и проникновение в сущность. – М.: Мир через культуру, 1993. – 277 с.
4. Дхармачакра правартана сутта (Сутта запуска колеса Дхаммы). URL: <http://www.dhamma.ru/canon/sn56-11.htm>
5. Лысенко В.Г. Абхидхарма // Индийская философия: энциклопедия. – М.: Восточная литература, 2009. – С.32–33.
6. Лысенко В.Г. Медитация в буддизме // Индийская философия: энциклопедия. – М.: Восточная литература, 2009. – С.529–535.
7. Нестеркин С. П. Становление буддийской образовательной традиции в Индии // Буддизм и традиционные религии народов России, Внутренней и Восточной Азии. – Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2018. – С.159–170.
8. Померанц Г. Выход из транса. – М.: Юрист, 1995. – 575 с.

9. Торчинов Е.А. Введение в буддологию. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/torchin/buddhism_02.html
10. Урбанаева И.С. Буддийская философия, образование и медитация: актуальность традиции Наланды // Философия образования. – 2015. – № 6(63). – С.199–209.
11. Эрендженова Ю.Ю. Духовный учитель как универсалия тибетской буддийской культуры // Вестник Калмыцкого университета. – 2019. – №2. – С.128–134.
12. Apte D.G. Universities in ancient India. Baroda: Faculty of Education and Psychology. Baroda: Maharaja Sayajirao University, 1950. 64 p.
13. Dutt S. Buddhist Monks And Monasteries Of India: Their History And Contribution To Indian Culture. – London: George Allen and Unwin Ltd, 1962. – pp.352–353.
14. Mookerji R.K. Ancient Indian Education. – Delhi: Motilal Banarsidass Publ., 1969. – 565 p.
15. Sharma S.N. Buddhist Social and Moral education. – Delhi: Parimal Publications, 2011. – 250 p.

И.С. Урбанаева, А.В. Лощенко

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук*

СТАДИАЛЬНОСТЬ КАК ФИЛОСОФИЯ И ПУТЬ В ИНДО-ТИБЕТСКОЙ МАХАЯНЕ

*Статья подготовлена в рамках государственного задания
(проект «Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия
с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии
(с периода распространения буддизма до современности: Россия – XVIII-XXI вв.;
Китай – II-XXI вв.; Тибет – VII-XXI вв.; Монголия – XVI-XXI вв.)», № 121031000261-9)*

Авторы исходят из того, что господствующие тренды философского изучения буддизма (историко-философские исследования и философская компаративистика) ориентированы на рассмотрение буддийской философии безотносительно к системе буддийских практик, а практика буддизма в массовом сознании не подкреплена пониманием ее философской основы. Дано краткое обоснование тезиса о том, что тибетское учение об этапах Пути (Ламрим) выражает основанную на индийских первоисточниках, прежде всего, сутрах праджняпарамиты, универсальную махаянскую концепцию стадийности в двух коррелирующих аспектах – философии, а именно, онтологии пустоты, и Пути, представляемого в виде пяти путей, десяти бхуми, шести парамит.

Ключевые слова: махаяна, буддийская философия, стадийность, Путь, Нагарджуна, мадхьямики, систематическое обучение Дхарме, Ламрим, Цонкапа.

I.S. Urbanaeva, A.V. Loshchenkov

*Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*

STADIAL AS A PHILOSOPHY AND THE PATH TO INDO-TIBETIAN MAHAYANA

*The research was carried out within the state assignment
(project “Transformation of Buddhist Trends and Schools:
History and Experience of Interaction with Religions and Beliefs of Russia, Central and East Asia
(from the Period of Spread of Buddhism to the Present: Russia – 18th – 21st Centuries; China – 2nd – 21st;
Tibet – 7th – 21st Centuries; Mongolia – 16th – 21st Centuries)” № 121031000261-9)*

The authors proceed from the fact that the dominant trends in the philosophical study of Buddhism (the history of philosophy and the comparative philosophy) are focused on the consideration of Buddhist philosophy regardless of the system of Buddhist practices. In its turn, the practice of Buddhism in the mass consciousness is not supported by an understanding of its philosophical basis. A brief substantiation of the thesis is given that the Tibetan doctrine of the stages of the Path (Lamrim) expresses the universal Mahāyāna concept of gradualness based on Indian primary sources, primarily the PrajñāpāramitāSūtras, in two correlating aspects – philosophy, namely, the ontology of emptiness, and the Path, represented in five paths, ten bhūmis, sixparamitās.

Key words: Mahāyāna, Buddhist philosophy, gradualness, Path, Nāgārjuna, Madhyamikas, systematic teaching of Dharma, Lamrim, Tsong-kha-pa.

В изучении философии буддизма со времени Ф.Я. Щербатского наблюдается прева-
лирование историко-философского подхода (В.И. Рудой, О.Ф. Волкова, Е.П. Островская,

Т.В. Ермакова, В.Г. Лысенко, Н.А. Канаева, Е.А. Торчинов, Л.Е. Янгутов и др.) и в его рамках – философской компаративистики (А.С. Колесников, В.К. Шохин, Ч.Э. Алиева, С. Радхакришнан, П.Т. Раджу, Б. Матилал и др.). Кроме того, заметен большой интерес современных исследователей к буддийской логике и эпистемологии¹. Наряду с этими главенствующими философскими трендами в международный буддологический дискурс в последние десятилетия благодаря фактору широкого распространения тибетского буддизма стали вводиться переводы тибетских текстов класса «Ламрим». Эти переводы на европейские языки выполняются, как правило, буддийскими неопитами² при консультировании со стороны тибетских лам. Значительная часть этих переводов «Ламрим» была выполнена в связи с беспрецедентной серией учений по Ламриму, которые его Святейшество Далай-лама XIV Тензин Гьяцо дал в великих тибетских монастырях школы гелуг на юге Индии в 2012-2015 гг.³

У академических исследователей буддийской философии тексты «Ламрим» до сих пор не вызывают особого интереса. Да и в представлениях самих практикующих буддистов буддийская философия, связываемая с великими текстами Нагарджуны, Арьядевы, Асанги, Буддапалиты, Чандракирти, Шантидевы и других индийских носителей Дхармы, с одной стороны, и учение об этапах Пути, воспринимаемое главным образом как практическое руководство, с другой стороны, представляются отдельными массивами знаний, связь между которыми не очевидна. Многие последователи тибетской махаяны считают даже достаточным для своей практики опору только на учение Ламрим⁴. Они не понимают, почему нужно знать классические философские тексты индийских авторов, считая, что их нужно изучать лишь тем, кто стремится стать учеными и получить степень «геше»⁵. Но Его Святейшество Далай-лама Тензин Гьяцо во время публичных учений, обращаясь к «традиционным» буддистам (Тибета и монгольского мира), всегда настаивает на том, что недостаточно одной лишь веры и нужно изучать философские первоисточники буддизма и размышлять над ними, что это относится не только к монахам, но и светским людям. Он указывает своим последователям, что, хотя, безусловно, вера очень важна, «слепая» вера в Будду и своего духовного наставника отнюдь не достаточна для эффективной практики Дхармы и достижения сотериологических целей. Тем не менее в массовом сознании буддистов, как и в буддологической литературе, буддийская философия и Путь воспринимаются все еще по-отдельности.

Почему же содержание классических философских текстов буддизма так значимо для его практики и реализации сотериологических целей освобождения и просветления? Чтобы осознать это, следует раскрыть глубинную связь, соединяющую философию как выражение теоретической Дхармы (*lung-chos*) и Путь как выражение практической Дхармы (*rtogs-pa'i-chos*).

В Тибете и монгольском мире учение об этапах Пути, Ламрим, исторически стало магистральной религиозной традицией. В обосновании *постепенного Пути* в формате Ламрима особую роль сыграл Чжово Атиша (982–1054), великий индийский пандита, которого дхармараджа Западного Тибета Чанчуб О пригласил в Тибет и обратился к

¹См. обзорную статью Н.А. Канаевой [2015].

²Имеются в виду не «традиционные» буддисты, а те, кто стал последователями тибетского буддизма на Западе и в России, принадлежа по происхождению к иной конфессиональной среде.

³Далай-лама дал передачу (*lung*) и комментарии к восемнадцати текстам-комментариям «Ламрим», включая три текста Ламы Цонкапы [13; 14; 15] и другие из «восьми великих текстов Ламрим» школы гелуг.

⁴Для людей, в старости приступившим к буддийским практикам, такой подход является оправданным, как объясняется в устной тибетской традиции трансляции Учения.

⁵Ученая степень, равнозначная «доктору буддийской философии».

нему с просьбой защитить «диких, необузданных тибетских учеников» посредством учения о карме, а также дать учение, которое Атиша «сам воспринял сердцем, учение, являющееся целостным изложением Слова Будды, в единстве Сутры и Тантры, вместе со всеми комментариями, которое безошибочно представляло бы полный Путь и являлось удобным для практики» [7, с. 55]. В автокомментарии Атиши к «Светильнику на Пути Просветления» говорится, что в этой просьбе также прозвучало:

Здесь в Тибете есть личности, которые ошибочно интерпретируют махаянский путь Учения Будды. Гуру и Благие Друзья спорят, словно раскачиваются на качелях, о вещах, в которых ничего не понимают. Все они выдвигают собственные доводы и предположения в анализе Глубинного Воззрения и Обширной Практики. Так много разногласий во всем. Прошу вас прояснить эти сомнения для нас! [12, р. 18].

В силу этой просьбы, сделанной ради «пользы всей тибетской нации», Атиша сочинил лаконичный текст «Светильник». В нем целостное учение Будды упорядочено в виде этапов Пути трех личностей – низшей, средней и высшей. И это сочинение Атиши стало первоисточником трех текстов «Ламрим» Чже Цонкапы и множества гелугпинских комментариев к нему [2; 5; 7; 8; 9; 20], а также «Ламримов» других тибетских школ (3; 6; 10 и др.). Традиция Ламрим была исторически воспринята также в монгольском мире как главное практическое руководство по буддизму. Однако Ламрим не является тибетским учением, и он не является *руководством по постепенному пути*, специфическим для школы гелуг, а выражает в подходящей для менталитета тибетцев, а также в не меньшей степени «необузданных» монгольских учеников, универсальную буддийскую концепцию стадильности проповедования, изучения и реализации Дхармы. Эта концепция нашла выражение в индийских первоисточниках – сутрах и шастрах. Но то, что Ламрим является выражением концепции стадильности, имеющей более общий и универсальный характер, не есть нечто очевидное. Поэтому в настоящей статье мы, опираясь на индо-тибетские источники, даем краткое обоснование того, что махаянская концепция стадильности имеет универсальный характер и содержит два взаимосвязанных аспекта – философии и Пути.

Знаменитое молчание Будды после достижения просветления¹ им самим объяснялось тем, что истина, постигнутая им, было настолько потрясающим онтологическим открытием, превосходящим познавательные возможности обычных существ, что он поначалу не решился проповедовать ее. В «Лалитавистара-сутре» (mDo sde kha 187b) об этом говорится так:

После того как прошло немного времени после совершенного просветления, Бхагаван задумался: «Я реализовал глубокую и чистую Дхарму, которая не является объектом лжеглубинного исследования, не является сферой опыта софистов, а подлежит осознанию учеными с тонкой эрудицией и мудрецами. Если я передам это учение другим, то они не постигнут те мои [поучения], и этим я наврежу себе и разочаруюсь». Расстроившись от этого, он решил: «Буду пребывать в одиночестве в уединенном месте, наслаждаясь обретенным состоянием блаженства от созерцаемой Дхармы». (Цит. по: [22, р. 413; 11, с. 227]).

И об этом же Нагарджуна в «Муламадхьямака-кариках»² (XXIV: 12) говорит так:

Поэтому, зная, что существам со слабым умом

Будет трудно постичь глубину этой Дхармы,

Ум Муни отказывался от того,

Чтобы проповедовать Дхарму. [18, р. 36]

---

¹Он молчал также в ответ на метафизические вопросы, потому что они были заданы тоже с обычных логических позиций, и ответ на них также ожидался с этих же, традиционных, позиций дуалистического мышления.

²Далее – ММК.

Непосредственной целью его проповедей, когда он все же начал давать учения, являлась защита учеников от ближайшей опасности, которая им грозила, – падения в низшие миры, а также развитие доверия к нему как к Учителю, способному по-настоящему защитить их и привести к освобождению. Этим объясняется особый прагматизм проповедей Будды: он давал учение в конкретных обстоятельствах, в зависимости от способностей и потребностей учеников. Иногда эта особенность учений Будды ошибочно релятивизируется, когда говорят, что *Дхармы вообще нет; есть только дхарма, изложенная для кого-то, где-то и когда-то* [см.: 1]. Тем самым ставится под вопрос возможность систематизации учений Будды, а также само существование буддийской философии. Кроме того, смысл истины, открывшейся Будде, – т. е. конечный смысл его Учения, – становится проблемой. Тибетский термин «*dgongs-pa*», переводимый как «замысел», «намерение», «смысл», имеет важную герменевтическую нагрузку: он относится к пониманию конечного смысла философского Учения Будды и встречается в названии важнейших сутр и теоретических трактатов: «Сутра распутывания смысла» («Самдхинирмочана-сутра»), «Озарение смысла срединности» (*dBu-ma-dgongs-pa-rab-gsal*) Цонкапы и др.

Что касается «распутывания» конечного философского смысла Учения, то мы считаем принципиально важной точку зрения мадхьямиков, особенно мадхьямиков-прасангиков. С их точки зрения, истину *таковости*, абсолютной природы всех вещей, которая служит противоядием от омраченного неведения, корня сансары, Будда преподавал посредством постепенного метода, применяя *искусные уловки* для тех, кто не в состоянии понять конечный смысл *пустоты* как *таковости* – абсолютной реальности. Нагарджуна обосновал постепенность обучения *пустоте* в связи с «системой достижения освобождения», которая излагается им в ММК (XVIII: 5):

Через истощение кармы и клеш [приходит] освобождение.

Карма и клешы [приходят] из концептуализаций,

А концептуализации – из ментальной игры (активности).

Они пресекаются посредством пустоты. [18, р. 25]

Чже Цонкапа комментирует эти строки так:

Из-за концептуальных установок, соответствующих неправильным ментальным процессам, ум с безначального времени привыкает функционировать так. Из этой привычки возникают различные концептуальные измышления¹. Ум цепляется за них как за истинно существующие вещи: познание и объекты познания; выражение и его референт; сосуд, одежда; мужчина и женщина; обретение и потеря и т. д. Концепт цепляния за истинное существование [и соответствующие измышленные] объекты устраняются посредством *привыкания* к воззрению пустоты. Итак, пустота есть *таковость* (абсолютная природа вещей). Посредством медитации на воззрение пустоты она реализуется (напрямую постигается). Когда в конце медитации исчезают семена клеш, то именно эта пустота совершенного пресечения концептуальных фабрикации называется освобождением и нирваной». [22, р. 313; 11, с. 134].

Прямое постижение *таковости* суть освобождение и нирвана. Но, как объясняют Нагарджуна (XVIII: 7) и вслед за ним прасангики [22, р. 316; 11, с. 137], «*таковость* невозможно никак выразить». Цонкапа объясняет, что «объект функциональной сферы ума» (*sems-kyi-spyod-yul-gyi-dmigs-pa*), или «объект сферы ментального опыта» («объективация сферы ментального опыта») отбрасывается (опровергается) «как нечто абсолютное, на том основании, что в абсолютном [смысле] все феномены суть не

¹Тиб. *spros-pa*

возникшая и не прекращающаяся *дхармата*¹, равная выходу за пределы страданий – нирване: какова нирвана, такова и дхармата» [там же]. Этим объясняется то, что *таковость* невыразима: то, что выражается в языке, не существует в абсолютном смысле и потому отбрасывается (опровержимо): «тому, что не является существующим, будды ни в коей мере не обучали» [там же].

Поскольку ни речь, ни дискурсивный ум не могут напрямую вступить в не возникающую и не прекращающуюся *дхармату*, для того чтобы ученики проникли в глубинный смысл Дхармы, должен быть, согласно мадхьямикам, «постепенный метод принятия нектара *таковости*», объясняющий ее при опоре на относительную истину [22, р. 318; 11, с. 138]. Мадхьямики раскрыли этот постепенный метод обучения пустоте как инструкцию, данную самим Буддой. Так, Чже Цонкапа приводит цитату из «Учения о трех обетах» («Трисамвара-нирдеша-сутра»), где Будда говорит:

Обычные люди спорят со мной, но я не спору с ними, потому что все, что они считают существующим в мире, я тоже формулирую как существующее. Все, что считается в мире несуществующим, я тоже называю несуществующим.

[dKon brtsegs ka 9b. Цит. по: 22, р. 318; 11, с. 138].

Он приводит также слова Арьядевы из «Чатухшатаки» (V: 10):

Кто это – тот, кто [стремится] к счастью, и что это – то, к чему он стремится, – Вначале именно это надлежит объяснить.

Те, кто деградировал, никак не подходят,

Чтобы стать сосудами превосходной Дхармы [22, р. 318; 11, с. 138].

Арьядева в этих строках говорит, что если вначале не объяснять Дхарму в соответствии с тем, что ученики знают, то они могут не стать подходящими «сосудами» для восприятия глубинного учения пустоты. Поэтому вначале Будда проповедовал, применяя *искусные уловки*, чтобы развить в слушателях доверие к себе как к Учителю, и поэтому давал наставления «в согласии с тем, что известно в мире». Цонкапа в «Океане аргументов» также говорит о применении Буддой стадийной системы «систематического обучения» правильному воззрению. Согласно Цонкапе, можно выделить четыре уровня проповедования теоретической Дхармы (*lung-gi-chos*): (1) учение, согласующееся с признанием реальности воспринимаемого; (2) учение о тонком непостоянстве, устраняющее тонкое цепляние за постоянство; (3) учение о том, что в зависимости от двух точек зрения вещи являются реальными или нереальными; (4) учение, отбрасывающее и постоянство, и непостоянство как существующие самосущим способом. Цонкапа пишет:

Этот порядок обучения Дхарме, отвлекая учеников от ложного пути, затем подводит их к благородному пути. Более того, поскольку Дхарма преподается постепенно, то это порядок обучения посредством [системы] направляющих инструкций, или обучение, подходящее к ментальным качествам учеников, поэтому называется систематическим обучением [22, р. 319; 11, с. 139].

Но радикальным противоядием от корня сансары является, согласно Нагарджуне и его последователям, изложенное в сутрах праджняпарамиты учение о самопустоте всего сущего как абсолютной истине. Это учение, которое свободно от крайностей нигилизма, полностью отрицающего существование объектов достоверного познания, и этернализма, преувеличивающего онтологический статус вещей и приписывающего им *истинное существование*. Оно полностью свободно от следов мирских концептов, реифицирующих реальность. Все остальные учения, как объясняют Нагарджуна и прасангики, были преподаны в качестве *искусных уловок*, посредством которых умы

---

¹Тиб. *chos-nyid* – «абсолютная реальность», «таковость», «подлинная природа вещей».

учеников обращаются к Дхарме и приводятся на Путь. Таким образом, теоретическая Дхарма – это, по сути, стадияльная система онтологии, подводящая учеников к постижению пустоты, преподанной во время Второго Поворота Колеса Учения и записанной в сутрах праджняпарамиты, чей смысл был разъяснен в *шести трактатах мадхьямаки* Нагарджуны и других шастрах, комментирующих смысл *срединного воззрения*. В строгом смысле, собственно буддийская философия – это и есть объясненный в мадхьямаке, особенно в версии прасангики, смысл сутр праджняпарамиты. Это учение о пустоте-*рантонг* (rang-stong), объясняемое с позиций диалектики двух истин. Причем при изложении абсолютной истины особое внимание уделяется максимально точной идентификации объекта отрицания и выполнению не-утверждающего отрицания. А при опоре объяснения на относительную истину речь идет о взаимозависимом возникновении в самом тонком смысле: о *номинальной* зависимости и *простом* существовании, тогда как любая форма «истинного существования» отвергается. Остальные философские воззрения, начиная с системы вайбхашики и вплоть до мадхьямики-сватантрики мы можем рассматривать как *искусные уловки*, имеющие, по сути, дело не с абсолютной истиной, а с относительной истиной разных уровней, поскольку они оставляют в той или иной степени реифицированный осадок «истинного существования».

Сам Нагарджуна, хотя и обосновал принципиальную стадияльность Пути в зависимости от уровней постижения пустоты, тем не менее не раскрывал подробно эту стадияльную взаимосвязь философии и Пути. Чандракирти, лидер мадхьямики-прасангики, объяснил стадияльность реализации философского воззрения (пустоты и взаимозависимого возникновения) в корреляции с десятью *бхуми* Пути бодхисаттв. Благодаря раскрытию функциональной стороны онтологической доктрины Будды его «Мадхьямакаватара», возможно, даже в большей степени является востребованной в живой традиции тибетского буддизма, нежели «Муламадхьямака-карика» Нагарджуны, сочинение очень лаконичное и нуждающееся в комментариях. Не менее значимым для индо-тибетской концепции стадияльности является труд «Абхисамаяланкара» Майтреи/Асанги. Здесь подробно объясняется взаимосвязь, имеющаяся между постепенным освоением праджняпарамиты, высшей мудрости, – в виде трех «материнских мудростей», порождающих шраваков, пратьекабудд и будд, – и путями трех колесниц. В этой шастре также дана стадияльная систематизация Пути в виде Пяти Путей, которые коррелируют с определенными ступенями освоения пустоты.

Присутствовавшая еще в раннем буддизме [см.: 19] идея стадияльности проповедования, изучения и практики Дхармы благодаря махаянским философам Индии получила обоснование со стороны внутренней взаимосвязи, имеющейся между онтологией пустоты, которая была выражена Буддой в сутрах праджняпарамиты, и Путем, представляющим процесс реализации Дхармы на пяти путях, десяти *бхуми*, посредством практик трех главных аспектов Пути и шести парамит. Атиша соединил обе линии трансмиссии Учения – глубинную линию (философию и медитацию пустоты) и обширную линию (практики стадияльного Пути бодхисаттв) и переложил эту интегрированную стадияльную презентацию Учения Будды в единстве философии и Пути в функциональный формат Учения, подходящий для тибетских последователей махаяны [12]. Традиция Ламрим, восходящая к Атише и мастерам *кадам* (Дромгонпа и его «сыновья»), содержит квинтэссенцию всего Учения Будды и практическую презентацию стадияльной системы махаянского буддизма в корреляции философии и Пути. Поскольку в текстах традиции «Ламрим» отсутствует подробное философское

обоснование этапов Пути, то Его Святейшество Далай-лама рекомендует обязательное изучение классических философских текстов. С их пониманием стадийная практика обретает большую глубину и силу.

Список литературы

1. Альбедиль М.Ф. Буддизм. – СПб.: Питер, 2007. – 208 с.
2. Гомчен Нгаванг Драгпа. Сущность всех возвышенных рассуждений, известная также как Гомчен Ламирим: Окончательная дверь в практику, составленная на основе этапов пути к просветлению / пер. с англ. Е. Пахно. – Новосибирск: Изд-во Дже Цонкапа, 2015. – 144 с.
3. Дже Гампопа. Драгоценное Украшение Освобождения / пер. с тиб. Бориса Ерохина. – СПб.: Уддияна, 2001, 2018. – 388 с.
4. Канаева Н. А. Исследования буддийской прамавады (эпистемологии и логики) в Западной Европе // Восток (Oriens). – 2015. – С. 179–194.
5. Краткий комментарий на устные наставления в линии Манджушри, именуемые «Ламрим южной линии» / пер. с англ. С. Хоса. – Новосибирск: Дже Цонкапа, 2015. – 80 с.
6. Минлинг Тэрчен Дорджи. Драгоценная лестница. Ламрим школы ньингма. Комментарий достойного Гардже Камтрул Ринпоче / пер. с тиб. и ред. Цепак Ригдзин; пер. с англ. Ф. Маликова. – СПб.: Ясный Свет, 1997. – 250 с.
7. Пабонгка Ринпоче. Ламрим: Освобождение в наших руках (Lam rim nam grol lag bcangs) / Пабонгка Ринпоче. Изд. тиб. текста: Триджанг Ринпоче; пер. с тиб., вступ. статья и коммент. И.С. Урбанаевой. – Т. I, кн. 1. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008, – 192 с.
8. Панчен-лама Лосанг Еше. Ламрим «Быстрый путь к всеведению»: Обнаженное руководство по этапам пути просветления / пер. с тиб., коммент. и прил. А.В. Лощенкова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. – 224 с.
9. Панчен-лама Первый Лобсанг Чокьи Гьялцен. Обнаженное руководство по этапам пути к Пробуждению – путь блаженства, ведущий к всеведению / пер. с тиб. Б. Лудандагбын. – Новосибирск: ООО «Издательство Дже Цонкапа», 2013. – 114 с.
10. Патрул Ринпоче. Слова моего всеблагого учителя. Устные наставления по предварительным практикам учения Дзогчен Лонгчен Нингтиг. – СПб.: Уддияна, 2004. – 536 с.
11. Цонкапа Лосанг Драгпа. Океан аргументов: Большой комментарий к тексту Нагарджуны «Mūlamafhyamakārikā» (гл. IX–XXVII) / пер. с тиб., исслед. и прил. И.С. Урбанаевой. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2021. – 310 с.
12. Atīśa. A Lamp for the Path and Commentary / trans. and annot. by Richard Sherburne, S.J. – London-Boston-Sydney: George Allen & Unwin LTD, 1983. – 240 p.
13. rJe Tsong-kha-pa blo-bzang grags-pa. Mnyam-med tsong-kha-pa chen-pos mza-dpa'i byang-chub lam-rim che-ba bzhugs-so // Byang-chub lam-gyi rim-pa'i khrid-yig (Glegs-bam dang-po). – Yongzin Lingsan Labrang, 2012a. – P. 27–792. (тиб.)
14. rJe Tsong-kha-pa blo-bzang grags-pa. Byang-chub lam-rim 'bring-po // sKyes-bu gsum-gyi nyams-su blang-ba'i byang-chub lam-gyi rim-pa bzhugs-so. Byang-chub lam-gyi rim-pa'i khrid-yig (Glegs-bam gnyis-pa). – Yongzin Lingsan Labrang, 2012b. – P. 71–387. (тиб.)
15. rJe Tsong-kha-pa blo-bzang grags-pa. Lam-rim-nyams-mgur-bzhugs-so (lam-rim-bsdus-don) // sKyes-bu gsum-gyi nyams-su blang-ba'i byang-chub lam-gyi rim-pa bzhugs-so. Byang-chub lam-gyi rim-pa'i khrid-yig (Glegs-bam gnyis-pa). – Yongzin Lingsan Labrang, 2012c. – P. 393–398. (тиб.)

16. Matlal Bimal. (1991). “Pluralism, Relativism, and Interaction between Cultures” // *Culture and Modernity: East-West Philosophic Perspectives* / ed. by Eliot Deutsch. Honolulu: University of Hawaii Press. – P. 141–161.

17. Raju P. T. (1997). *Introduction to Comparative Philosophy*: Reprint ed. – Delhi: Motilal Banarsidass. – 364 p.

18. dPal-mgon-‘phags-pa-klu-sgrub (2016) (автор – Прославленный Покровитель Арья Нагарджуна) // *dBu-ma-rtsa-ba’i-tshig-le-ur-byas-pa-shes-rab-ces-bya-ba-bzhugs-so* (название текста – *Коренные строфы о срединности*: текст, называемый *Мудростью*). Ser-byes-rig-mdzod-chen-mo-gra-tshang (издатель: Великая сокровищница знаний – дацан Сера Дже). – 47 p. (тиб.)

19. Strenski, Ivan. (1980). “Gradual Enlightenment, Sudden Enlightenment and Empiricism” // *Philosophy East and West*. – 1980. – Vol. 30, no. 1. – P. 3–20.

20. The Eighteen Jangchup Lamrim Commentaries. [Электронный ре-курс]. – URL: <https://jangchuplamrim.org> (дата обращения: 05.05.2023)

21. Tuck A. (1990). *Comparative Philosophy and the Philosophy of Scholarship. On the Western Interpretation of Nāgārjuna*. Oxford: Oxford University Press. –127 p.

22. Tsong-khapa-blo-bzangs-grags-pa (автор) (2012). *dBu-ma-rtsa-ba’i-tshig-leur-byas-pa-shes-rab-ces-bya-ba’i-rnam-bshad-rigspa’i-rgya-mtsho-zhes-bya-ba-bzhugs-so* (“Океан аргументов: Большой комментарий к тексту «Муламадхьямакарика», известному как «Мудрость») // *gJe-tsong-kha-ra-chen-ro-i-gsung-‘bum* (Собрание сочинений Чже Цонкапы). – Vol. 15. – Pe cin (место издания): *kh rung-go’i-bodrigs-pa-dre-skrun-khang* (изд-во). – Pp. 1–470. (тиб.)

ОБ АВТОРАХ

Акимова Ольга Владимировна	старший преподаватель кафедры восточных языков Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева (jurychunk@yandex.ru)
Александрова Дарья Владимировна	старший преподаватель кафедры восточных языков ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева» (altaryia@gmail.com)
Бакина Наталья Михайловна	аспирант 2 курса Ивановского государственного университета, кафедра зарубежной филологии (natalyabakina@gmail.com)
Бахаева Лейла Мухарбековна	канд. филол. наук, доц. Чеченского государственного педагогического университета, г. Грозный (blm.99@mail.ru)
Глушко Валентина Васильевна	доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова» (V.V.Ubushaeva@mail.ru)
Дадуева Елена Александровна	доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН) (edadueva@yandex.ru)
Джураев Абдурахим Хочиевич	кандидат философских наук, профессор кафедры общественных наук Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики (Худжанд, Таджикистан) (juraev@mail.ru)
Кипиев Мухамбеткали Куанышкалиевич	Руководитель Атырауского областного историко-краеведческого музея Республики Казахстан, аспирант кафедры всеобщей истории, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (mkipiev@yandex.ru)
Котяева Елена Семеновна	кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы КалмГУ

Лощенков Алексей Вячеславович	кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела философии, ультураологи и религиоведения Федерального государственного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (loshchenkov@mail.ru)
Манджиев Николай Церенович	кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы КалмГУ
Манджиева Элина Борисовна	кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы КалмГУ
Мушаев Владимир Наранович	доктор филологических наук, профессор кафедры калмыцкого языка, монголистики и алтаистики ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (kelen@kalmsu.ru)
Понарядов Вадим Васильевич	кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (vadim.ponaryadov@yandex.ru)
Резвая Анна Дмитриевна	к.э.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления ГАОУ ВО ЛО «ЛГУ им. А.С.Пушкина»
Сердалиева Руфина Рустамовна	старший преподаватель кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева» (rufina_91@list.ru)
Тюмидова Марина Егоровна	кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии и культураологии Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова
Убушаева Ирина Владимировна	кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики», г. Санкт-Петербург, Россия (rostira@mail.ru)
Уланов Мерген Санджиевич	доктор философских наук, профессор кафедры философии и культураологии Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова

Урбанаева Ирина Сафроновна

доктор философских наук, главный научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Федерального государственного учреждения науки Институт монголове-дения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук
(79148335922@yandex.ru)

Эрдниева Эрвена Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы КалмГУ

ABOUT THE AUTHORS

- Akimova Olga Senior Lecturer of the Department of Oriental Languages of the Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russian Federation
(jurychunk@yandex.ru)
- Alexandrova Daria Senior Lecturer of the Department of Oriental Languages of the Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russian Federation
(altaryia@gmail.com)
- Bakina Natalya Postgraduate student of Ivanovo State University, Department of Foreign Philology
(natalyabakina@gmail.com)
- Bakhaeva Leyla Ph.D. philol. Sciences, Associate Professor of the Chechen State Pedagogical University
(blm.99@mail.ru)
- Dadueva Elena Doctor of Philology, Senior Researcher. Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBTS SB RAS), Ulan-Ude, Russia
- Erdnieva Ervena Candidate of pedagogical sciences, associate Professor of the Department of Russian language and General linguistics, Russian and foreign literature, Kalmyk State University
(Ervena_21@rambler.ru)
- Glushko Valentina Doctor of Philology, professor of Germanic Philology departments at Kalmik State University, Elista, Russia
(V.V.Ubushaeva@mail.ru)
- Juraev Abdurahim candidate of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Social Sciences of the Tajik State University of Law, Business and Politics (Khujand, Tajikistan)
(juraev@mail.ru)
- Kipiev Mukhambetkali Head of Atyrau Regional Museum of Local Lore of the Republic of Kazakhstan, postgraduate student of the Department of General History, Kalmyk State University
(mkipiev@yandex.ru)
- Kotyaeva Elena candidate of philological Sciences, associate Professor, Russian language and General linguistics, Russian and foreign literature Department, Kalmyk state University
-

- Loshchenkov Alexey PhD in History, research fellow, Department of Philosophy, Culture and Religious Studies, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
(loshchenkov@mail.ru)
- Mandzhiev Nikolay Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics, Russian and Foreign Literature, Kalmyk State University
- Mandzhieva Elina Candidate of philological Sciences, associate Professor, Russian language and General linguistics, Russian and foreign literature Department, Kalmyk state University
- Mushaev Vladimir Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Kalmyk language, Mongol and Altai studies, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov
(kelen@kalmsu.ru)
- Ponaryadov Vadim Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Komi Scientific Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(vadim.ponaryadov@yandex.ru)
- Rezvaia Anna Leningrad State University named after A.S. Pushkin, Department of State and Municipal Administration, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
- Serdalieva Rufina Senior Lecturer of the Department of English Philology of the Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev
(rufina_91@list.ru)
- Tuymidova Marina Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Philosophy and Cultural Studies Kalmyk State University
- Ubushaeva Irina Ph.D. in Philology, executive teacher of Linguistics and Translation Department at St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Saint-Petersburg
(rostira@mail.ru)
- Ulanov Mergen Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Kalmyk State University

Urbanaeva Irina

DSc in Philosophy, principal research fellow,
Department of Philosophy, Culture and Religious
Studies, Institute for Mongolian, Buddhist and
Tibetan Studies of the Siberian Branch of the
Russian Academy of Sciences
(79148335922@yandex.ru)

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARHEOLOGY

Kipiev M.K.

THE RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH
IN WESTERN KAZAKHSTAN FROM
THE MID-20s – LATE 40s OF the XXth CENTURY 6

Rezvaia A.D.

CIVIL EMPLOYEES OF RUSSIA AND CHINA:
“BROTHERS FOREVER” OR STORIES ABOUT SPECIFICITY? 14

PHILOLOGICAL SCIENCES

Akimova O.V.

TO THE DEFINITION OF THE CONCEPT “VIDEOGAME STREAMER”
IN NETWORK COMMUNICATION 22

Alexandrova D.V.

GLOCALITY AS ONE OF THE TRENDS IN THE DEVELOPMENT
OF NETWORK FOLKLORE (BASED ON THE MATERIAL
OF THE NETWORK FOLKLORE GENRE CHASTUSHKA) 29

Bakina N.M.

COMMUNICATIVE BEHAVIOR OF AMERICAN POLITICIANS 38

Bakhaeva L.M.

GENDER-ORIENTED LEXICAL UNITS AS A REPRESENTATION
OF MALE AND FEMALE IDENTITY
(BASED ON THE MATERIAL OF CHECHEN PAREMIOLOGY) 44

Glushko V.V., Ubushaeva I.V.

MEANS OF IMPLEMENTING THE DEFAMATION STRATEGY
IN POLITICAL DISCOURSE.....50

Dadueva E.A.

EMOTIVE INTENSIFIERS IN CAUSATIVE CONSTRUCTIONS
OF THE BURYAT LANGUAGE 58

Kotyaeva E.S.

“IN MY NATIVE LANGUAGE”: TO THE ISSUE OF INTERPRETATION
THE COLLOQUIAL POETIC SYLLABLE OF D.N.KUGULTINOV 65

Mandzhieva E.B., Erdnieva E.V.

NATIONAL-CULTURAL SPECIFICITY OF SPEECH GENRES
OF EVERYDAY COMMUNICATION
(ON THE EXAMPLE OF SPEECH BEHAVIOR OF KALMYKS) 73

Ponaryadov V.V., Mushaev V.N.
SYNTHETIC AND ANALYTICAL SUBORDINATION
IN THE MAMLUK-KIPCHAK MILITARY TREATISE “MUNYAT AL-ĠUZĀT” 81

Serdaliev R.R.
ON THE DEFINITION OF THE CONCEPT OF "OPINION LEADER"
IN NETWORK COMMUNICATION 92

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Juraev A.H.
NATIONAL CULTURE IN THE CONTEXT OF WORLD, MASS,
GLOBAL AND GLOBALIST CULTURE..... 102

Mandzhiev N.Ts.
THE STORY “SUNFLOWER” BY V.A.ZAKRUTKIN IN THE DISCOURSE
OF WORLD LITERATURE: PECULIARITY OF THE PHILOSOPHY OF CULTURE.... 113

Ulanov M.S., Tuymidova M.E.
THE PHENOMENON OF BUDDHIST EDUCATION..... 124

Urbanaeva I.S., Loshchenkov A.V.
STADIAL AS A PHILOSOPHY AND THE PATH
TO INDO-TIBETIAN MAHAYANA 132

ABOUT THE AUTHORS 143

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК КАЛМГУ»

1. Для издания принимаются ранее не опубликованные в других печатных или электронных изданиях авторские материалы – научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, соответствующие научным специальностям: исторические науки и археология, филологические науки, философские науки.

2. Автором (ами) в редакцию предоставляется обязательный печатный и идентичный ему электронный пакет документов:

– текст статьи на русском или английском (с переводом) (печатный вариант статьи подписывается всеми авторами);

– анкета автора (и соавторов);

– заявление автора о праве использования научной статьи в рецензируемом журнале;

– справка с места учебы (для аспирантов).

В статью должно быть включено следующее:

– индекс УДК (располагается в начале научной статьи отдельной строчкой слева);

– индекс ББК (располагается в начале научной статьи отдельной строчкой слева);

– фамилия, имя, отчество полностью на русском и английском языках;

– ученая степень, ученое звание, наименование и шифр научной специальности (по номенклатуре), по которой автор проводит диссертационное исследование, на русском и английском языках;

– аспирантами, докторантами, соискателями, преподавателями вузов указывается кафедра, учебное заведение (магистранты указывают направление подготовки) на русском и английском языках;

– должность, место работы, город, страна на русском и английском языках;

– e-mail;

– название статьи на русском и английском языках (заглавными буквами, шрифт TNR 14, выравнивание по центру);

– аннотация на русском и английском языках (шрифт TNR 14, начертание – курсив, выравнивание по ширине, не менее 600–800 знаков без пробелов);

– ключевые слова на русском и английском языках (10–12 слов или словосочетаний из двух или трех слов, через запятую, шрифт TNR 14, начертание – курсив, выравнивание по ширине);

– статья должна содержать список литературы (15–30 позиций). На каждую статью или монографию должна иметься отсылка в тексте статьи.

Требования к оформлению текста:

Объём текста статьи от 20 000 до 25 000 знаков, включая пробелы.

Набор текста осуществляется в формате MS Word. Гарнитура шрифта Times New Roman. Размер основного шрифта – 14 кегль. Межстрочный интервал для текста – одинарный. Абзацный отступ 1,25 одинаковый по всему тексту. Отбивка абзацного отступа пробелом и клавишей Tab не допускается. Формат страницы А4. Поля страницы (верхнее, нижнее, правое, левое) – 2 см. Текст набирается без переносов, режим «выравнивания по ширине».

Иллюстрации (рисунки, графики) располагаются в тексте статьи и выполняются в одном из графических редакторов (формат tif, jpg в градации серого), с соблюдением ГОСТ 2.304–81 ЕСКД «Шрифты чертежные». Допускается создание и представление графиков при помощи табличных процессоров «Excel». Рисунки и фотографии должны иметь контрастное изображение. Графики, таблицы и рисунки: черно-белые, без цветной заливки. Допускается штриховка.

Формат рисунка не более 12 см по ширине, толщина линий в рисунках не менее 0,75 pt. Рисунки, включающие текст, цифровые или буквенные обозначения, набираются соответствующим текстом шрифтом, индексом – не меньше 8 pt.

Под рамкой рисунка на расстоянии не менее 1 см располагается его номер и подписуемая подпись.

Рисунки в тексте статьи должны быть также выполнены отдельно в формате tif или jpg, иметь единую нумерацию и прилагаться к электронному варианту статьи.

Таблицы оформляются по форме: слово «Таблица» в правом верхнем углу, номер таблицы цифрами (если их более одной), название с большой буквы форматируется по центру таблицы. Содержимое ячеек следует располагать по центру. Если таблица занимает более одной страницы, ниже шапки таблицы на первой странице располагается строка нумерации колонок – по порядку слева направо, вторая и последующая страницы начинаются словами «Продолжение таблицы», далее повторяется строка нумерации. Таблицы размером менее одной страницы разрывать не следует. Размеры ячеек и таблицы в целом следует по возможности минимизировать. В таблице указываются единицы измерения, погрешность. Таблицы должны иметь единую нумерацию. В тексте формируется ссылка к таблице.

Библиографический список (References) оформляется после основного текста статьи на русском и английском языке (шрифт Times New Roman, начертание для заголовка – прописной жирный, кегль 14; для списка – строчный, кегль 14).

Редакция сообщает автору о решении по поводу публикации. В случае отрицательной рецензии редакция направляет автору рукописи мотивированный отказ. Рукописи по почте не возвращаются.

Аспиранты публикуют свои работы на бесплатной основе.

Более подробно с требованиями к статьям можно ознакомиться на сайте Калмыцкого государственного университета: <http://www.kalmsu.ru>.

«Вестник Калмыцкого университета» (возрастная категория 12+) издается для широкого ознакомления научной общественности с достижениями научных школ Калмыцкого государственного университета. В журнале публикуются результаты научных исследований по истории, филологии, философии. Авторами «Вестника КалмГУ» могут быть преподаватели, научные сотрудники и аспиранты университета, а также другие ученые, активно сотрудничающие с университетом.

Журнал «Вестник КалмГУ»
включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции, издателя и типографии:

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»
358000 г. Элиста, улица Пушкина, 11. Тел./факс: (847-22) 4-02-97
E-mail: vestnik.kalmgu@yandex.ru
Страница журнала на сайте КалмГУ:
<https://kalmgu.ru/category/vestnik-kalmgu/>

Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Журнал зарегистрирован
в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Волгоградской области и Республике Калмыкия
(свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ТУ34-00731 от 8 апреля 2016 г.)

Научный журнал

ВЕСТНИК
Калмыцкого университета

№2(58)/2023

Подписано в печать 28.06.2023 г.
Дата выхода в свет 30.06.2023 г.

Формат 70x108/16. Усл. печ. л. 13,12.
Тираж 300 экз. Заказ №5268. Цена свободная.

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»
358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11. Тел./факс: (84722) 39014